

К

КАБАЧЕСТВО, сложившаяся с XVI в. система сознательного спаивания некоторой части населения России с целью получения дохода. Опиралась преимущественно на маргинальные слои населения и иудеев.

Сатана — первый винокур.
Картинка из лубочной
книги XIX в.

русские пили свои старинные напитки — *брагу, пиво, квас* и бархатный *мед*, каждая семья варила к празднику хмельную бражку. Все пили питье домашнее, почти даровое, здоровое, и хотя не могли не встретиться случаи неумеренного употребления питей, но пьянства совершенно не было, в тех условиях оно было немислимо.

С оккупацией России татаро-монголами вводятся налоги на брагу, пиво, мед, на квас, а с к. XIV в., когда в России появляется *водка*, и на водку. До этого времени напитки в больших городах продавались в корчмах. В XIV и в XV вв. корчмы встречаются в Новгороде, Твери, Смоленске, Пскове. В других городах и селах корчем не было, но и в упомянутых городах было не больше, как по одной или по две корчмы. Но с появлением водки корчмы стали размножаться, появились и пьяницы.

Случалось, князь, чтобы прекратить пьянство в тайных корчмах, уничтожит их, а заведет свою казенную корчму, но узнает про это владыка и пишет ему: «князь, не хорошо: снеси прочь корчму», — и князь корчму сносит. Так дело шло до 2-й пол. XVI в., когда

в русской жизни появился каба́к. Каба́ком (слово татарское) у татар называлось сначала село, имение и потом постоялый двор, где, кроме съестных припасов, продавались и напитки, употребляемые татарами до 1389, когда, приняв магометанскую веру, они должны были отказаться от вина. В Казани, во время взятия ее Иваном Грозным, в 1552, упоминаются Кабацкие врата. После Казанского похода Иван Грозный заболел, потеряв царицу, и потом, отдав управление земщиной касимовскому татарину, окружил себя опричниной, для которой за Неглинной, между Арбатом и Никитской, он построил дворец, а на Балчуге завел избу, где бы опричники могли пить и гулять, сколько им угодно, и назвал эту избу кабаком. В этот каба́к приходили горожане, покупали там водку, каба́к оказался делом выгодным, и вот наместникам областей предписывается уничтожить везде вольную торговлю напитками и заводить царские кабаки. Но чиста и здорова еще была народная жизнь, и царев каба́к на Балчуге, по выражению современных памятников, возбудил многое нареkanie и погибель. Царь Федор Иванович, как рассказывают, велел сломать этот каба́к, но зато, тотчас же по смерти отца, пожаловал Ивана Петровича Шуйского великим жалованьем, отдав ему город Псков с пригородами, с тамгою и с кабаками. Царь Борис Годунов запретил употребление вина и содержание корчем, и в то же время вновь открыл каба́к на Балчуге, который и получил название Большого царева каба́ка. Место этого знаменитого «отца российских каба́ков» указывают у Каменного моста. До сих пор пьянство было редким исключением, и народ, заплатя явку за пиво и мед, варил его дома и пил его у себя дома, сколько ему угодно. Но когда варить пиво и мед и курить вино было запрещено, когда все эти напитки стали продаваться от казны, когда к слову «каба́к» приложился эпитет «царев» — народ поневоле потянулся к каба́ку, и пьянство увеличилось. Зараза мало-помалу входила в жизнь; появление царева каба́ка в каком-нибудь месте сначала пугало народ, и он писал к царю: «Царь, вели снести каба́к». И царь каба́к сносил. В глазах народа каба́к сделался чем-то проклятым. «Каба́к, — говорил народ, — пропасть, — тут и пропасть». Явилось поверье, что церковь, поставленная на месте каба́ка, непременно провалится. В Новгородской губ. в Грузинском погосте в 1681 появился каба́к, а монахи соседнего монастыря пишут к царю, что тут ка-

Изображение пьянственной страсти. Народная картинка из альбома Д. А. Ровинского.

брались на откуп и все напитки, даже сусло и квас, народу нечего было пить — но кабаки все не шел вперед, а, напротив, появилось множество тайных корчем и ропат, которые были скрыты от общественного надзора и скоро сделались местами разврата. Народу сделалось противно самое имя кабака, и велено называть их кружечными дворами, и очень часто случалось, что отдают кабаки на откуп, и в целом округе не оказывается ни одного откупщика. В деревнях кабаки строго запрещались (до к. XVII в.), и еще в 1665 существовали честные русские люди, вроде Ордин-Нашокина, который, замечая зло, распространяющееся от казенных кабаков, хлопотал о прежней вольной продаже напитков.

В Москве, в н. XVII в., было, вероятно, не больше двух-трех кабаков, но к концу века их число увеличилось многократно. Кабаки начинались с самого Кремля. Здесь, при царе Алексее Михайловиче, на Земском дворе, возле самого государева дворца, с ведома Приказа начальных людей, были заведены кабаки, где кабатчики, собравшись в артели, торговали вином. Всех этих кабатчиков было больше тысячи, и артель их получала большие выгоды. В XVIII в. в Кремле были известны два кабака: один духовный, другой подъяческий. Первый помещался на Соборной площади, под известной Царь-пушкой, и назывался «Неугасимая свеча». Здесь, после вечерень, обыкновенно собирались соборяне, пили и пели «Пасху красную». Подъяческий кабаки стоял ближе к дворцу, перейдя туда вместе с Приказами, — он стоял под горой, у Тайницких ворот, и назывался «Катон». При Анне Иоанновне кабаки этот велено было из Кремля вывести, вместо него поставили несколько кабаков, но уже не в Кремле. Из других московских кабаков славилась Каменномостский кабаки, служивший притоном всяким ворами, и «Красный кабаки»,

кабаки быть нельзя, ибо это место святое, здесь апостол Христов Андрей Первозванный посох свой водрузил, и благочестивый царь посылает грамоту, чтоб кабаки снести.

Кабаки с самого начала оказались вещь выгодной, и были употреблены всевозможные меры, чтобы распространить его, но кабаки не шел. Цари жаловали кабаками князей, и бояр, и даже татар, всякий мог приехать в Москву и купить там себе кабаки, т. е. право поставить его там, где ему хотелось, а вместе с кабаком

куда собиралось все, что только было тогда в Москве разгульного. Из особенно известных старых кабаков следует упомянуть кабаки у Воскресенских ворот. Сюда собиралось после присутствия все подъячество. Между Моисеевской площадью и Никитской был кабаки, называемый «Каменный скачок», позднее просто «Скачок». Против Моисеевского монастыря стояло «Тверское кружало», а где в сер. XIX в. был Воронин трактир, ранее стояло «Стеклянный кабаки». В XVIII в. всю Россию обнимает откупная система, распространившаяся потом на Сибирь, на юг, где прежде московских кабаков не знали. Домашнее пиво и медоварение прекращается, и начинается пьянство в кабаках.

Раз поставленный кабаки уже навсегда тут и остается, обрастая народными воспоминаниями. «Тверское кружало», стоявшее в Охотном ряду, в XVIII в. заменяется «Цареградским трактиром», который завел какой-то грек (позднее гостиница «Париж»). Далее на углу Тверской и Газетного переулка стояло «Старый кабаки», прославленный августинским кучером. На Саввинском подворье жил Августин, у него был кучер из духовного звания Илья. Этот Илья иногда до того пил, что его забивали в колодку и приковывали цепью к стулу. Проспавшись на цепи, он вставал, брал в руки стул, и со стулом, с колодкой и с цепью на шею снова плелся в кабаки на углу Газетного переулка. В 1862 в Москве считалось, по отчетам откупщиков, 215 кабаков, большая часть их возникла в XVIII в. «Голь кабацкая» — главные посетители кабаков — проводили там время с женщинами, и за минуты буйного веселья среди этих женщин «голь почитала их благодарной памятью, соединив их имена с именами кабаков, которые они посещали». Таков известный кабаки «Танька», получивший имя от Таньки, известной разбойницы, хотя другое предание говорит, что местом посещения ее было «Петровское кружало». Подобным же образом получили свои названия кабаки: «Татьянка», «Агашка», «Аринка» на Девичьем поле. Многие кабаки получили имена от местностей, где они находились, и по др. причинам: «Синодальный кабаки», «Казенка», знаменитая некогда «Старая изба», «Роушка», «Ленивка», «Веселуха», «Каковинка», «Щипок», «Подберезка», «Варгуниха», «Разгуляй». Кабаки по окраинам города назывались прощанами или росстанями, как, напр., тверские росстани. Явилось множество кабаков, называющихся по имени *бань*, около которых они стояли как необходимая принадлежность: кабаки «Новинские бани», «Сиверские бани», «Денисовы бани», «Девкины бани», «Барашевские бани», «Ирининские бани», «Елоховы бани», «Петровские бани», «Вишняковы бани», «Крымские бани». В XVIII в. появился кабаки «Истерия», а также возникли и др. формы «западной цивилизации» как то: фартины, трактиры, герберги, рестораны, ренсковые погребки. Их число в столицах росло все больше и больше.

Кабаки начинают появляться по селам и деревням, чего прежде не было. В 1787 в средней и южной России не существовало ни одного города, где бы не было нескольких кабаков; встречались такие села, где не было ни одного дома, в котором не торговали бы водкой. Но почти во всяком городе была пивоварня. В Москве в н. XIX в. существовали еще сотни пивоварень. Но откупная система увеличивается более и более, откупная

Х.-Г. Гейслер. Кабак. Конец XVIII в. Гравюра.

сумма доходит в 1850 до 106 млн. руб. серебром, употребление пива уничтожается, исчезают *наливки*, настойки, *травники*, делаются преданием старинные квасы, меда, а народ учили пить водку.

Кабаки были совершенно чужды народной жизни. Они вводились силой, управление ими и всем, что относилось до продажи напитков, уже никак не могло существовать вне общих оснований народного права. В государственной, общественной и народной жизни России сер. XVI в., когда в первый раз появился кабак, везде более или менее действовало выборное начало. Это же начало легло в основание первых установлений о торговле напитками. Царь Иван Васильевич Грозный заводит кабак, и надо собирать на кабаки деньги, но кому? Послать ему туда боярина, дворянина, гостя торгового — царь и представить этого не мог: он поручил надзор за кабаками всему обществу, всему народу, он отдал сбор кабацких денег на веру выборным людям. Да дело было в том, что кабаки были ненавистны народу, и, без сомнения, нельзя было и ожидать, чтоб для управления кабаками пошли лучшие люди. Народу было сказано, чтоб он выбрал лучших людей, т. е. людей достаточных и верных, которые бы, дав присягу и поцеловав крест, собирали бы кабацкую прибыль на веру. Но лучшие люди не шли на служение кабаку, шли только те, которым терять было нечего. Таким образом кабацкие выборные становились в глазах народа людьми низкими и презренными, и особенно те из них, которые заведовали самой продажей напитков. При каждом кабаке выборных было двое: голова кабацкий и его помощник; голове поручен был высший надзор за кабаком, а продавали напитки и сидели по кабакам его помощники, и хотя голова и его помощники одинаково целовали крест служить казне честно и верно и, следовательно, оба были целовальниками, но народ оставил это имя за одними сидельцами, назвав их целовальниками, а со слов народа этим именем стало называть их и само правительство. С именем целовальника народ соединил то постыдное, позорное и бранное значение, с которым оно дошло до XIX в., и история подтверждает справедливость народного приговора.

Казна требовала все больших и больших кабацких прибылей, и, чтоб вернее достигнуть этого, она, в отношении казенного сбора, связывала выборных самыми тяжелыми правилами в отношении к народу, к потребителям напитков, не стесняя выборных в произволе действия. Вместе с этим в Москве того времени, славившейся своим Шемякиным судом, своей московской волокитой, воспитывался особый разряд людей, готовых за деньги служить всякому нечистому делу. Люди эти, отовсюду сбиравшиеся в Москву, знали, что казна смотрит сквозь пальцы на кабацкое дело, и, сойдясь с московскими подьячими, покупали через них места кабацких голов и откупщиков, давая при этом обязательство выбрать с кабака сумму, несравненно большую перед прежними годами. Но как ни дурны были кабацкие выборные, как ни велико было зло, приносимое ими народу, владельческие и господские крестьяне лишены были даже и этой благодати: целовальников к ним присылали из городов.

Целовальники и откупщики жили вне суда, имели право действовать по своему произволу, только чтоб они к новому году представляли большую прибыль перед прошлыми годами. Москва только и писала к целовальникам, чтоб они торговали, «как бы нашей казне было прибыльнее, а питухов (которые пьют в кабаках) не отгоняли бы». Доносили целовальники, что народ не пьет в кабаках и кабаки пусты, а им на это отвечали, что они «доносят неразумно, и как хотят они, а чтоб непременно собрали кабацкую прибыль». Доходят жалобы, что целовальники недоливают вино, и народ поэтому перестает ходить в кабаки, и приходит позволение самим питухам мерять вино при покупке для того, чтоб им впредь приходиться в кабаки было поводно. Меряя напитки неполными и неверными (незаорленными) мерами, целовальники, кроме того, примешивали в водку табак и разные суррогаты, подливали воду. На посетителей кабаков они смотрели, как на самый подлый народ, с которым можно делать все, что хочешь. В 1643 шуянин Аксенов бьет челом царю на Шуйского верного голову и на кабацких верных целовальников, на посадских людей, на Тихона Иконникова с товарищами, что отец его «пьет у них на кабаке безобразно и голова и целовальники кабацкого питья дают ему в долг много, не по животам и промыслу», и «что мне, государь, — продолжает сын, — в том кабацком отца своего долгу не погибнуть и не дойти до того, что и откупить его будет нечем». Поэтому уставными грамотами определяется количество напитков на кружечном дворе, запрещается целовальникам давать вино в долг и в кабаку, чтоб «питухи», как поучает Уставная грамота 1653, «в напойных долговых деньгах, стоя на правее и сидя за приставы и в тюрьме, напрасно не помирал». Велят также смотреть, чтоб «крестов, и образных окладов, и книг, и всякой церковной утвари, и татинных и разбойных рухлядей в пропое под заклад ни у кого не имели». Кабатчики обманывали нетрезвых людей, приписывали им «лишние напойные деньги», подводя их за это под палки, сажая их в тюрьмы. Кроме того, они давали и деньги взаймы, как обыкновенно делали это жида-корчмари в Малороссии. Так, шуйский откупщик в 1646 роздал шестнадцати чело-векам 55 руб. 50 коп., каждому от рубля до восьми. В кабаках существовали самые низкие и бесчестные средства к наживе, совершались самые низкие преступления. По

кабакам заведены были азартные игры, табак, женщины. Работник и мастеровой часто проживали все имущество жены и детей. Пока сидели они в царевом кабаке, никто и ни под каким предлогом не смел вызвать их оттуда, чтоб не нанести этим убытка казне. Пили до того, что все пропивали с себя и выходили из кабака буквально голыми.

Кабак делался мало-помалу местом страшным и скверным. Мать, провожая сына, предостерегала его от кабака и от дружбы с целовальниками:

Не ходи, чадо, к костарем и корчемником,

Не знайся, чадо, с головами кабацкими.

Под влиянием ужасных сцен, совершавшихся в кабаке, — и вино, и кабак, и кабацкие пьяницы, — кабачество в народном сознании стало символом всего дьявольского, темного, нечистого. Не перекрестивши рта, не перекрестивши стакана с вином, нельзя было выпить — иначе, вместе с вином, вскочит в рот и *дьявол*, сидящий в стакане. Дьяволы лично являлись в кабаках и спаивали народ. Опившиеся в кабаках или убитые там считались уже нечистыми, их не погребали, а зарывали в лесу, считали *заложными покойниками*. Патр. Адриан повелел, чтоб всех, которые, играя, утонут или вином обопьются, не отпевать, а класть в лесу или на поле. Отсюда-то распространилось злое, суеверное народное мнение, что если на общем кладбище похоронят опийцу, то быть неурожаю или засухе. В 1861 в одной деревне, во время случившейся засухи, народ вырыл из могилы труп крестьянина, умершего от пьянства, и, изуродовав его, бросил в реку.

Несмотря на то что прежние целовальники, как люди выборные, часто сменялись, несмотря на то что при введении откупов в прошлом веке уже не было верных целовальников, но имя их, их значение сохранилось в названии кабашных сидельцев целовальниками, они остались навек памятны в позорной брани: «целовальник!» С развитием откупов к целовальникам присоединились целые массы откупных чиновников, агентов, приказчиков, надсмотрщиков, безнаказанно дерзко употреблявших все средства, чтобы спойти народ. Целовальники, служившие в откупках, получали прежде жалованья от 6 до 8 руб. в месяц, и только те получали 25 руб., у которых продажи было не менее чем на 2000 руб.

И несмотря на то что из этого скудного жалованья целовальники должны были платить за утечку, за освещение кабака, за бой посуды, кроме того, платить штрафы, угощать полицию и пр. — желающих служить целовальниками было много. Целовальники в Москве наживались, богатели и делались откупщиками-миллионерами. Кроме миллионов, получаемых казною за откупа (в 1859 эта сумма выросла до 127,7 млн. руб. себром), кроме сотен миллионов, наживаемых откупщиками (по вычислению Бабста, до 600 млн. ежегодно), сколько еще миллионов наживали целовальники! Целовальник находился как бы вне законов: полиция не могла ничего сделать с ним без откупщика. Целовальник знал одну власть — откупщика, имел одну цель — обирать народ. Он обмеривал, обсчитывал, обкрадывал народ, торговал краденными вещами, торговал даже мелкой монетой, извлекая ее из народного обращения, и за все это продавал водку, разбавленную водою и суррогатами. Сначала в целовальники шли только горо-

жане, затем в разных местностях сделалось обычаем на заработки ходить в города в целовальники, и, наконец, появились целые села, откуда на всю Россию выходили целовальники. Таковы богатые села Рязанской губ., Зарайского у.: Белоомут, Ловцы, Любичи и знаменитое государственное село Дедново.

Если в Центральной России народ спаивали откупщики и целовальники, то в Малороссии и Белороссии еще более жестоко и напористо это совершали иудейшинкари. Усилением иудеев за счет умного, доброго и честного малоросского народа Малороссия обязана сначала полякам, а потом Москве, которая народу не давала водки, а жидам и полякам позволяла делать все что угодно. Вся Малороссия и Белоруссия стонали еще под игом поляков. Малороссы были для польского пана низкими холопами. Народ панам поставлял «меда та вина ситни», а паны за это усеяли всю Малороссию шинками, отдав их, вместе с народом, в аренду иудеям. По Указу 26 янв. 1725 кабаки Смоленской губ. были отданы на откуп «жидам Борху и Лейбову», но они действовали так «хорошо», что через два года велено было сделать с ними расчет, и выслать их вон из России, и вперед не пускать. Закон 1845 окончательно запрещает жидам торговать в шинках по деревням, селам и хуторам. Запрещение это остается и в Положении 1863. И тут-то, среди глубочайшего, всеобщего молчания о пользах народа, начинают снова раздаваться голоса за иудеев-корчмарей, поднятые в видах народной пользы. Один предводитель дворянства, указав на важное значение иудеев для благосостояния губернии, ходатайствует о допущении их торговать в шинках, — тем более потому, что малороссы отказываются брать в аренду шинки, — и свидетельствует, что с освобождением крестьян некому будет содержать шинки, кроме иудеев, а с воспрещением этим последним шинковать — шинки должны будут закрываться, и тогда дворянство понесет убытки. Предложение это было принято, как видно из циркуляра от 23 мая 1863, и дозволено иудеям в местах их оседлости заниматься питейной продажей повсеместно, на общем основании. Народ Малороссии дал дорогу иудеям-корчмарям, сам же совершенно отстранился от участия в торговле вином. «Отчего вы не торгуете вином?» — спрашивают тамошнего крестьянина. — «Боимся проторговаться». — «Да отчего жиды не проторговываются?» — «Да у жиды, — отвечает народ, — бачьте, и жидовска натура, а у нас натура мужицка, христианска».

И. Прыжов
КАГАНЕЦ, глиняная плошка с ручкой, наполненная салом с опущенным в него фитилем. Выполняла роль *светильника* в Малороссии и южных районах великороссии.

КАДКА (кадушка), емкость для заготовки солений, квашений, мочений.

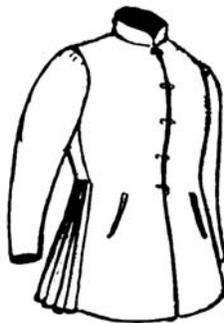
Она изготавливалась бондарями из клепок, стянутых обручами, и представляла собой усеченный конус или цилиндр, иногда поставленный на три ножки, являвшиеся продолжением клепок. Необходимой принадлежностью кадки были кружок и крышка, сделанные из хорошо выструганных и прижатых друг к другу клепок. Кружком, диаметр которого был меньше диаметра кадки, прижимали положенные в нее продукты, а затем сверху укладывали гнет — камень. Соленья и моче-

ня при этом всегда находились в рассоле, не всплывая на поверхность. Крышка, плотно входившая в кадку, нужна была для того, чтобы предохранить продукты от загрязнения. Снимали крышку с помощью находящейся в центре ее ручки.

Кадки изготавливали из листовых пород деревьев: сосны, липы, дуба; обручи — из ветвей ивы, сирени, черемухи, орешника. Особенно ценились дубовые кадки. В них засаливали огурцы, мясо, рыбу, квасили *капусту*, мочили яблоки, бруснику, клюкву. Дубовая древесина содержит консервирующие вещества, убивающие гнилостные бактерии, благодаря чему заготовленные в дубовых кадках продукты сохранялись намного дольше, чем в липовых или березовых. Кроме того, дуб придавал соленьям дополнительный аромат и вкус. Кадки из осины использовали гл. обр. для засаливания капусты, которая оставалась в них белой и хрустящей.

И. Ш.

КАЗАКИН, мужской полукафтан, суконный, выше колен, приталенный, со сборками на спине, с узкими рукавами и воротником-стойкой, однобортный, на крючках. В XVIII—XIX вв. в женском costume употреблялся казак в виде длинной кофты, с широкой спинкой, часто с закругленными полами; надевался поверх платья, обычно носился нараспашку.

КАЗАН, большой котел, литой, чугунный, кованый железный либо цельнотянутый медный, с полукруглым дном, с ушками либо с дужкой, для приготовления пищи.

КАЗАНСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ, один из главных символов русской духовности, икона с изображением Богоматери с младенцем Христом на руках в иконографическом типе Одигитрия (Путеводительница), обретаена в 1579 в Казани.

После пожара, уничтожившего половину города, 9-летней девочке Матроне Онучиной явилась во сне пречистая Богородица и повелела возвестить всем, что в земле, на месте сгоревшего дома Онучиных, хранится Ее икона. Сообщению девочки поначалу не придали значения. Однако сон повторился еще дважды. Тогда Матрона со своей матерью сами откопали икону, а священник ближайшего Никольского храма Гермоген с *крестным ходом* отнес икону в свой храм. А после молебна икону перенесли в Казанский Благовещенский собор. До н. XVII в. икона почиталась в основном в Казани и Москве. Интересен тот факт, что позднее, в Смутное время, священник Гермоген стал патриархом Русской православной церкви и прославился своими подвигами и мученической смертью во имя спасения Отечества.

Образ Казанской Божией Матери с наиболее благодатной силой впервые проявил себя в годы Смуты. В Казанском ополчении был список с иконы, который воины вручили кн. Д. М. Пожарскому. В 1612 икона

Казанская икона Божией Матери.
Икона XVII в.

стала Путеводительницей всего второго ополчения, двинувшегося из Н. Новгорода на освобождение Москвы. Накануне решающего сражения с интервентами, засевшими в Москве, русское воинство 3 дня постило и молило Богородицу о милости перед Казанской иконой. А победа, одержанная в этом сражении, была расценена как очередное свидетельство покровительства Божией Матери России.

С этих пор икона Казанской Божией Матери приобретает общерусское значение. Поначалу возникло народное почитание — сразу после освобождения Москвы в 1612, когда, в отсутствие царской власти, воины ополчения «оставиша праздник торжественный праздновати о таковой дивной победе».

Общегосударственной святыней, «палладиумом царского дома Романовых, защитницей столицы царства и охранительницей трона» икона сделалась к 1636, при царе Михаиле Федоровиче Романове, когда на Красной площади Москвы был построен каменный Казанский собор. Он был одним из немногих в то время храмов на Руси, посвященных этому образу, но сразу же занял второе место в иерархии столичных храмов. Собор возводили на средства царской семьи, которая, как свидетельствует Новый летописец, «начаша к тому образу веру держати велию и повелеша праздновати дважды в год и ход оставиша со кресты». Почитание Казанского образа все более соединялось для царя Михаила Федоровича и его семьи с восприятием Казанской иконы как символа покровительства Богоматери не только Российскому государству, но и, особо, новой царской династии. Это личностное отношение, крепящую веру и почитание образа можно считать главными источниками создания все новых и новых храмов сначала в Москве, а затем и по всей России. Как показали наблюдения современных исследователей над хронологией строительства храмов в честь Казанской иконы вплоть до 1611, ее почитание первоначально распространялось лишь в Казани с отдельными выходами по Поволжью. Но бурный рост строительства Казанских храмов наблюдается уже со 2-й пол. 20-х XVII в. Он набирает силу после 1632, когда на Красной площади в Москве начали возводить собор во имя всенародной святыни.

Та же закономерность ощущается и в многочисленных чудесах, явленных от списков с Казанского образа — большинство из них отмечено в годы правления первых Романовых. При царе Михаиле Федоровиче

было 7 таковых явлений — в Москве (1612 и 1632), в Черниговской (1622), Владимирской (1624), Волынской (1636), Костромской (1642) и Пензенской (1643) губерниях. Тремя явлениями отмечено царствование Алексея Михайловича — в Витебске (1654), Тобольске (1661) и Зарайске (1673). При царе Федоре Ивановиче — одно явление в Соловецком монастыре в 1676. При совместном правлении малолетних царей, Иоанне и Петре, отмечено 2 явления, а в царствование Петра зафиксировано 7 явлений иконы — в Киеве (1699), Шлиссельбурге (1702), в Костромской (1702), Харьковской (дважды в 1708) губерниях, в Каргополе (1714) и Пензе в (1717).

Как можно заметить, наибольшее количество явлений этой иконы в XVII в. происходило во времена царствования Михаила Федоровича. Видимо, это совсем не случайно: люди сохраняли еще живую память об образе, выведшем Россию из многолетней братоубийственной бойни, для них события Смутного времени были еще живой историей. В восприятии русского народа Казанская икона уже спасла, а затем и постоянно оберегала от погребели не только страну, но и ее жителей. В качестве примера можно привести «Повесть о Савве Грудынце», герой которой, современник Михаила Федоровича, был избавлен от договора, подписанного с дьяволом, только по молитве перед Казанским образом в Москве. Примечательно, что свидетелем этого чуда был царь.

В 1649 Алексей Михайлович официально распространил почитание образа на все государство. Кстати, этот день, 22 окт., стал последним общим праздником единой Русской церкви.

К 60-м XVII в., с одной стороны, течение российской жизни постепенно вошло в спокойную колею, и память о помощи Казанской иконы постепенно покрывалась туманной дымкой легендарного прошлого, а с др. — страна вступила в новую полосу испытаний, связанных с расколом Церкви. Последние годы царствования Алексея Михайловича и правление его преемника — Федора Алексеевича стали переломными в почитании образа, ибо гонимые приверженцы древлего благочестия страстно ожидали покровительства от святых. Из столичного Казанского собора начался путь в ссылку главных идеологов старообрядчества — «неистового» Аввакума и Ивана Неронова. По преданию, сохраненному П. И. Мельниковым, после разгрома царскими войсками Соловецкого монастыря икона Казанской Божией Матери — комнатный образ, ранее принадлежавший Алексею Михайловичу, — увела старца Арсения в заволжские леса, где тот основал первый раскольничий скит.

Новый всплеск чудотворений от образа приходится уже на годы Северной войны, но именно тогда происходит переосмысление образа как святых, оберегающей Русскую землю от нашествия иноплемеников.

Так, в 1709, накануне Полтавского сражения, перед иконой молился Петр I, а в 1710 икона из Москвы была перенесена в С.-Петербург и здесь, после строительства в XIX в. Казанского собора, хранилась в этом соборе. В 1812, отправляясь в Русскую армию, перед Казанской иконой Божией Матери стоял на коленях М. И. Кутузов.

Празднование в честь иконы совершается 8 (21) июля и 22 окт. (4 нояб.).

С. Перевезенцев

КАЗАНСКАЯ ЗИМНЯЯ, народное название празднования иконы Казанской Божией Матери (22 окт./4 нояб.). Важный праздник в крестьянском быту. Казанская считалась бабьей заступницей. С праздником было связано много примет; напр., считали, кто на Казанскую женится — будет счастлив в семье.

К зимней Казанской производились все расчеты с батраками, каменщиками, плотниками, штукатурами и др. наемными рабочими. Закончив все работы, они ехали в свои деревни. На Казанскую ждали дома мужиков-отходников, которые избы и печи делали по др. деревням. Девушки в этот день гадали на лист-зеркальце. С утра пораньше, когда еще иней с листьев не спал, бежала девушка в лес, срывала заиндевелый березовый листочек, что ниже всех растет, и смотрелась в него, словно в зеркальце, стремясь увидеть в нем свое красивое отображение. Существовало поверье, что если девушка была дурна лицом, то после этого смотрения в листик-зеркальце преображалась в красавицу.

КАЗАНСКАЯ ЛЕТНЯЯ, народное название праздника в честь дня явления иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани, 8/21 июля. На Казанскую начиналась жатва.

По крестьянским наблюдениям, этот день чаще всего бывает солнечным, редко когда дожди выпадают. Начало жатвы проходило по особому ритуалу. В ржаное поле выходили с Казанской иконой Божией Матери. Процессия во главе со священником обходила кругом все поле, затем служили молебны.

По древнему обычаю, кланялись ниве, чествуя ее *хлеб-бом-солью*, затем нажили первые 9 снопов и ставили их в бабку (суслон). На свежескошенной полосе расстилали полотно, раскладывали хлеб-соль, *пирогов*, яйца и принимались за трапезу, запивая еду освященной водой. Затем, помолясь, начинали жатву. Мужики косили, бабы и девки вязали снопы, подростки ставили бабки.

На Казанскую попевала черника. С этого дня ее собирали в лесу. С ее помощью лечились от расстройства желудка, диабета, ревматизма, подагры. Там, где в селах церковь была посвящена Казанской иконе Божией Матери, проводился престольный праздник. Съезжались гости, устраивали *ярмарки*, проходили *гуляния*.

В этот же день праздновали память свв. мчч. Прокония и Праведника *Прокония*, Христа ради юродивого, *Устюжского* чудотворца. Поэтому этот день в народе еще именовали Проконьев день, Прокон Жнец, Проконий Жатвенник.

КАЗЕНКА, 1) каморка, чулан, отгороженный уголок, клетушка; перегородка в *избе*, откуда нет топки, а иногда и в *горенке*, в летней половине; деревянный пристрой к печи в избе, с дверкой, во Владимирской, Нижегородской, Пермской, Смоленской, Рязанской, Тамбовской губ. служивший приступком для лаза на печь с лежанкой, если печь натоплена, помещением зимой для птицы и мелкого скота и (в Тамбовской губ.) крышей над лазом в *подполье*, *голбец*; 2) *коник* (он же местами *кутник*), большой прилавок у дверей, при входе в избу, с дверцами; 3) каморка в виде арестантской (в Донской обл.); 4) рубка или каютка на речных судах, где живет хозяин или приказчик и хранятся деньги; 5) кабинет, тайничок; 6) *ларец* или *шкатулка*, денежная коробья.

В. Даль

КАЙСАРОВ Андрей Сергеевич (16 [27].11.1782—14 [26].05.1813), первый русский профессор из дворян, преподававший на русском языке, первый русский ученый-славист, писатель, общественный деятель, герой Отечественной войны 1812.

В 1804 Кайсаров издал на немецком языке книгу «Славянская и российская мифология», написанную в «азбучном порядке», которая затем на русском языке вышла в Москве в 1807 и 1810. Это был первый в России словарь языческих мифов. Тщательное изучение древнейшей славянской культуры и литературы легло в основу невоплощенного замысла — составления «Сравнительного словаря славянских наречий» (1805, Геттинген).

А. Б. КАЛАБАШКА, точеная из дерева чашка, миска для еды в северных губерниях.

КАЛАЧ, пшеничный хлеб из слабо замешанного теста, выпеченный в форме утолщенного кольца с тонкой ручкой в виде дужки, за которую калач держали во время еды, чтобы не пачкать его руками.

КАЛАЧОВ Николай Васильевич (26.05.1819—25.10.1885), ученый историк-юрист, сенатор, исследователь русской *артели*. Учился в Московском дворянском институте и Московском университете на юридическом факультете. Еще будучи студентом, Калачов написал исследование «О Судебнике царя Иоанна Васильевича», помещенное в «Юридических записках». Службу Калачов начал при Археологической комиссии, но скоро вышел в отставку, чтобы заняться хозяйством в своих родовых имениях. В 1846 он вернулся в Москву и занял место библиотекаря в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел. Защитил диссертацию «О Русской Правде». В 1848, с выходом из Московского университета К. Д. Кавелина, занял кафедру истории русского законодательства, на которой оставался до 1852. Как профессор, Калачов обращал главное внимание на т. н. внешнюю историю права, посвящая большую часть своего курса критическому обзору и разбору памятников русского законодательства. В этом сказывалась определенная школа, следы которой носит и исследование Калачова: «О значении Кормчей в системе русского права» (сначала в «Чтениях Общества истории и древности», 1847), упрочившее за ним авторитетное имя в науке истории русского права. В 1850 Калачов начинает издание «Архива историко-юридических сведений о России», который, благодаря трудам самого издателя и целого ряда ученых новой школы, был очень важным явлением тогдашней исторической литературы. Кроме вопросов древнего русского законодательства, в «Архиве» помещались исследования о древней жизни вообще, с теми новыми приемами, которые развивались тогда в истории, филологии, этнографии благодаря трудам В. С. Соловьева, Кавелина, Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева и др. С 1857 издание Калачова стало называться «Архивом исторических и практических сведений, относящихся до России». В 1851 Калачов был назначен членом Археологической комиссии, а в 1852 ему было поручено издание «Дополнения к актам историческим». Для собирания материалов Калачов совершил в 1852 и 1853 археологическое путешествие по России, результатом которого явились изданные в 1852 «Исторические заметки, собранные в Орле и Мценске».

Оставив кафедру, Калачов переселился в С.-Петербург и здесь работал во Втором отделении Собственной Его Величества Канцелярии, где подготовил 3 тома «Актов, относящихся до юридического быта древней России», 2 тома «Писцовых книг», 3 книги «Докладов и приговоров Сената за 1711 и 1712 гг.», 3 тома «Архива Государственного Совета» и т. д. Назначенный членом редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, Калачов работал в юридическом отделении их. Первый его доклад «О прекращении крепостного права» своей обстоятельностью вызвал удивление др. членов комиссии. Калачов принимал также участие и в комиссии, составлявшей новые судебные уставы. Его инициативе обязаны своим существованием ст. 130 Устава гражданского судопроизводства, впервые узаконившая применение на суде *обычного права*. Позже Калачов был председателем комиссии, учрежденной при Географическом обществе для собирания народных юридических обычаев. В 1864 в С.-Петербурге им напечатано исследование «Артели в древней и нынешней России». В книге рассматривалась практическая деятельность артелей и относящиеся к ним законодательные документы.

Лит.: Н. В. Калачов. Чтения, посвященные его памяти, в Археологическом институте 3 декабря 1885 // Вестник археологии и истории. Вып. 5. 1886.

КАЛГАН, долбленный из дерева *кови*, деревянная или глиняная чашка для еды грубой работы; в калгане также формовали хлебы, крошили мясо, толкли сало и пр. В переносном смысле — грубое название головы, башка.

КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ, персонажи русского народного былинного эпоса (см.: «Калика Иванище», «Сорок калик со каликою»).

Калики предстают в русском народном эпосе далеко не второстепенными персонажами. Калики исцеляют и наделяют силой *Илья Муромца*; «сокружившись» каликой, проникает он неузнанным в «Царь-от-град»; с каликой меняется одеждой и *Алеша Попович*, выходя на бой с Тугарином; каликами «справляются» *Илья Муромец* и *Добрыня Никитич*, спасая Михайло Потыка. Есть среди былинных героев Калика-богатырь, побивающий «силушку», которой «сметы нет», причем не где-нибудь, а «на тех полях да на Куликовых». Не менее значителен образ др. былинного богатыря, «сильного могучего Иванища», с которым не решается вступить в единоборство даже *Илья Муромец*. Иванище — тоже «калика переходящая переброяя».

И есть т. н. каличи *былины*, созданные самими каликами переходящими Древней Руси. К высочайшим образцам русского народного эпоса принадлежат былины «Голубиная книга» и «Сорок калик со каликою».

«Голубиная книга», по единодушному мнению специалистов, один из самых древних памятников фольклора, а «Сорок калик со каликою» — один из самых популярных. Всего же каликами созданы десятки произведений, составляющие особую каличью поэзию (см.: Духовные стихи).

Калигвы, калиголовки, калиги, калички, калижи — названия (по *В. И. Далю*) в разных губерниях России «обуток» косцов, пастухов. Но чаще калиги — обувь странников, паломников (лоскут холста, затянутый на подъеме веревкой).

Калики перехожие.

Отсюда и «калики перехожие», всегда находящиеся в былинах в пути, в дороге, предупреждающие об опасности. Не случайно такой важной деталью является в былинах обувь каличья: не какие-нибудь «лапотки», а — в соответствии с поэтикой былин — «семи шелков», точно так же как «сума каличья» опять же не какая-нибудь, а «рыта бархата», и столь же неперменный «посох каличий», выступающий в былинах в качестве богатырской палицы в «девяносто пуд».

Среди первооткрывателей каличьей поэзии и *духовных стихов* имена А. С. Пушкина, Н. М. Языкова, П. В. Киреевского.

«Бездомного, безродного//Немало попадает-ся//Народу на Руси», — так начинается глава «Странники и богомольцы» в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Стихотворение С. Есенина «Калики» из цикла «Русь» через полвека как бы продолжает этот рассказ: «Проходили калики деревнями,//Выпивали под окнами квасу,//У церквей перед затворами древними//Поклонялись Пречистому Спасу». Стихотворение Есенина заканчивается, казалось бы, неожиданным сближением калик перехожих со скomorохи: «Вынимали калики поспешливо//Для коров сбереженные крохи.//И кричали пастушки насмешливо://«Девки, в пляску! Идут скomorохи!» Но сближение двух образов — калик и скomorохов — далеко не случайно, имеет свои глубокие исторические корни. Скomorохи — похваляющиеся (в былине «Вавило и скomorохи») «переиграть царя Собаку», и калики — их «страдальные речи» — 2 полюса, 2 противоположных и тем не менее неотделимых друг от друга явления народной культуры и народной жизни.

И былинные, и литературные калики являются странниками, паломниками, но при этом обращает на себя внимание одно явное несоответствие. Ведь былинные калики — отнюдь не слепцы, не старцы, не «сырые и убогие», каковыми они предстают не только

у Н. А. Некрасова, С. А. Есенина, но и в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина, в книге С. В. Максимова «Русь бродячая», в стихотворении 1946 «Слепой» Н. Заболоцкого. Как раз наоборот, в былинах всюду подчеркивается, что ни в силе, ни в удали они не уступают богатырям, а зачастую и превосходят их. Эпические, монументальные образы калик предстают перед нами в былине «Сорок калик со каликою». Это не убогие странники, а сорок удалых добрых молодцев, которые, проходя мимо потешных княжеских островов и завидя на охоте кн. Владимира: «Скричат калики зычным голосом, — //Дрогнет матушка сыра земля, //С дерев вершины попадали, //Под князем конь окарачелся, //А богатыри с коней попадали». Глубоко символический образ Калики-богатыря, защитника родной земли воссоздан в былине «Калика-богатырь»: «О костьль каликушка опираласи, Высоко каликушка поднималаси, //Поднялся тут каликушка поповыше лесу стоячего, //Поднялся тут каликушка пониже оболочка ходячего, //Прискакал Каликушка ко Пучай речке...»

Перед нами совершенно явное стремление создать героический образ калики, поставить его в один ряд с главными героями русского богатырского эпоса. Эта тенденция выделить калик последовательно прослеживается в целом ряде былин. Былина «Сорок калик со каликою» — такая же апология каличества, как «Вавило и скomorохи» — скomorошества. Калики и скomorохи — единственные, кто оставил в русском эпосе произведение, прославлявшие самих себя.

Видимо, была необходимость в таком прославлении и утверждении себя с помощью искусства. Каликам и скomorохам в равной степени было важно утвердить в народном сознании мысль, что они люди не простые.

Особой святостью скomorохи не отличались (о чем можно судить по целым странникам отточий в скomorошинах из «Сборника Кириши Данилова»), тем нужнее им было оправдать свое скomorошье искусство, создать вокруг себя ореол святости.

Калики перехожие Древней Руси, каковыми мы их знаем по легендам, духовным стихам, летописным рассказам, былинам — паломники, идущие на поклонение в Святую землю и добывающие себе пропитание милостыней. Так было принято испокон веков — подавать каликам милостыню, кормить их «ради Христа». Ту же самую картину мы видим и в былине «Сорок калик со каликою», когда «сорок удалых добрых молодцев», напугавшие до полусмерти своим криком каличьим кн. Владимира, тут же склоняют перед ним головы и «прошают у него светлую милостыню». «Ведь убили много буйных головушек понапрасно ведь, //Ай пролили крови да горючей», — так объясняют они причину своего паломничества. И эта тема — «паломничества как раскаяния» присутствует не только в былине «Сорок калик со каликою». В былине «Василий Бус-

лаев молиться ездил» паломничество новгородского богатыря объясняется аналогичным образом: «смолоду бито, много граблено, под старость надо душу спасти». Василий Буслав тоже под старость становится каликой переходной, но его нрав новгородского бунтаря дает о себе знать и в паломничестве на Святую землю.

Психологический мир былинных героев включает в себя и эту черту — осознания и искупления своих грехов. Пример тому — обращение Добрыни Никитича к матери в былине «Добрыня Никитич» (в записи *А. Ф. Гильфердинга* от Петра Калинина). Богатырь, вернувшись после долгой разлуки к матери, не хвастает своими ратными подвигами, а обращается к ней со словами упрека за то, что она его, Добрыню, на свет спородила, а не завернула в тонкий в льняной рукавички и не опустила в море синее: «Я не ездил бы нонь, Добрыня, по Святой Руси. // Я не бил бы нонь, Добрыня, бесповинных душ. // Не слезил бы я, Добрыня, отцей матерей. // Не спускал бы сироты да малых детушек».

В народном эпосе нашли отражение и традиционные формы искупления грехов — паломничество и уход в монастырь. В былине «Сорок калик со каликою» калики-богатыри, вернувшись на родину, начав «седлать-уздать» своих ретивых коней, чтобы отправиться «по своим да по сторонущам», напоследок дают зарок: не ездить больше в чисто поле и «не кровавить рук да богатырских». А в былине «Данило Ловчанин» состарившийся богатырь обращается к кн. Владимиру со словами: «Благослови, осударь, слово повымолвить. // Не сруби, осударь, буйной головы. // Не вынь сердца со печенью. // Благослови Динилу в монастырь ийти. // Как постричься во старцы во черные. // Поскоромиться во книги спасенные. // При старости Данилы бы душу спасти».

В древнерусских летописях и рукописных книгах сохранилось немало в высшей степени любопытных рассказов о каликах. Один из них — легенда о сорока новгородских каликах (таковым был, по всей видимости, обычный состав каличьих дружин) из рукописного сборника к. XVI — н. XVII в., датированный 1163. Но самое древнее упоминание о каликах относится к XI в. В княжеском уставе Владимира Святославича они перечислены среди людей соборных, Церкви приданных, на которых «опроче мирян» распространяется не княжеский, а церковный суд. С 1099, после освобождения крестоносцами Иерусалима от многовекового владычества турок-магометан, Святая земля и Гроб Господень стали доступны для христианских паломников. Немало их приходило и из православной Руси. Новгородский игум. Даниил совершил свое знаменитое хождение через 7 лет после освобождения Иерусалима, в 1106—08, и был, по всей видимости, одним из самых первых русских паломников. В 1200—04 в Святой земле побывал не менее известный новгородец Добрыня Ядрейкович, также описавший свое «Хождение», в котором, в частности, упоминается о существовании под Иерусалимом целой русской колонии, где паломники-калики находили себе приют и пропитание.

После игум. Даниила и Добрыни Ядрейковича за перо брались многие, чтобы рассказать об увиденном и услышанном. «Все описано в правду, или услышал от кого», — скажет один из таких паломников. А видели и слышали многое, их путешествие по тем временам было

явлением не только необычным, почти сказочным, но и опасным. Все они, как правило, описывают традиционный путь русских паломников. Своеобразную «подорожную» составил в XV в. Епифаний Премудрый «От великого Новгорода до Великих Лук 300 верст, от Лук до Полоцка 180, от Полоцка до Меньска (Минска) 200, от Меньска до Случьска до Белгорода 500, от Белгорода до Царя-града 500». Ну, а дальше, до Святой земли, как говорится, рукой подать — пройти еще всего-то три моря... Тот же игум. Даниил из Царьграда идет пешком лукоморьем, описывая близлежащие острова — Крит, Самос, Родос и др.: «Все ти острови полны людьми и скотом, стоят в ряд друг другу». Достигнув Яффы (от Кипра Даниил идет морским путем), русский паломник считает необходимым сообщить общее расстояние пройденного пути: «От Царя-града до Родоса 8 сот верст; а от Родоса до Афа 8 сот верст; то ти все пути по морю до Афа есть 1000 и 600».

Игум. Даниил, как и мн. др., описывал прямой путь. Но был и др. — околный. Об этом свидетельствует былина «Василий Буслав молиться ездил». Гости-корабельщики, которых встречает новгородский богатырь, говорят ему: «А и гой еси, Василий Буславич! // Прямым путем в Ерусалим-град // Бежать семь недель. // А околной дорогой — полтора года».

В течение нескольких столетий прямой путь оказывался наиболее опасным, в нем царил «разбой велик». Но цель паломничества во всех случаях была одна. В былине «Сорок калик со каликою» она описывается следующим образом: «А и будут в граде Ерусалиме. // Святой святыни помолитися. // Господню гробу приложилися. // А всю-та молодцы отправили».

Помимо былины «Сорок калик со каликою» основу каличьей поэзии составляли и т. н. духовные стихи — о Егории Храбром, об Алексее человеке Божьем, об Анике-воине, о Дмитрие Солунском, являвшиеся своеобразными распетыми народными вариантами христианских апокрифов и легенд.

Соч.: Бессонов П. А. Калики переходные. Вып. 1—2. М., 1861—64; Русские народные стихи, собранные П. В. Киреевским // Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. Кн. 9. М., 1849; Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981; Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записки Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях // Подг. текстов к печати, ст. и коммент. А. Д. Соймонова. Т. 1. Л., 1977; Собрание народных песен П. В. Киреевского // Сост., предисл., посл. и коммент. В. И. Калугина. Тула, 1986.

Лит.: Адрианова (Перетц) В. П. Житие Алексея человека Божия в древнерусской литературе и народной словесности. Пг., 1917; *Калугин В. И.* Калики переходные // Струны рокотухи... Очерки о русском фольклоре. М., 1989; *Максимов С. В.* Русь бродячая Христа ради. СПб., 1877; *Соколов Б. М.* История старин о сорока каликах со каликою // Русский филологический вестник. № 1—2. 1913.

В. Калугин
КАЛИНИК (Калина), народное название дня сщмч. Калдинка, 29 июля/11 авг.

Именем Калиника назывались утренние морозы, приносящие посевам большой вред. Название морозов-калиников происходит от слов «калить, раскалять», т. к. в народе зимние морозы отождествляли с ковкой железа: ибо зима морозы кует. Летние утренники, морозы-калиники особенно вредны для созревания хлебов. Потому и обращались крестьяне с просьбой к св.

Мученик Каллиник.
Икона XX в. Москва.

Калинку, чтобы не допустил он в этот день морозных утренников, а послал бы туманы. Крестьяне ожидали теплого дня, чтобы сохранились ячмень и овес.

С этого дня начинаются осенние грозы, полыхают в небе холодные зарицы, птицы готовятся к полету в теплые края.

КАЛИНСКИЙ Иван Плакидыч, историк бытовой культуры русского народа, член Русского географического общества.

Основное сочинение «Церковно-народный месяцеслов» (1877). «В результате последовательного рассмотрения всех праздников и памятных дней календаря Калининский воссоздал обширный и многообраз-

ный мир жизни, повседневных житейских и трудовых забот простого люда, исконно жившего по правилам и заветам отцов и дедов. В свои сроки крестьянин менял сани на телегу, в апреле выгонял скотину в поле, готовил огородные гряды под посев, бросал животворное семя в землю, ждал всходов, в свою пору косил траву, сушил сено, жал, молотил, молот — свершал весь круг своих земледельческих работ и обязанностей. И самая жизнь текла размеренно, сообразно времени года, с соблюдением обрядов и обычаев. В семейные и общинные праздники люд предавался радостям и потехам, в горе причитал, со слезами поминал в установленные дни покойных родителей, водил хороводы, справлял свадьбы, весной закликал прилет птиц и раннее наступление тепла. И так шло из года в год, из десятилетия в десятилетие, из века в век» (В. Аникин)

КАЛИТА, кожаная сумка на поясе, делалась из дорогих сортов кожи («сафьян червлен»), расшитой серебряными и золотыми узорами.

КАМЕНЬ, почитание священных камней было особенно характерно для Белоруссии и Русского Севера. Почитаемые камни часто находятся рядом с остатками языческих святилищ. Напр., у городища-святилища Кулишевка сохранился камень-ледовик с двумя овальными углублениями, которые местные жители называли «божьими ногами».

Священными камнями, как правило, были необработанные валуны, часто больших размеров и причудливой формы. Расположенные на берегу озера, реки

или у источника, среди деревьев, священные камни составляли единый обрядовый комплекс со своим природным окружением. Люди приходили к камню со всей округи, молились, купались в местном водоеме, вешали ленточки, *полотенца* или предметы одежды на деревья, пили воду из углублений камня и обливались ею для исцеления от *болезней*. В Дмитровском р-не Московской обл. до недавнего времени пользовался почитанием большой камень-валун, который лежал в болотистой местности, в нескольких шагах от р. Кимерши. К нему приносили тяжелобольных детей, обливали камень водой из ручья, потом собирали ее в особую посудинку и обмывали ребенка. После этого на него надевали новое белье, а старое развешивали на окружающих деревьях. Считалось, что если ребенку суждено жить, то он сразу после омовения пойдет на поправку, а если суждено умереть, то быстро зачахнет. Согласно легенде, камень сам приплыл по р. Кимерше в день Ивана Купалы (см.: Иванов день) и выбрал место, где ему лежать. Один из священных камней Ярославского Поволжья, называемый местными жителями синей или каменной бабой, находился в Берендеевом болоте. Еще в н. XX в. к нему приносили ягоды и хлеб; чтобы не заблудиться, бабы клали перед камнем ягоды и, выворотив наизнанку платяе, уходили от него пятясь.

У русских переселенцев в Малороссии было отмечено почитание «каменных баб» — статуи, оставленных древним населением Причерноморья. В сер. XIX в. в Екатеринославской губ. во время засухи или эпидемии шли к каменной бабе, клали ей ладан *хлеба* на плечо, рассыпали у ног зерна и, кланяясь в ноги, говорили: «Помилуй нас, бабо, бабусенько, бабусю; будем кланяться еще ниже, только помоги нам и сохрани нас от беды!» Рассказывали, что когда бабу пытались стащить с кургана, то она сама «приподнялась, пошла вверх и стала крепче прежнего на своем месте».

В Житии прп. Иринарха (XVII в.) рассказывается, что в Переяславле был в овраге камень, в который вселился демон. Преподобный велел «врунуги в яму» камень, однако этот валун ледникового происхождения, прозванный местными жителями «Синим камнем», существует и поныне.

Особую группу камней составляли т. н. следовики — валуны с углублениями, напоминающими отпечаток ступни. Некоторые из этих «следов» имели естественное происхождение, иные представляли собой древние наскальные изображения. Часто они отличались большими размерами, что как бы свидетельствовало о том, что их оставили великаны, герои, святые и т. д. Отпечатки следов на камне приписывали Христу, Богородице или святым (Александру Невскому, Зосиме, Кириллу Белозерскому, Александру Ошевенскому и др.), иногда и *нечистой силе* (ср. урочище «Бесовы следки» у г. Беломорска). Связанные с камнями легенды объясняли их появление в данной местности, особенно формы, нанесенные на них знаки. Напр., близ Каргополя пользовался почитанием небольшой гранитный валун с углублением на вершине в виде отпечатка босой человеческой стопы. По преданию, св. Макарий Желтоводский присел отдохнуть на камень, но местные крестьяне прогнали старца. У др. священного камня на Каргополье на вершине была трещина серповидной формы, в

которой скапливалась дождевая влага. Легенда рассказывает, что *Иисус Христос* предложил местным жителям провести тут реку, а когда они отказались, наступил в гневе на камень и ударил по нему.

К числу христианских реликвий России относится камень св. Антония Римлянина (XII в.), который хранится в соборе Рождества Богородицы новгородского Антониева монастыря. Согласно Житию, составленному в к. XVI в., св. Антоний родился в Риме. Постригшись в монахи, он поселился на берегу моря и молился, стоя на камне. Однажды буря подхватила камень и понесла святого «на камени яко бы на корабли легце». Через 2 дня камень пристал к берегу у Новгорода. Впоследствии Антоний основал на берегу Волхова монастырь. Ок. 1500 камень, на котором приплыл Антоний, был торжественно перенесен с берега. С к. XVI в. начинаются свидетельства об исцелениях, которые происходили у священного камня.

В космогонических преданиях рассказывается о том, что в начале творения Сатана нырнул и достал камень со дна моря; Господь разломил его надвое, одну половину оставил себе, а вторую отдал Сатане; после этого Бог ударил о камень и из искр, вылетевших из него, появились ангелы; когда Сатана проделал то же, из искр появились бесы. Отголоски древних космогонических мифов сохраняют и мотив птицы, сидящей в начале творения на камне среди моря (*заговоры, духовные стихи, колядки*).

Архаический характер имеет и мотив происхождения человека от камня, напр. в *былине* «Бой Ильи Муромца с сыном»: «Зародился я от сырой земли./Я от батюшка всё от камешка./От камешка да от горяцаго». По белорусским поверьям, мужчина рождается на камешке, а женщина на черепке, поэтому если в земле под супружеской постелью лежит камень, то супруга беременеет мальчиком, а если черепки битой посуды, то девочкой.

В фольклоре и мифологии камень осмысливается как некая основа, центр мира или *замук*, скрепляющий небо и землю. При ударе о камень из него источаются огонь или вода — основные стихии мироздания. В былинах и сказках герои превращаются в камень или временно заключаются в него, что осмысливается ими впоследствии как временное погружение в сон. В сказках в каменном яйце может быть заключена Кошечья смерть, в каменной гробнице находит вечный покой былинный Святогор. В духовном стихе о Свитке Иерусалимском внутри камня, упавшего с неба, обнаруживается послание к человечеству, написанное рукой Иисуса Христа.

В фольклоре с камнем органически сопрягается тема рока: в былинах он становится «камнем преткновения» для Василия Буслаева, предвещает на распутье будущее богатяру. Камень занимает центральное место в архаической картине мира, воссоздаваемой в великорусских и белорусских заговорах (см. Алатырь). Известны в заговорах образы каменной стены до неба, каменной тучи, каменной бабы и др. Разнообразно используются камни в народной медицине и охранительной магии (см.: Куриный бог).

Лит.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974; Макаров Н. А. Камень Антония Римлянина//Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2 (12); Демиденко Е. Л. Значение и функции об-

шефольклорного образа камня//Русский фольклор. Л., 1987. Вып. 24; Макаров Н. А., Чернецов А. В. К изучению культовых камней//Советская археология. 1988. № 3; Дубов И. В. Культурный «Синий камень» из Клешина//Язычество восточных славян. Л., 1990.

А. Топорков
КАПОР, женский головной убор для улицы. Имел форму довольно глубокой, закрывавшей лицо корзинки с завязками, отделанной оборками, мехом.

КАПОТ, женское легкое домашнее платье, распашное, с кушаком, длинными широкими рукавами, отделанное рюшами, искусственными цветами, вышивкой, кружевом, лентами. Был распространен в XIX в. в дворянской, купеческой и отчасти мешанской среде. Капот надевался на утреннюю белую юбку. В капоте можно было принимать близких друзей и гостей «по-домашнему».

КАПТОРГА, в старинных русских одеждах особое металлическое украшение у *пояса*, футлярчик из серебра с позолотой.

КАПТУР, женский головной убор в виде теплой шапки, меховой или стеганый, с круглым верхом и меховой опушкой, покрывавшей не только голову, но и уши, даже шею; делался из дорогой материи и носился царницами и боярынями.

КАПУСТА, традиционный для России продукт питания, употреблялся во всех слоях общества: в свежем виде в *щах*, квашеная в *щах* и в чистом виде, с постным маслом, шла в *пироги*. Для нужд армии и флота в больших количествах заготавливалась мелкорубленая сушеная капуста. Важное значение капусты в русской кухне объясняется острой потребностью желудка в кислоте ввиду употребления большого количества плотной жирной, мучной пищи (*каши* с постным или скоромным маслом, салом, *кулага*, саламата, *тиешники* и лапшенники, пироги, толокно, крутой гороховый кисель, хлеб): выделяемая капустой молочная кислота способствует ее быстрому перевариванию. Этому же служил и употреблявшийся в больших количествах кислый *квас*, простокваша и т. п. Для заквашивания капуста рубилась сечками в деревянных корытах. Ее рубка, фактически завершавшая уборочные работы и сезон заготовок, превращалась в особый праздник как в крестьянских и мешанских, так и в помещичьих домах. Поскольку заготавливалось огромное количество капусты, а рубка шла медленно, для работы собирались соседские молодые женщины и девушки, у помещиков — все дворовые, и работа сопровождалась песнями, а после окончания — угощением.

Л. Б.
КАПУСТНИЦЫ — см.: **ВОЗДВИЖЕНЬЕ**.

КАПУСТКИ, один из видов *помочи*. На «капустки» собиралась молодежь, чтобы помочь хозяевам заготовить квашеную *капусту* на зиму. Семья тогда были большие, и, чтобы их обеспечить капустой, требовалась не одна бочка этого ценного крестьянского продукта. В Сибири в больших селах на «капустку» порой собиралось до 200 чел., а количество обработанных кочанов достигало 5 тыс.

КАРАВАЙ, большой круглый *хлеб*, испеченный в *русской печи* на *поду*.

КАРАВАЙНЫЙ ОБРЯД, обрядовое действие, связанное с выпечкой и раздачей *каравай* по время свадебного пира (см.: Княжий стол).

Каравай — круглый большой *сдобный хлеб*, украшенный фигурками из теста, а также искусственными цвета-

ми, который подавали во время свадебного застолья. Его выпекали накануне *венчания* и *брачной ночи* или за два — три дня до этого в доме жениха, реже в доме невесты, а в некоторых деревнях и у жениха, и у невесты. Каравайный обряд состоял из двух этапов: первый этап был посвящен изготовлению караваев и назывался «каравай валять», второй этап представлял собой деление караваев на свадебном столе — «каравай носить». Суть каравайного обряда была одинакова на всей территории его бытования, хотя сами обрядовые действия в разных деревнях разыгрывались по-разному. Выпечка караваев символизировала рождение новой жизни и тем самым обеспечивала плодovitость молодой брачной пары.

Действующими лицами обряда являлись посаженный отец и посаженная мать жениха, при условии, что они были «согласны в браке», а также молодые женщины-каравайницы, счастливые в семейной жизни, имевшие хороших, здоровых детей. Выпечка караваев, начиная с заготовки муки и воды и кончая раздачей караваев гостям, носила ярко выраженный ритуальный характер. Она начиналась обычно в сакрально отмеченное время, т. е. до захода солнца, с обращения к Богу и святым угодникам: «Благослови нас, Господи, спаси нас, милосливый Козьма-Демьян на Филатушкину свадьбу спечь каравай высокий, веселый!»

Действия каравайниц отличались от повседневной выпечки *хлеба*. Для свадебного караваев воду брали из семи колодцев, муку — из семи мешков; замешивание теста, его постановка в печь проводились нарочито театрально, так же как и вынимание хлеба из печи, раздача его гостям. Тесто укладывали для формовки в специальную большую чашу с крестом, которую ставили на лавку, где лежало сено, прикрытое скатертью. Присутствовавшим в избе людям под страхом наказания запрещалось дотрагиваться до теста и чаши. Перед тем как поставить сформованное тесто в печь, посаженная мать обходила с ним избу, садилась на *печь*, вместе с посаженным отцом обходила три раза печной столб. Каравай задвигали в печь на лопате с прикрепленными по ее краям горящими свечками, и, прежде чем оставить каравай в печи, его три раза то задвигали в нее, то выдвигали. Поставив окончательно, ударяли лопатой по *матице* — потолочной балке. На мифологическом уровне печь осмыслялась как женское чрево, материнское лоно; хлебная лопата, которой задвигали тесто в печь, — как мужское начало, а сам каравай — как плод, полученный в результате их слияния.

Украшения из теста, выпекавшиеся девушками отдельно от караваев, представляли собой фигурки, которые изображали солнце, звезды, месяц, цветы, плоды, домашних животных, прежде всего коров и лошадей, т. е. знаки, считавшиеся у русских олицетворением мира, добра, счастья, довольства, плодородия.

Весь процесс изготовления караваев сопровождался исполнением специальных каравайных песен, в которых рассказывалось об этапах его создания руками каравайниц.

После изготовления караваев в доме жениха его несли к невесте «на показ». В том случае, если хлеб изготавливался и у невесты, происходил обмен караваевыми.

В доме родителей жениха каравай ставили обычно в комнату молодых, где он находился всю брачную

ночь. Утром *дружка*, отправляясь будить молодых, забирал каравай и выносил его в решете к свадебным столам. Придя к гостям, дружка три раза подпрыгивал, разламывал каравай пополам и начинал его делить среди собравшихся за столом родственников молодых. Разламывание караваев символизировало нарушение девственности невесты. Новобрачные получали свою долю караваев первыми. Обычно им выдавалась середина, которая, по народным представлениям, была связана с зарождением новой жизни, счастьем, богатством. Оставшаяся часть караваев делилась поровну между родственниками молодого и родней молодухи. Это воспринималось как акт закрепления между ними родственного союза, как признание их общей судьбы, общей доли. Украшения с караваев раздавали девушкам, присутствовавшим на свадебном пиру в качестве зрителей.

Каравайный обряд был характерен для свадебного ритуала в центральных и южных губерниях Европейской России, однако изделия из теста, известные под разными названиями — *курник*, *печенье*, *пряник*, *пирог*, *хлеб*, — играли важную роль в ходе свадебного ритуала по всей России. Они могли служить знаком любви жениха к невесте, выкупом, благопожеланием, подарком, предметом, посредством которого передавалась магическая сила, и т. д.

Ист.: Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. СПб., 2003.

КАРАЗЕЯ, грубая шерстяная ткань, чаще всего красная, используемая в XIX в. для подкладки в дешевой одежде.

КАРАЧУН (Корочун), в древнерусской языческой мифологии божество смерти, подземный бог, повелевающий морозами, злой дух, злое божество скотского падежа. В народе понятие «карачун» в смысле гибели, смерти используется до сих пор. Говорят, напр.: «Пришел ему карачун», «Жди карачуна», «Задать карачуна», «Хватил карачун».

День языческого почитания Карачуна (23 дек.) приходился на день зимнего солнцеворота, один из самых холодных дней зимы. По языческим поверьям, именно Карачун укорачивал светлую часть суток, повергая мир во тьму.

О. П.

КАРСКИЙ Евфимий Федорович (1860—1931), этнограф и филолог. Родился в Гродненской губ. Учился в Минской духовной семинарии и Нежинском историко-филологическом институте. С 1894 профессор Варшавского университета по кафедре русского и церковно-славянского языков. Его первые научные опубликованные работы были фольклорно-этнографического содержания: «Белорусские песни с. Березовца Новогрудского уезда Минской губ.» («Русский филологический вестник», т. 12—13, Варшава, 1884—85) и «Белорусские песни дер. Новоселок-Затрокских Виленской губ. Трокского у.» (там же, т. 21, 1889). Впоследствии Карский специально занимался славянской филологией и языкознанием; но его работы по белорусской диалектологии и истории белорусского языка тесно связаны с изучением этнографии белорусского народа. Капитальный труд Карского «Белоруссы. Введение к изучению языка и народной словесности» (т. 1, Вильна, 1904; т. 2, 1908—12; т. 3, вып. 1, М., 1916; вып. 2, 3, Пг., 1921, 1922) и сейчас остается основным исследованием по этнической истории,

географии расселения, диалектологии, истории изучения белорусов. В 1918 издана составленная им «Этнографическая карта белорусского племени».

Лит.: Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966.

КАРТУЗ (фуражка), мужской головной убор с высоким околышем и неширокой тульей. Появился в России в н. XIX в. Встречались меховые картузы.

КАСЬЯНОВ ДЕНЬ (Касьян Немилостивый, Касьян Завистник, Кривой Касьян), народное название дня памяти св. Кассиана Римлянина, который отмечали в високосный год — 29 февр.

Св. Кассиан, живший в V в., прославился как проповедник монашеской жизни и основатель монастырей в Галлии. Он организовал женский и мужской монастыри в г. Массилия (ныне Марсель), написал 12 книг о жизни палестинских и египетских монахов и 24 «Собеседования» о нравственных основах христианского вероучения.

В русских преданиях, легендах, поверьях образ св. Касьяна, несмотря на всю праведность его жизни, рисуется как отрицательный. В некоторых селах он даже не признавался за святого, а само имя его считалось позорным. Обычно образ Касьяна связывали с *адом* и присваивали ему демонические черты в облике и поведении. В одной из легенд говорилось, что Касьян был светлым *ангелом*, но предал Бога, рассказав *дьяволу* о намерении Господа изгнать с небес всю сатанинскую силу. Совершив предательство, Касьян раскаялся, Бог пожалел грешника и дал ему сравнительно легкое наказание. Он приставил к нему ангела, который бил Касьяна по лбу молотом подряд три года, а на четвертый год давал ему отдых. Др. легенда рассказывает, что Касьян стоял на страже у ворот ада и только раз в году имел право оставить их и явиться на землю.

По народным представлениям, св. Касьян недоброжелателен, корыстен, скуп, завистлив, злопамятен и приносит людям одни несчастья. Внешний облик Касьяна неприятен, особенно поражают его косые глаза с несоразмерно большими веками и мертвящим взглядом. Русские люди верили, что «Касьян на что ни взглянет, все вянет», «Касьян все косою косит», «Касьян на народ — народу тяжело», «Касьян на траву — трава сохнет, Касьян на скот — скот дохнет». В Сибири считалось, что Касьян любит «заворачивать» головы цыплят, после чего они дохнут или становятся уродами. В свой праздник Касьян развлекается тем, что смотрит на окружающий мир: посмотрит на людей — будет мор, на скот — падеж, на поля — неурожай. Кроме того, считалось, что Касьяну подвластны все ветры.

Некоторые легенды объясняли зловедность Касьяна тем, что он в младенчестве был похищен в благочестивых родителей бесами, которые и воспитали его в своем доме. Кроме того, в них рассказывалось, что св. Василий Великий, повстречавшись с Касьяном, наложил ему на лоб крестное знамение, после этого Касьян стал обладать способностью сжигать приближающихся к нему демонов. Однако все это не могло обелить святого, и для всех он продолжал оставаться Касьяном Немилостивым, Касьяном Завистником, Касьяном Грозным, Касьяном Скупым.

День памяти св. Касьяна отмечали один раз в четыре года. Русские объясняли это тем, что Бог лишил его

ежегодных именин за недоброжелательность к бедным людям. Легенда рассказывает, что однажды св. Касьян и Николай Угодник шли по дороге и увидели мужика, пытавшегося вытащить воз из грязи. Мужик обратился к ним за помощью, но Касьян отказался, сказав: «Не могу, еще испачкаю об твоей воз свою райскую ризу, как же мне в рай прийти и на глаза Господу Богу показаться?» Николай же Угодник, засучив рукава, молча поднял воз и поставил его на сухое место. Пришли Николай Угодник и Касьян в рай. Бог увидел, что риза Николая Угодника испачкана, и спрашивает: «Где это ты, Никола, так выпачкался?» — «Я, — говорит Николай, — мужику воз помогал из грязи вытаскивать». — «А у тебя отчего риза чистая, ведь ты вместе шел?» — спрашивает Господь Касьяна. «Я, Господи, боялся ризу испачкать». Такой ответ Богу не понравился, и он разрешил Касьяну праздновать именины один раз в четыре года, а Николаю — два раза в год.

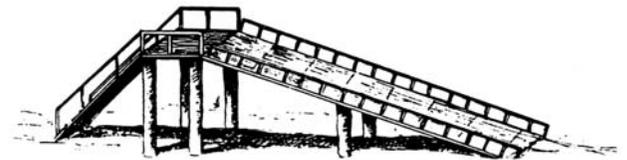
День памяти св. Касьяна считался одним из самых плохих, опасных, демонических дней народного календаря. Крестьяне верили, что все, каким-либо образом причастное к этому дню, обречено на неудачу. Если человек в этот день выйдет на улицу, то он рискует заболеть или умереть, если захочет поработать, то работа не будет спориться — все будет валиться из рук. Человека, родившегося в этот день, ждет печальная судьба: он будет всю жизнь несчастен, его ждет ранняя смерть, тяжелая болезнь или увечье.

Св. Касьян распространяет свою зловедность и на весь год: «Пришел Касьян, пошел хромать да на свой лад все ломать». Високосный год у русских считался опасным годом. По поверьям, в этот год все «уродливо и неспоро». У коров пропадает молоко; домашний скот не дает приплода, а если и дает, то нежизнеспособный: «Худ приплод в високосный год»; урожаи обычно низкие; *брак*, заключенный в этот год, всегда неудачен.

Считалось, что *молебен* перед образом Касьяна в день памяти святого поможет защититься от его козней. Кроме того, чтобы благополучно провести этот страшный день и «не попасть на глаз Касьяну», рекомендовалось не выходить на улицу, не выпускать со двора скот и птицу и отказаться от всех работ.

Ист.: Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. СПб., 2003.

КАТАНИЕ С ЛЕДЯНЫХ ГОР, древнее развлечение русских, связанное еще с языческими ритуалами. Катание с высоких гор на санках, аналогичное катанию на *качелях*, сохраняло в народной памяти связь с земледельческой магией, особенно с ростом густого и высокого льна и конопли: русские женщины на *Масленицу* и первый понедельник *Великого поста* специально для этого (как говорится, «на лен и коноплю») катались с

Деревянный каркас севернорусской ледяной горы для катания на санях.

Вологодская губ., Сольвычегодский у.

Севернорусское катание зимой.
Вологодская губ. Сольвычегодский у.

высоких ледяных гор на санках; в Русском у. Московской губ. катались на донце прялки.

Катание с ледяных гор (деревянный каркас такой ледяной горы изображен на стр. 334) длилось в течение всей зимы, однако, как считали в народе, наиболее подходящее для этого время — *Масленица*. У севернорусских существовал особый вид катания с гор: у косогора или оврага ставили наклонно 2 параллельных друг другу гладких шеста и, держась за руки, съезжали по ним вниз.

КАТАНИЕ ЯИЦ, народная, преимущественно детская забава, игра.

Игры с крашеными яйцами начинались обычно в *Пасху*, продолжались всю *Пасхальную неделю*, а иногда — вплоть

до *Вознесения*. Суть игры состояла в том, что крашеное яйцо скатывали по наклонно поставленному деревянному лотку или по земле с невысокой горки. Внизу были полукругом расставлены яйца всех участников игры. Каждый участник, отправляя свое яйцо вниз, должен был сбить чье-нибудь яйцо. Если ему это удавалось, то он присваивал сбитое яйцо себе и продолжал игру, если нет — в игру вступал др. участник, а неудачно скатившееся яйцо оставалось на кону. Эта игра была довольно азартной и могла продолжаться несколько часов. Некоторым ловким парням и мужикам удавалось набрать за игру до двух — трех десятков яиц.

Катание яиц было известно также и в др. весенне-летние дни. В деревнях Верхнего и Среднего Поволжья во время праздника в честь языческого бога *Ярилы*, приходившегося на *Петровское заговенье*, парни и девушки, расположившись парами, толкали яйца по земле друг другу. Катание яиц в Петровское заговенье в разных вариантах было известно и на северо-востоке России, и в Сибири.

В XIX в. катание яиц представляло собой веселую забаву с участием большого количества людей. Однако в древности эта игра входила в комплекс магических действий, связанных с пробуждением и оплодотворением земли. Так, во многих местностях России существовал обычай в день Вознесения катать яйцо по озими в надежде на хороший урожай.

И. Шангина.

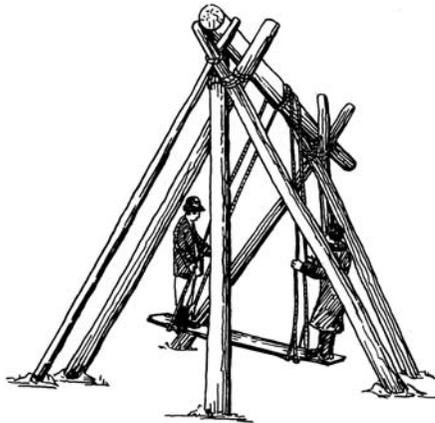
КАФТАН, крестьянская верхняя одежда, обычно праздничная, из домотканого или покупного сукна (синего, коричневого, черного) либо из плиса; длиной до колен, приталенная, со сборками сзади и с боков, с сужающимися книзу рукавами, невысоким стоячим воротником, вертикальными прорезными карманами, на

Катание яиц на Пасху в Псковской губ.

подкладке до талии, застегивался налево на крючки или медные пуговицы.

КАЧЕЛИ, качание на качелях — одно их древних развлечений русских женщин и детей. Они были связаны с весной: на качелях качались от *Пасхи* до *Вознесения* или до 23 апр., а также в *Петров день*, 29 июня. Белорусы кое-где уже с 9 марта разрешали детям качаться на качелях.

Севернорусские качели.
Сибирь, Енисейская губ.

Различали простые и круглые качели. Для сооружения простых качелей к концам доски длиной в 1,5–2 м привязывали крепкие веревки, иногда свитые их молодых березок. Длина веревок 2–3 м. Верхние концы веревок прикреплялись к поперечному бревну, укрепленному высоко над землей на особом сооружении из столбов. Т. о., доска висела горизонтально примерно на метровой высоте. Два человека становились по краям висевшей на веревках доски и раскачивали ее, держась руками за веревки и упираясь ногами в доску. Остальные садились на доску между обоими стоящими и спускали ноги. Размах раскачивающейся доски был иногда очень велик, и доска взлетала высоко над землей. По белорусскому поверью считалось, что те, кто качается летом на качелях, не страдают от укусов комаров.

На круглых качелях качающиеся описывали полный круг вокруг высокого поперечного бревна. На двух высоких врытых в землю столбах лежал вал, сквозь концы которого были пропущены 2 шеста. На этих шестах были укреплены 4 висащих доски. На каждую из этих досок (белорус. *зыбка*) садились по 2 человека. Парни, стоящие у качелей, ухватив за концы, поднимали и опускали их.

Под качелями всегда устраивались различные забавы. В давние времена здесь бывали *кулачные бои* и состязания. Однако боролись не большие группы, а лишь отдельные лица.

Одновременно с качанием на качелях девушки прыгали на досках. Доска клалась поперек толстого бревна таким образом, что концы ее, выступающие по сторонам бревна, были уравновешены. Кто-либо из участников садился на середину доски. На концы доски становились 2 девушки и начинали поочередно подпрыгивать, благодаря чему поднимался то один, то др. конец. Когда было засеяно поле и засажен огород, прыгать на досках не разрешалось, считалось, что земле тяжело, она беременна, и тревожить ее нельзя.

В качании на качелях и скакании на досках фольклорист Е. Аничков усматривал обряд очищения весенним воздухом. Д. Зеленин видел в этом магический

обряд, связанный с земледельческим культом: высота взлета на качелях и прыжков на доске должна была послужить символом мощного роста растений и вызвать этот рост. В то же время в этом видели попытку человека заставить воздух служить его целям — магический символ господства человека над царством воздуха.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

КАША, самое распространенное блюдо традиционной русской кухни (см.: Кухня русская), зерна пшеницы, полбы, гречихи, проса, ячменя, ржи, овса, риса, цельные или дробленые, сваренные в подсоленной или подслащенной воде или в молоке. Характерна прежде всего для народной кухни, хотя министр финансов, большой кулинар гр. Гурьев придумал особую Гурьевскую кашу — сладкую манную с фруктами или изюмом. Каша сопровождала русского крестьянина с момента рождения и до гроба: *повитуха* подносила отцу новорожденного блюдец круто посоленной каши, чтобы он осознал, как круто пришлось его жене во время родов; после похорон на поминках подавали прежде всего *кутью* — пшеницу или рис с изюмом, сваренные на *сыте*, меду, разведенном водой. Каша в виде кутьи вообще была очень важным ритуальным блюдом. Блюдец с кашей ставили в *подпечек*, *голубец* или в подызбицу для *домового*. Кашей начиняли *пирог*и, бараний бок, гуся, утку. Кашу ели с *маслом* — русским (топленным), конопляным, льняным или с топленным салом. Наряду со *щами*, *квасом* и *хлебом* каша была основным блюдом в русской деревне. Во время тяжелых, напр. землекопных, работ, когда требовалась плотная питательная пища, богатая органическими веществами, работников непременно кормили кашей с маслом или с салом, чем жирнее, тем лучше. Каша с салом входила в рацион солдат и матросов, особенно во время плавания или в походах. С др. стороны, легкие каши (манная, рисовая на молоке) были пищей социальной верхушки, их давали также детям, больным. Некоторые виды каш имели особые названия: «черная» или «русская» — гречневая, самая популярная в России, или «зеленая» — из незрелых зерен любого хлеба, которая играла большую роль в деревенской жизни, выручая крестьянина в период летнего бесклубья, когда прошлогодний хлеб кончался, а до жатвы было далеко, и он питался чем попало: щами из крапивы, шавеля, сныти, грибами и т. д. **Л. Б.**

КВАС (суровец), самый распространенный русский напиток. Известны три вида хлебного кваса: из муки, из черствого хлеба и из солода.

У севернорусских Вологодской губ. был распространен особый напиток, называемый *сулуй*, который делают из овсяной муки, смешанной с водой. Эта жидкая болтушка могла остаться пресной, и это еще не квас. Если же такую болтушку из ячменной муки или ячменных отрубей заквасить тестом из квашни, то получался настоящий квас. Он был беловатый, и русские иногда называли его белый квас, а также житный квас, суровец, сыровец. Оба последних названия объясняли, почему такой мучной квас, в отличие от солодового, не варили.

Этот старейший сорт кваса не только из ячменной, но и из овсяной и ржаной муки был известен по всей России. К н. XX в. его вытеснили лучшие, более вкусные и питательные сорта кваса. Русские же употреб-

ляли этот квас наряду с солодовым, поскольку солод не всегда есть в доме и его нельзя приготовить быстро, даже имея все необходимое для этого.

Способы приготовления кваса из сухарей были не всегда одинаковы. В некоторых случаях сухари делали из пресного теста. Этот способ был распространен у малороссов, которые пекли пресное тесто из ржаных отрубей и потом сушили из него сухари. Эти сухари заливали в бочке кипятком и в течение 6 часов солодили. Затем эту жидкость размешивали, нередко добавляли ржаную муку, заквашивали тестом из квашни и на 24 часа оставляли бродить. Когда такой сиривец начинал бродить, его разбавляли холодной водой и, прежде чем пить, давали ему некоторое время постоять. Однако этот напиток малороссы чаще употребляли для приготовления различных блюд, особенно борща летом, когда не было свекольного кваса.

При др. способе приготовления сухарного кваса сухари делали из кислого или солодового теста. Хлебцы, из которых сушили эти сухари, имели особое название — квасникъ. Такой квас на квасниках был широко распространен у белорусов и южнорусских. Белорусы замешивали густое тесто из ржаной муки, оставляли его на 2—3 дня и затем пекли из него хлеб. Этот хлеб ломали на куски и сушили из них сухари. Сухари клали в бочонок с холодной водой, иногда в мешке. Через неделю квас, сделанный из квасников, был готов. Иногда в него добавляли мед или воск. Белорусы, когда пекли квасники, смешивали иногда ржаную муку с вареным толченым картофелем. Севернорусское население Сибири иногда варило из квасников пиво.

При изготовлении перечисленных сортов кваса солод как особый компонент еще не использовался. Солодовый квас, который был больше распространен у севернорусских, в сущности, не что иное, как жидкое пиво. Солод, иногда смешанный с мукой или ячменными отрубями, заливали горшком горячей воды, варили и затем ставили на ночь в вытопленную печь. Жидкость, полученную таким способом, севернорусские называли приголовок. Ее нередко вместе с горшком опускали в *кадку* с холодной водой, где она быстро начинала бродить. По окончании брожения квас процеживали через редкое сито, ставили в погреб и затем пили.

Солод (севрус. руша) обычно делали из ячменя или ржи. Мешки с зерном погружали в реку или в озеро, где они мокли в течение двух недель; иногда их замачивали в кадках. Вымоченное зерно рассыпали на соломе на *гумне*, в *риге* или же в сарае. Там, прикрытое соломой, оно начинало в темноте прорасти. Когда ростки достигали размеров «пчелиной лапки», зерно сгребали в большую кучу и клали на нее различный груз — гнет. После этого зерно сушили в доме на печи или даже в печи риги. Высушенное зерно мололи (не очень тонко), иногда добавляя высушенный овес.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

КВАЩА, хлебобулочное изделие, мука из пшеничного солода, запаренная, смешанная с фруктами и запеченная в *печи*.

КВАШНЯ, 1) невысокий широкий деревянный сосуд для замешивания теста для выпечки хлебных изделий; 2) собственное тесто для выпечки, *опара*.

КЕЛЕЙНИЧЕСТВО, особый род отхода от мирской жизни без монастыря и пострига, но с соблюдением безбрачия и монашеского подвижничества, приспособленный преимущественно к сельским условиям. Распространено было в большей или меньшей степени по всей территории расселения русских. Крестьянин или крестьянка, стремившиеся к особо строгой в духовном отношении жизни и подтвердившие уже серьезность этого намерения всем своим поведением, обычно встречали сочувственное отношение в семье и *общине*. Если была возможность, такому человеку строили (или сам он строил) отдельное жилище — келью на своем же дворе, в задней его части, или на краю деревни, у леса, или поближе к церкви. Келью мог построить брат для сестры, взрослые дети для старых отца или матери, родители для сына или дочери и пр. Бывало, что келью возводила сельская община. Мог предложить ее подвижнику богатый благодетель (помещик, купец, козак и др.) Часто келейниками становились молодые, иногда — в старости.

Информатор из Орловского у. (Орловской губ.) писал в 1890-х в *Тенишевское этнографическое бюро* о крестьянских келейниках: если сын или дочь, не вступившие в брак, выразили желание отойти от мирской жизни, жить отдельно от *семьи*, то «родители обязательно устраивают им особые хатки-келлии, где они и живут». Иные из келейников все-таки ходили из своей избышки обедать и ужинать вместе с семейными и помогали им в полевых и домашних работах. Другие же выходили из кельи редко. Все они строго соблюдали *посты*, понедельничали (не ели скоромного не только по средам и пятницам, но и по понедельникам), а иные из них и всегда употребляли только постную пищу.

Келейники сверх посещения церкви выполняли обширные молитвенные правила, осваивали церковнославянский язык и читали духовную литературу, ходили на *богомолья* к известным святыням. Духовный подвиг одного крестьянина-келейника открывал дополнительные возможности для односельчан: обучение детей и юношества чтению церковной печати и рукописей; приобщение к церковному пению; чтение псалтири по покойнику и др. Последним особенно часто занимались женщины-келейницы. В некоторых местах они назывались *черничками* и обладали рядом особенностей в образе жизни.

Как правило, деревенские келейники поддерживали связь с монастырями, иногда их келейничество заканчивалось монашеством. В других случаях вокруг кельи одного человека, ставшего в общественном мнении окрестного населения образцом духовного подвижничества, селились желающие вести такой же образ жизни. Возникла духовная община, которая могла через несколько лет получить права монастыря.

С келейничеством связаны были судьбы многих известных подвижников благочестия, вышедших из крестьян. Так, старец Иларион, Троекуровский затворник, получил духовное воспитание в избышке своего деда-келейника (с. Зеньково Раненбургского у. Рязанской губ.), а позднее сам келейничал. Келейницей была дочь тамбовского крестьянина — будущая игуменья Евгения, основательница Тихвинского монастыря в г. Бузулуке Оренбургского губ. (он возник из объедине-

ния двух келейниц со своими группами в одну общину). У чернички в соседнем селе научилась читать по-церковнославянски Священное Писание и Псалтирь крестьянка Евфимия Моргачева (из с. Нижнего Ломова Рязанской губ.), затем и сама стала сельской келейницей; а через много лет — игуменьей Серафимой и др.

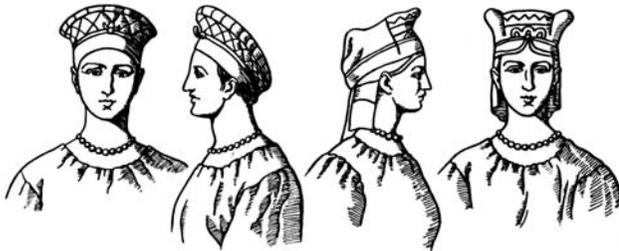
Истинных высот достигало келейничество, если было связано со *старчеством*, в котором наиболее полно осуществляется задача «хранить себя неосокверненным от мира», указанная ап. Иаковом в его определении благочестия.

М. Громыко

КИЗЯК, или **кизик**, особое топливо, изготавливаемое из навоза и употребляемое в южной и юго-восточной России в безлесных местностях. Навоз укладывался недалеко от жилья, обливался водой, переминался топтанием, прессовался катками, разделялся на четырехугольные кирпичины, укладывался клетками и сушился. Кизяк плохо горел; дым его имел неприятный запах. Тепла давал мало, меньше соломы. На юге его называли «кирпичем».

КИЙ, ШЕК и ХОРИВ, по преданиям, отразившимся в русских летописях XI—XII вв., князья в племенном объединении полян, основатели трех поселений, позже составивших город Киев. Существование на территории Киева поселений, к IX—X вв. слившихся в один город, подтверждается археологическими данными. Эта легенда об основании Киева возникла в VII—VIII вв. Сохранились предания о полянском князе Кии, который был с почетом принят в Константинополе и основал город на Днепре. Акад. Б. А. Рыбаков считает Кия реальным лицом в VI в. Предания о Кие, Шек и Хориве и их сестре Лыбеди являются отражением в народном сознании нескольких этапов развития русского общества в IX—X вв.

КИКА, головной убор замужних женщин, разновидность *кокошника*.

Кики. XV—XVI вв. Реконструкция И. Шангиной.

Представляла собой твердую цилиндрическую шапку с плоским верхом и уплощенной задней частью, с небольшими лопастями, прикрывавшими уши.

Кики изготавливали из нескольких слоев проклеенного картона, обтянутого красным шелком или бархатом, украшали золотошвейной вышивкой, жемчугом, бисером, цветными стеклами, имитировавшими драгоценные камни. К *очелью* кики пришивали густую жемчужную или бисерную сетку-поднизь, спускавшуюся на лоб.

Кика была праздничным головным убором крестьянок и горожанок из купеческого и мещанского сословия. В XVIII—XIX вв. она была распространена в

Новгородской губ. и в северо-западных уездах Тверской губ.

Головной убор с тем же названием был хорошо известен и ранее XVIII в. Кики тогда носили богатые и знатные женщины. И. Е. Забелин, изучавший в XIX в. быт русских цариц XV—XVII вв., называл кики «брачной женской регалией», необходимой принадлежностью русских цариц в особо торжественных случаях. Сделанное им описание кик русских цариц указывает на большое их сходство с крестьянскими киками XIX в.: «Обыкновенная и древнейшая форма кики представляла тулью вроде обыкновенного картуза, т. е. состояла из подзора, как бы пояса вышиной в три, четыре вершка (13 или 18 см.), облегающего вокруг голову, и из круга плоского или устроенного по овалу, который помещался наверху, т. е. на темени. <...> Кичная верхушка в полтора, два раза больше ширины в лобной части кики, так что кика кверху постепенно расширялась, а в самом верху устраивалась несколько развалом. Тулья кики с верхом сшивалась из какой-либо простой ткани на александрийской картузной бумаге и проклеивалась рыбьим клеем, а затем покрывалась атласом или другою подобного рода тканью яркого, червчатого чаще цвета». Далее И. Е. Забелин подробно рассказывает о том, как украшались кики цариц: «По всему подзору (передней части кики) ставились золотые или серебряные запоны, репья различной формы с дорогими цветными камнями. Меж запон по местам ставились тоже камни в металлических гнездах, и вообще весь убор убирался подобными драгоценностями в виде какого-либо роскошного убора.

<...> Внизу подзора со стороны лобной части прикреплялась поднизь — вязаная золотая сетка, низанная жемчугом. <...> Нижняя кайма поднизи украшалась крупными жемчужинами или металлическими фигурами вроде репьев, коронок, звездочек, которые при движении тряслись и блистали... У кик были рясы — длинные пряди из жемчугу вперемежку с драгоценными камнями и золотыми пронизками».

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

КИКИМОРА (шишимора), в древнерусской языческой мифологии злой дух дома, маленькая женщина-невидимка. Беспокоит всех живущих, пугает детей, вредит скоту. Свойства кикиморы сходны с мокушей, злым духом, продолжающим образ богини *Мокоши*.

По народным представлениям, кикимора является чаще всего в образе маленькой, сгорбленной старушонки, одетой в лохмотья. Но эта *нечистая сила* способна преобразиться в кого угодно — в животных, птиц и даже красивых девиц. Особую враждебность она проявляет к мужикам, стремится их выселить из дома. Появление кикиморы — недобрый знак.

Крестьяне считали, что чаще всего она появляется в доме, который построен на «нечистом» месте — там, где было совершено преступление, захоронен покойник и т. д. Кикимору порой напускали печники и строители, если они не были довольны оплатой труда и гостеприимством хозяина.

Чаще всего кикимора появляется в *Святки*, когда она рождает своих детей (шущанов), вылетающих из трубы и живущих до *Крещения*. Кикимора причиняет

Кикимора в народных представлениях. Худ. Н. Антипова.

сном осеяли крестом пряжу да ткацкий стан. Нередко хозяйки говаривали, что от кикиморы рубахи не дождешься. Избавлением от кикиморы считалось *крестное знамение*. *Оберегом* от нее служил *куруный бог* — камень с отверстием. Спасались от кикиморы и др. способами. Привязывали над насестом у кур разбитое горлышко от графина или *кувшина*, обвязанное красной тряпичей. Обвязывали солонки пояском, связанным из можжевельника. И, конечно, произносили заговорные слова, с которыми выпроваживали кикимору из дома.

Чтобы защитить себя от кикиморы, крестьяне обращались с молитвой к св. Евфимию Солунскому (см. Ефим Благочестивый).

КИНДЯК, хлопчатобумажная тонкая ткань, обычно красного цвета. Широко использовалась для пошива *сарафанов* и *рубашек*.

КИРЕЕВСКИЙ Петр Васильевич (11.02.1808—25.10.1856), публицист, археограф и фольклорист. Видный славянофил, младший брат И. В. Киреевского.

Детские годы, как и его брат, Петр провел в имении своих родителей в Калужской губ., получил солидное домашнее образование. В сер. 1820-х Киреевский установил литературные и дружеские связи с А. С. Хомяковым, С. П. Шевыревым, Д. В. Веневитиновым, вместе с братом входил в общество «любомудров». Киреевский изучил семь иностранных языков, много переводил Байрона, Шекспира, Кальдерона. Первые литературные опыты Киреевского относятся к 1827 (с публикации в «Московском вестнике» изложения «Курса новогреческой литературы»). В 1829—30 выезжал вместе с братом в Германию, где изучал немецкую философию. Свои славянофильские взгляды на историческое раз-

вред скоту, выдергивает шерсть у овец и перья у птиц, мешая спать, бьет посуду, разбрасывает вещи. Но более всего, как было отмечено, кикимора любит пряха да ткачиху. Тут ей фантазии не занимать. Нити все спутает, пряжу в ключья завьет, в воловиках узлов наделает, все разорвет, на мусорит, кругом пыли набьет. Так что крестьяне сильно кикимору опасались, перед

Киреевский П. В.

витие России Киреевский изложил в статье «О древней русской истории. Письмо к М. П. Погодину» («Москвитянин», 1845). В 1840—50-е Киреевский усиленно занимался собиранием и изучением памятников русского фольклора. Народные песни и сказания Киреевский начал собирать в 1831 в Московской, затем в Новгородской и Тверской губерниях. Некоторые из них (духовного содержания и свадебные) были изданы в 1847—56 в журналах и сборниках. Полностью изданы уже после его смерти («Песни, собранные Киреевским», вып. 1—10, 1860—74, новая серия вып. 1—2, 1911—28). Киреевский собрал тысячи текстов лирических и исторических песен, народных былин. В этой работе Киреевскому помогли А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, В. И. Даль, Аксаковы и др. единомышленники-славянофилы.

Подобно брату, П. В. Киреевский завещал похоронить себя в Оптиной пустыни.

В. Федоров

КИРИК И УЛИТА (День Кирика, Улита и Владимир Красное Солнышко), народное название дня свв. мчч. Кирика и Иулитты (IV в.) и равноап. вел. кн. Владимира, 15/28 июля.

Судьба мчч. Кирика и Улиты была широко известна русским людям, которые относились к этим святым с особым почитанием.

Усекновение главы мч. Иулитте. Фрагмент иконы XVIII в.

Иулитта жила в Иконии и была христианкой. Скрываясь со своим трехлетним сыном Кириком от преследований, отправилась в Тарс. Но туда прибыл правитель Александр, чтобы преследовать христиан. Иулитту подвергли жестоким мучениям, но она безропотно их переносила. Сын же при виде мучений

матери стал плакать. Александр взял его на руки и обещал оставить в живых, если мать отречется от Христа. Но Кирик рвался к матери, называя и себя христианином. Тогда правитель бросил его наземь и убил. Иулитту он приказал повесить, строгать ее тело железными когтями, лить на раны кипящую смолу. Непокорившуюся, ее умертвили мечом, а тело бросили на съедение псам. При имп. Константине Великом мощи ее были обретенны нетленными и положены в храме Святой Софии в Константинополе.

По народному календарю этот день считался серединой лета. Женщины праздновали день матушки Улиты, почитая ее своей заступницей. В память мц. Иулитты и ее малолетнего сына Кирика в этот день матери приучали малых детей к труду. Как свяжет мать сноп — сын должен его отнести самостоятельно. На речку мать сына водила, учила его плавать, приучала к др. домашним делам, чтобы он был самостоятельным в жизни.

В некоторых местах день Кирика и Улиты назывался *Владимир Красное Солнышко*, потому что именно в этот день Церковь вспоминала равноап. вел. кн. Владимира, сына вел. кн. Святослава-язычника и внука княгини-христианки Ольги. В 988 он крестил Русь. За ревностное распространение христианства Владимир назван равноапостольным и вместе с княгиней Ольгой причислен Церковью к лику святых. Он пользовался большой любовью народа, потому в былинах он воспет как Владимир Красное Солнышко.

КИРИЛЛ НОВОЕЗЕРСКИЙ (Новгородский), преподобный (ск. 4.02.1532), происходил из дворянского рода

Икона XVIII в.

Белых из г. Галича-Костромского. С детства полюбил уединение и, мечтая об иноческой жизни, в пятнадцать лет тайно ушел из дома во Введенский монастырь, что на р. Обноре, к прп. Корнилию Комельскому. Дороги он не знал, из дома не взял никаких припасов и шел, уповая на Господа и Его Пречистую Матерь. В пути юноше встретился старец-монах, который проводил его до обители, благословил и стал невидим. Настоятель принял юношу, обучил его основам монастырской жизни и облек в иноческий чин. Молодой инк ревностно исполнял послушания, постом и молитвою изнурял плоть, день и ночь учился слову Божию. Родители оплакивали сына как умершего, но, узнав о

его подвижнической жизни, простили за послушание и сами приняли монашеский постриг. Окрепнув духовно, прп. Кирилл с благословения игумена предпринял подвиг странничества, обходя св. места Русской земли. Он никогда не заходил в дома, не брал милостыни, ночи проводил молясь в притворах храмов. Как-то в Тихвинском Большом Богородицком монастыре ему явилась Пресвятая Богородица и велела идти в пределы Белозерские, на пустынный остров Нового озера. Преподобный поселился в указанном месте и поставил там две церкви в честь Воскресения Христова и Богородицы «Одигитрии» («Путеводительницы»). Много искушений испытал он от бесов и злых людей, но все преодолел терпением и молитвой. Весть о его святой жизни распространилась повсюду, и к нему стала стекаться братия — вскоре устроилась обитель. Святой, избранный настоятелем, до конца своих дней мудро управлял ею и служил для иноков образцом подвижничества.

Память прп. Кириллу отмечается 4/17 февр. и 7/20 нояб. (обретение мощей).

КИРИЛЛ УКАЗЧИК (Весноуказчик), народное название дня св. равноап. Кирилла, учителя словенского, 14/27 февр. В народе говорили: «С Кирилла весна не за горами». Для задержания снега у огородов, чтобы, подтаивая, не ушел он сразу же вместе с весенними ручьями в овраги, в этот день крестьяне обходили по солнечному кругу огорода, утапывая вокруг них снег. Считалось, чем больше задержишь снега, тем богаче будет урожай.

КИРИЛЛИН ДЕНЬ (Кирилл), народное название дня прп. Кирилла, игумена Белозерского, 9/22 июня. Это был день летнего солнцестояния — самый длинный день в году.

Кирилл Белозерский.
Икона XV в.

На Русском Севере бытовало предание, будто св. Кирилл Белозерский за свои труды праведные силу от земли получил. Память об этой его силе отпечаталась на *камне*, с которого он высматривал место обустройства своей обители: след его ступни на нем остался. Потому кланялись в этот день св. Кириллу и просили, чтобы дал он людям земную силу.

КИРПИЧНИКОВ Александр Иванович (18.08.1845—30.04.1903),

литературовед, исследователь верований древних славян. Родился в Мценске Орловской губ. В 1865 окончил историко-филологический факультет Московского

университета. Профессор Харьковского (1873—84), Новороссийского (1885—98), Московского (с 1898) университетов. Член-корреспондент Академии наук (с 1894). В магистерской диссертации «Поэмы ломбардского цикла» (1873) Кирпичников дал сравнительный анализ памятников немецкого и русского народных эпосов. В докторской диссертации «Св. Георгий и Егорий Храбрый» (1879) Кирпичников исследовал литературную историю христианских верований. В исследовании «Что мы знаем о личных божествах славян» (Журнал Министерства народного просвещения, ч. 241, 1885, сент.) он подвергал сомнению даже существование общеславянских богов, за исключением разве одного *Перуна*: все прочие божества засвидетельствованы либо для одних западных, либо для одних восточных славян. Основу сходства литературных явлений Кирпичников видел в «общечеловеческих» законах фантазии и народной психологии, что сказалось в работе «Греческие романы в новой литературе. Повесть в Варлааме и Иоасафе» (1876). В последних работах Кирпичникова преобладал биографический метод. Под его редакцией закончено начатое В. Ф. Коршем издание «Всеобщей истории литературы» (т. 2—4, 1885—92), где третья часть всей работы написана самим Кирпичниковым; издано Собрание сочинений Н. В. Гоголя (т. 1—3, 1902).

Соч.: Очерки из истории средневековой литературы. М., 1869; Средневековая литература Западной Европы//Всеобщая история литературы, т. 2, под ред. А. И. Кирпичникова. СПб., 1885; Очерк истории книги. СПб., 1888; Педагогические очерки (1867—88). М., 1890; Сомнения и противоречия в биографии Гоголя//«Изв. Отд. русского языка и словесности АН». 1900, т. 5, кн. 2 и 4; 1902, т. 7, кн. 1; Очерки по истории новой русской литературы. Изд. 2-е. Т. 1—3. М., 1903.

Лит.: Памяти проф. А. И. Кирпичникова. Харьков, 1905.

КИСЕЯ, очень тонкая, полупрозрачная ткань. Использовалась при пошиве легких женских, преимущественно девичьих платьев, а также на занавески и *пологи*.

КИСЛЫЕ ШИ, высший сорт *кваса* из смеси нескольких сортов солода и муки, запечатанный в засмоленных бутылках, где доходил до готовности. Разлитый в кружки, играл, как шампанское.

КИТАЙКА, плотная хлопчатобумажная ткань, обычно синяя. Использовалась при пошиве мужских *рубах* и женских *сарафанов*.

КИТЕЖ (Китеж-град), в древнерусских преданиях XIII в. город, чудесно спасшийся от татаро-монгольской Орды. При приближении Батыя Китеж стал невидимым и опустился на дно озера Светлояра. По русским поверьям, в городе спаслись и поныне живут только праведники, нечестивцы туда не допускаются. В отношениях между людьми царят мир и справедливость.

КИТОВРАС, в древнерусских книжных легендах кентавр. В рукописных текстах Китоврас фигурирует с XIV в. или как имя нарицательное, обозначающее чудовище, или как имя собственное, связанное с персонажем апокрифического сказания. Эти русские апокрифы восходят к легендам о царе Соломоне и его противнике Асмодее, которого в народных легендах заменил Китоврас. На Руси этот облик сблизили с известным здесь мотивом византийской иконографии, кентавром; при этом иногда Китоврас наделялся крыльями. Согласно русской версии легенды, царь Соломон нуждался в помощи Китовраса для того, чтобы построить Иеру-

салимский храм. При посредстве обмана и цепи с заклятием именем Божиим Китовраса ловят и приводят к Соломону. Китоврас научает его, как добыть у чудесной птицы шамир (шамур, по одним толкованиям — алмаз, по другим — волшебный червь), с помощью которого можно тесать *камни*, избегая, согласно ритуальным предписаниям, использования железных орудий. Характерны мотивы состязания Китовраса и Соломона в мудрости. По завершении строительства Соломон говорит Китоврасу, что его сила не превышает человеческой, т. к. его удалось поймать. В ответ Китоврас просит снять с него цепь с заклятием и дать ему волшебный перстень Соломона. Когда это исполняется, Китоврас забрасывает Соломона в далекую страну, наказывая его таким образом за гордыню. Согласно др. легенде, Китоврас привел Соломону двухголового мужа. Впоследствии у этого человека родились два сына, двухголовый и обыкновенный. После смерти отца двухголовый сын требует двойную долю наследства; Соломон хитрым способом доказывает, что оба сына имеют права на равные доли. Легенды о Соломоне и Китоврасе получили на Руси самостоятельное развитие. В них о Китоврасе рассказывается, что он был родным братом Соломона, сыном царя Давида. Поимка Китовраса связывается с предательством его неверной жены, которую Китоврас носил в ухе. Еще одна легенда, известная по списку XVII в., повествует о похищении Китоврасом жены царя Соломона. Здесь Китоврас также брат Соломона, царь, правящий в соседнем граде. Он наделен чертами оборотня — днем в виде человека правит людьми, а ночью в виде «зверя Китовраса» — зверями. Китоврас обманом похищает неверную жену Соломона. Последний отправляется за ней, спрятав войско в лесу. Жена узнает Соломона и предает его Китоврасу. Соломон просит казнить его по-царски, перед повешением ему разрешено сыграть на рожке. Появляется войско Соломона и освобождает царя, а на приготовленной виселице вешают Китовраса и неверную жену. В виде кентавра-Китовраса на Руси изображали также Полкана — богатыря из повести о Бове-королевиче.

Лит.: *Веселовский А. Н.* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине//*Веселовский А. Н.* Собр. соч. Пг., 1921. Т. 8. Вып. 1; *Окладников А. П.* Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея//*Советская археология.* 1950. Вып. XIII; *Чернецов А. В.* Древнерусские изображения кентавров//*Советская археология.* 1975. № 2; *Он же.* Об изображениях кентавра, обнажающего меч//*Краткие сообщения Института археологии АН СССР.* 1981. Вып. 166.

Ист.: *Чернецов А. В.* Китоврас//*Славянская мифология.* М., 1995.

КИЧКА — см.: СОРОКА.

КЛАВДИЯ, народное название имени свв. мцц. Семи дев: Александры, Клавдии и др., 6/19 нояб.

Св. Клавдию почитали как устроительницу домашней жизни. Крестьяне говорили, что «она хоть и хромоножка, но много полезного может делать». Считалось, что тихо, спокойно и без суеты она наводит порядок в доме, соблюдает праведный образ жизни.

В этот же день вспоминали также св. *Павла Исповедника*.

КЛАД, сокрытое в земле сокровище. По русским законам принадлежал владельцу земли, на которой был

Клад.

Картинка из лубочной книги XIX в.

а другая поступала к отыскивавшему клад. Относительно Керченского музея в 1834 было постановление: «Никто без дозволения местного начальства не имеет права искать древностей на землях казенных и общественных». Ст. 539 Т. X Свода Законов гласила: «Лица, представившие подлежащему начальству найденные старья или другие древности, получают всю настоящую цену золота, серебра или иного вещества, из коего они сделаны».

С поисками кладов в России было связано множество легенд и поверий. Говорили, что смельчаков, решившихся вырыть клад, *нечистая сила* пугает всевозможными способами, которые часто стоили жизни тому, кто решался рыть клад. Впрочем, клад можно было вырыть только тогда, когда кончался срок их заклятий; русские считали, что кладов положены всегда с закланием, или на срок, или навеки. Положенные навеки никогда в руки людей не дадутся, а уходят все глубже в землю. Срочные кладов по истечении срока сами иногда выходят из земли под видом людей. Если до них дотронуться, то они моментально рассыплются золотом и серебром. Клад, бродящий в виде старика, обращается обыкновенно к встречным с просьбой развязать *кушак* или помочь в чем-нибудь другом. Услужившим дается в руки, рассыпаясь деньгами. Клад в образе пуха состоит из золота, свиньи, жеребенка — из серебра и др. драгоценных вещей. На заклятых навеки кладов обыкновенно горит свеча. В рассказах о кладе часто упоминаются иконы Божьей Матери, Животворящий Крест, просфоры, ладан, восковые свечи, молитвы Божьей Матери, Архангелу Михаилу как ограждение от владеющей кладом нечистой силы. Для вызывания кладов употреблялись «вызывные» книги с молитвами из требника, растение Петров-крест, плакун-трава (выросшая, по поверью, из слез Богородицы), ключезелье, трава-разрушевка, *разрыв-трава* (цвет *папоротника*). Последнюю надо было положить, истерев предварительно в порошок, за надрезанную кожу на ладони правой руки. При прикосновении такой руки к двери, каким-либо запорам или даже горе — все мгновенно разлеталось на куски.

спрятан. В губерниях Черниговской и Полтавской клад, отысканный самим владельцем на своей собственной земле, весь и сполна принадлежал ему; но когда клад был отыскан кем-либо случайно на чужой земле, то тогда из найденного одна половина отдавалась тому, в чьей земле клад отыскан,

прятавшими кладов народ считал гл. обр. знаменитых разбойников, как, напр., Ермака, его есаула Кольцо, Стеньку Разина, Кудеяра. Разбойники эти прятали кладов обыкновенно с таким закланием, чтобы они доставались бедным людям.

Лит.: Кондаков Н. П. Русские кладов. СПб., 1896; Витевский В. Кладов и кладоискание на Руси//Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. X, вып. 5. Казань, 1890; Орлов. Народные рассказы о кладов//Харьковский Сборник. Харьков, 1890.

С. Ю. **КЛАДБИЩЕ (погост)**, освященная земля при храме или за городом, селом, для погребения удостоившихся отпевания покойников; обносилось забором, в городах нередко даже каменной стеной с *воротами* или, на худой конец, окапывалось

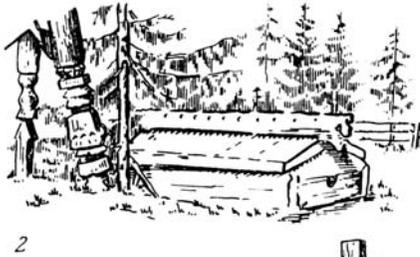

Кладбище в Кемии н. XX в.

Худ. И. Я. Билибин.

глубоким и широким ровом, чтобы на него не забрела бродячая скотина или случайно в потемках не зашел человек. При кладбищах обычно устраивалась небольшая кладбищенская церковь, была сторожка для сторожей, исполнявших роль могильщиков, мог быть Божий дом, иногда богадельня. Могилы были в виде небольших земляных насыпей, ориентированных с востока на запад ровными рядами, нередко они обсаживались и засаживались деревьями, кустами сирени, зарастали травой. На могилах ставили разной формы кресты в изголовье, деревянные или каменные, клались *камни* с высеченными надписями или ставились дорогие гранитные и мраморные памятники, скульптура в виде ангелов и т. д.; допускались и небольшие семейные постройки-склепы, где гробы иногда просто устанавливались на полу. Почетные прихожане, помещики погребались в ограде церкви близ самого храма, с правой стороны или возле алтаря, духовенство — возле алтаря или даже в крипте храма, под алтарем. Встречались погребения в церкви или в церковной стене.

Кладбище считалось страшным и опасным местом, поскольку покойники могут выходить из могил и пугать случайных ночных посетителей. Особенно опасны *упыри* или *вурдалаки*, случайно, по недосмотру, погребенные на кладбищах: они ловят случайных или неосторожных ночных прохожих и пьют из них кровь, причем укушенный

Домовины — «Столпы». XIX в.
1—Солотча (г. Рязань); 2—Север;
3—Карелия; 4—Лехтинский р-н,
хутор Рио-Варнка.

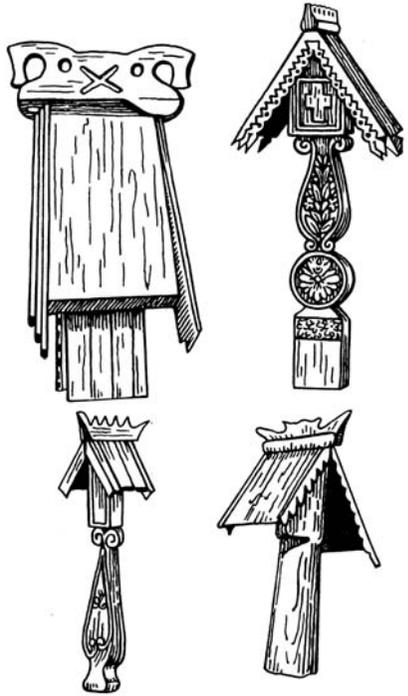
(кусают в шею) сам превращается в упыря и после смерти питается свежей человеческой кровью. Поэтому кладбищенские ворота, если они были, на ночь запирались сторожами. Самоубийц в освященной кладбищенской земле не хоронили, а без отпевания за капы вали за оградой, где-нибудь в овраге сзади кладбища, и их неуспокоенный дух постоянно бродил возле могилы, что делало кладбища еще более опасными.

Хоронили чаще всего рядом с могилой родного: «в сыру землю под бок к дедушке», как говорилось в причитании.

Могилой было принято делать не менее как на 2½ аршина глубины. Там, где этого не позволял грунт или зимой, когда тяжело рыть, бывает, что вы-

нимают землю и не так глубоко. Но чаще было принято глубину могилы устраивать не менее 3-х аршин. По народному поверью, когда наступит конец мира, земля на 3 аршина сгорит. В одном из народных преданий говорится: «Земля будет гореть на три аршина, Бог-то и спросит: «Чиста ли ты, земля?» Земля в первый раз ответит: «Чиста как муж и жена». Еще спросит Бог — «чиста как вдова», — скажет земля. В третий раз спросит. «Чиста как красная девица», — ответит она. Вот тогда и будет суд».

Поэтому в народе считали, что если закопать покойника меньше чем на 3 аршина, он сгорит. В могилу

Кладбищенские кресты-часовни.
XIX в.

ли. У старообрядцев не было принято класть могильных каменных плит, т. к. при воскресении мертвых последним трудно будет поднять камень.

На могиле ставился деревянный или железный крест, а иногда просто вкапывался деревянный столб, на который вешали образок. Часто могилу обносили решеткой и сажали деревья. Деревенское кладбище, или как его называли, «погост», обычно представляло из себя рожицу, нередко обнесенную каменной оградой с железной или деревянной решеткой, а древние могильники носили название «рожиение». Рубить деревья в этих заповедных рощах было нельзя — презрением клеймился тот, кто нарушал обычай.

Могилы иногда вместо насыпи покрывали деревянным срубом из бревен, сделанным по длине могилы. Такой в виде удлиненного колодца сруб был сверху открытым, изображая из себя, т. о., ограду могилы, в др. случаях его покрывали плоской или двускатной кровлей, на которую ставили также крестик. В этом случае получалось подобие деревянного долмена или домика. Такая постройка называлась «голубец» или «голбец». Чаще эта форма надгробного памятника встречалась на кладбищах хранителей древней поры и старых обычаев — старообрядцев. Такие деревянные срубы, между прочим, были сделаны над могилой прп. Макария Писемского (XV в.) и Ферапонта Монзенского (XVI в.). Иногда бывали кирпичные надгробия и чугунные плиты. Последние устраивали чаще всего помещики. Строили также памятники в виде часовен со стеклами в нишах, куда ставили икону или распятие и лампаду.

В к. XIX в. стали привозить железные кресты из города с надписями на жести или на железном листе

гроб опускали на холстах, а по нужде — на веревках, на лыках или на кушаках. Каждый считал своим долгом, после того как гроб опущен, бросить в могилу горсть земли.

На могиле делалась небольшая продолговатая насыпь в длину могилы, иногда меньше, которую потом обкладывали дерном родные или друзья. Часто на могилу клали камень, как объясняли, для того, чтобы могила была заметнее, чтобы ее не перекопали.

годов рождения и смерти и со стихами. Стихотворные эпитафии в н. XV в. можно было встретить в самых глухих уголках России.

Такие эпитафии представляли собой особую отрасль погребального ремесла, и в деревню проникали прежде всего излюбленные городские шаблоны вроде следующих:

*Куда наш друг любезный скрылся,
Нас оставил сиротам,
На веки с нами ты простился,
Чего бы не хотел и сам...*

Или:

*Прощайте, дети, не скучайте.
Да будет с вами благодать.
Меня к себе не ожидайте,
А я к себе вас буду ждать.*

В Коворнине на одной из могил была такая эпитафия:

*О человеце! Не возносись много,
Смерть у порога.
Здесь, как не ликовать,
А по смерти гроба не миновать.*

Интересно, что вторая часть этой эпитафии повторяла буквально народную поговорку: «Как не ликовать, а гроба не миновать», и, по-видимому, была заимствована из духовного стиха «Гробы» — «сколь я в мире не ликую, тебя, гроба, не миную», в свою очередь представлявшего отголосок мотивов, входивших в состав др. известных стихов.

В могилу *колдуна* было принято для ограждения людей от покойника вбивать кол. «Колдуна в могилу нужно класть книзу лицом — тогда не встанет: как оживет, начнет царапать руками землю, а сам все глубже проваливаться будет».

Рассказывали, что в Ветлужском у. кто-то разрыл могилу крестьянина д. Горлова, чтобы отнять правую руку, т. к. с правой рукой мертвеца легко воровать — нужно обойти с ней дом, который хотят ограбить: ни хозяин не проснется, ни собака не взвизгнет.

У кладбища в позднее время и ночью боялись ходить и ездить, т. к. местопребывание умерших насильственной смертью, по народному понятию, связано с местами их могилы и смерти. Здесь «чудилось», пугала *нечистая сила*, раз уж навредившая человеку, или сама погибшая душа, тоже перешедшая в разряд «нечисти». Вообще ходить через кладбище ночью до пения петухов боялись.

См. также: Погребение умерших, Похоронные обряды.

Ист.: Смирнов В. Народные похороны и причитания Костромской губернии. Кострома, 1928; *Беловинский Л. В.* Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

КЛАДЕНЕЦ-МЕЧ, оружие русских сказочных героев (Еруслана, Бовы и др.). Хранится он под заклятьем в тайном месте, запрятанный глубоко в холм.

КЛАДКА — см.: ПРИДАНОЕ.

КЛЕТЬ, холодное помещение деревянного срубного дома, использовавшееся как кладовая для различного домашнего имущества и как летняя спальня для молодых брачных пар.

На основной части территории России клетью называлась небольшая срубная постройка, соединенная с *избой сенями*. В южных губерниях Европейской России клеть могла стоять на открытом дворе отдельно от жилого

Клеть, стоящая на открытом дворе отдельно от дома. XIX в. Южная Россия.

одно или два небольших волоковых окна, прорубленных довольно высоко от пола. Дверь в клетки делали очень прочной и закрывали на висячий замок.

Домашнее имущество раскладывали здесь на широкие полки, идущие вдоль стен, развешивали на спицы — деревянные гвозди, вставленные в стены, или на грядки — длинные шесты, протянутые от одной стены до другой. Когда клеть использовали как спальню, в ней устанавливали широкий деревянный помост.

В домах, где жила большая семья (хозяева-родители, незамужние дочери, женатые сыновья с женами и детьми), клеток было несколько. Одна-две клетки могли быть общими, своя клеть была у свекрови, у каждой из невесток и незамужних дочерей. Молодые женщины и девушки хранили в них свое личное имущество, принесенное в дом в качестве приданого или подготовленное к *свадьбе*. Ключ от клетки находился у владелицы, и никто из членов семьи не имел права войти туда без разрешения.

Клеть — помещение, издавна знакомое русским людям. В письменных документах XIII—XVII вв., перечисляющих строения, которые входили в состав хором богатых бояр, посадских людей и крестьян, постоянно упоминаются клетки. Напр., в грамотах к XIV в. о крестьянской усадьбе говорится так: «...на старом дворище... поставити избу да клеть да огородец капустник». В документе, датированном 1695, описывается усадьба крестьянина «Максимки Федорова сына Евремова»: «...двор горожен тыном... изба сосновая полтретя сажени, клеть сосновая двух сажен с подклетом».

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

КЛЁН (явор), в народных преданиях дерево, в которое превращен («заклят») человек. По этой причине кленовое дерево не используют на дрова («явор от человека пошел»), не подкладывают листья клена под *хлеб в печи* (в листе клена видят ладонь с пятью пальцами), не делают из него гроб («грешно гноить в земле живого человека») и т. д.

Превращение человека в явор — один из популярных мотивов народных баллад: мать «закляла» в явор непослушного сына или дочь; музыканты, которые идут через рошу, где растет это дерево, срубают явор и делают из него скрипку, которая голосом сына (дочери) рассказывает о вине матери. В балладах о матери (или жене) — отравительнице явор вырастает на могиле убитого сына (мужа) или его сажают на этой могиле (см.: *Дерево*; ср. также типичное для народных причитаний

обращение к умершему сыну: «Ай мой сыночек, мой же ты яворочек» и т. п.)

Т. Агапкина

КЛИКУША, порченная *нечистой силой* женщина; распространённое явление в деревне и городских низах. На литургии в храме перед Херувимской и выходом со Святыми Дарами кликуши начинали вскрикивать на разные голоса, лаять, мяукать и пр. Обычно припадок заканчивался после выноса Святых Даров. Для прекращения припадка несколько сильных мужчин вели кликушу до Царских врат к причастию, а когда она начинала успокаиваться, выводили из храма, клали на землю, покрывали белой тканью (лучше всего — *скатертью*, которой накрывали пасхальный стол или в которой несли на пасхальную заутреню для освящения яйца, пасху и кулич), отпавали богоявленской водой, отчитывали воскресной и богородичной молитвами или *заговором*. К кликушам в быту относились предупредительно, как к больным, освобождали от тяжелых работ, кормили по возможности получше, старались не огорчать и не сердить. Иногда припадки у кликуш были очень сильными, сопровождались корчами и пеной изо рта. В таких случаях, чтобы изгнать бесов и узнать, кто навел *порчу*, прибегали и к сильным средствам: надевали *хомут*, привязывали к ногам подковы, даже прижигали пятки каленым железом, окунали в одной рубашке в крещенскую прорубь или обливали водой возле нее: в этот момент кликуша бессознательно выкрикивала имя *колдуна*. Изредка кликуш отчитывали «*чернички*» и даже священники, но не все на это осмеливались и не все могли. Иногда кликушество было средством избежать преследований *свекрови* и *золовок* и даже отомстить им, указав на них как на виновниц порчи.

Ист.: Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

КЛИМ ХОЛОДНЫЙ, народное название дня сщмч. Климента, папы римского, 25 нояб./8 дек. В этот день обычно наступали холода. Чтобы защитить своих детей от мороза, матери обращались с молитвой к св. Клименту. Крестьяне говорили: «Клим с холодом, а мать — с голосом».

КЛОБУК, древнейший русский мужской головной убор, шапка в виде *колтака* с меховым околышем (упоминаемая уже в XI в.), которую князья носили также часто вместо короны. В XIX в. и позднее под клобуком обыкновенно подразумевали черное или белое покрывало, из шерстяной или шелковой ткани, камилавки, с разрезами (воскрилиями) по краям, еще чаще — совокупность камилавки с покрывалом, т. е. весь головной монашеский убор. Клобук с воскрилиями носился лишь монахами, уже принявшими пострижение.

КЛУБ, общественное объединение для совместного времяпрепровождения и досуга. Первый русский клуб был создан в Петербурге в 1770 под названием Английского. Сначала количество его членов было ограничено и разрешалось не принимать лиц с чином ниже бригадирского, в 1804 2-е требование отменено, а количество членов к 1850 возросло до 4000 и 1000 кандидатов, замещавших открывшиеся вакансии. В 1802 право посещения клуба было дано дипломатическому корпусу. С 1817 официальным языком клуба стал русский. Членские взносы возросли от 10 руб. ассигнациями в год в 1770, до 100 руб. серебром — в 1860. В 1772 в Петербурге возник Шустер-клуб, открытый немцем Шустером, куда

входили заслуженные чиновники, артисты, богатые русские и иностранные купцы, зажиточные ремесленники; в XIX в. он получил название Немецкого клуба. Английский и Шустер-клуб в значительных размерах занимались благотворительностью, в т. ч. выплачивали много пенсий своим членам. В к. XVIII в. в Петербурге возник еще ряд клубов, в т. ч. основанный в 1785 гробовщиком Уленгуттом танцклуб, прославившийся своими скандалами. К к. XIX в. в Петербурге было 20 различных клубов, в т. ч. 2 яхт-клуба. В Москве к к. XIX в. было 10 клубов. Здесь они появились в 1780-х преимущественно как временные. Первый постоянный клуб, исключительно для дворянства, был основан в 1783 как московское (с 1810 российское) Благородное собрание, членом которого был имп. Александр I. Тогда же возник Английский клуб, закрытый имп. Павлом I и возобновленный в 1802. Он обладал лучшей библиотекой российской периодики и являлся оплотом аристократической оппозиции: имп. Николай I время от времени справлялся, что там говорят о тех или иных правительственных мероприятиях; считалось, что клуб отражает общественное мнение. В 1862 в Москве возник Купеческий клуб, более известный как «приказчий». В к. XVIII–XIX вв. по инициативе дворянства или офицерства клубы возникли во многих провинциальных городах.

Члены клубов занимались беседами, танцами и карточной игрой; в пользу клубов поступал доход от продажи карт и штрафы за игру позже положенного часа. Клубы славились своими поварами, которым платили большое жалованье. Уставы клубов утверждались министром внутренних дел, для их изменения требовалось $\frac{2}{3}$ голосов членов клуба. Устав определял, кто мог стать членом клуба: так, членами Купеческого клуба могли быть только почетные граждане, купцы и купеческие приказчики, членами петербургского Благородного собрания — лица, состоящие на государственной службе, потомственные почетные граждане, лица, имеющие ученые степени или звание художника, и др. Посторонние допускались в клубы лишь как гости, по рекомендации членов клуба. Выборы членов производились баллотировкой. Устав клуба давал защиту карточным долгам, которые не признавались законом: за неуплату долга в установленный срок, после напоминания, должник по постановлению совета старшин исключался из членов клуба. Клубы считались юридическим лицом, владели имуществом и вступали в обязательство; их представителем перед законом был совет старшин, избиравшийся общим собранием членов. Наблюдение за порядком лежало на дежурном старшине.

Ист.: Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003.

КЛУНЯ, хозяйственные застройки для хранения снопов, молотьбы и веяния.

КЛЮЧНИК (ключница), доверенное лицо помощника в барском доме. Выбирался из дворовых. У ключника хранились ключи от кладовых, из которых он выдавал припасы на нужды дома.

КНУТ, орудие пастуха, используемое для управления стадом. Состоял из короткой рукоятки — кнутовища и длинной рабочей части — кнута. Кнутовище выреза-

Клуныя.

ли из березы, ели, можжевельника. Кнут выплетали из вымоченных и вытрепанных льняных или конопляных волокон и заканчивали заплетенным косичкой конским волосом. В некоторых губерниях его изготавливали из переплетенных полос сыромятных кож с гибкой проволокой или стальным тросиком на конце. Длина собственно кнута была от 3 до 10 м.

Пастух обычно носил кнут, свернутый кольцами, на левом плече или справа на поясном ремне т. о., что его конец свисал за спиной и волочился по земле. Кнут использовался как сигнальный шумовой инструмент. Ударяя им о землю, пастух производил сильный хлопок, подгонявший стадо. Щелканье кнутом сопровождалось уханьем, гиканьем, различными криками: «вперед, вперед», «домой, домой» и т. д. Резкое щелканье кнута ранним утром напоминало хозяинкам о том, что стадо уже идет с пастухом на пастбище, вечернее щелканье означало появление стада в прогоне, приход его в деревню.

Кнутом пастух никогда не бил скот. Считалось, что каждый удар кнутом, наносимый скотине, отбирал у пастуха силу и влек за собой Божье наказание. По поверью, у пастуха, нарушавшего запрет, *медведь* мог задраить корову, *волки* разогнать стадо, а коровы, обидевшись, забрести в чашобу.

Кнут использовался пастухами только при пастыбе на больших лесных полянах, по дороге на пастбище и при возвращении в деревню. В лесу с ним работать было трудно.

Кнуту, так же как и др. пастушьему инвентарю, приписывали различные магические свойства, обеспечивающие успех пастыбы. Верили, что кнут, особенно заговоренный *колдуном*, обладал способностью защищать пастуха и скот от грозящих во время летнего выпаса бед. Для придания кнуту магической силы его делали из материалов, обладавших, по мнению крестьян, особыми волшебными свойствами. Напр., выплетая кончик кнута, т. н. хвостину, использовали волосы из гривы стельной кобылицы или девятилетнего жеребца. Кнотовище старались сделать из можжевельника — дерева, по верованиям русских, отгоняющего *нечистую силу*. Считалось, что, по-особому щелкая кнутом, пастух вступал в контакт с *лешием*, с которым якобы заключил договор перед началом пастбищного сезона. Существовало поверье, что через кнут нельзя переступить, отдавать его в чужие руки, ибо тогда он лишается магической силы, а пастух навлекает на себя несчастье.

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

КНЫШ, круглая пшеничная лепешка, пирожок с маслом, салом.

КНЯЖИЙ СТОЛ (большой стол, венчальный стол, красный стол), главный свадебный пир, проходивший после *венчания* в доме родителей жениха.

В определенном, утвержденном традицией порядке ставились столы, рассаживались гости — приглашенные родственники, размещались зрители — «глядельщики», подавались еда и напитки, исполнялись песни.

Свадебные столы, как правило, ставились вдоль полов и лавок «глаголем» (буквой «Г»), и лишь в некоторых местностях — поперек половиц. Жениха и невесту, именовавшихся на этом пиру «князем молодым» и

Свадебный пирог.

«княгиней молодой», сажали на почетное место — в передний угол избы: «Как у нашего сватушки впереди сидит почетный гость — князь с княгиней». Гости рассаживались, соблюдая мужские и женские места, в строгой последовательности родства: чем ближе родственник, тем ближе он садился к жениху или невесте. Парни, девушки, соседи, обычно присутствовавшие на *свадьбе*, считались зрителями и не приглашались к столу. Рассаживанием гостей, а также расположением зрителей занимались дружка, главный сват или свашки.

Свадебные столы обязательно накрывали белыми скатертями. По обычаю, сначала на столы раскладывали *хлеб и пироги*. Хлеб ставили на середину стола, одна буханка на другую, справа и слева от него находились две тарелки с пирогами, на каждой по три пирога. По краю стола напротив определенного каждому гостю места укладывали ломоть ржаного хлеба, а на него продолговатый пирог. Перед молодыми ставили два круглых хлеба, размещенных один на другом и прикрытых платком. После того как гости занимали свои места, начинали подавать напитки и еду. Блюда приносили попеременно, т. е. сначала подавали одно блюдо, потом второе, третье и т. д., чередуя с напитками. Количество блюд должно было быть четным, т. к. с четными числами связывались обычно представления о счастье и удаче.

Угощения различались по способу приготовления: холодные, горячие, жаркие, варева, похлебки, пирожные и т. п. Набор блюд для свадебного стола в разных местностях России был различным. Так, например, во Владимирской губ. на стол сначала приносили холодные блюда: окорок, баранью голову, студень, потом горячие: похлебку из гусиных потрохов, жареное баранье плечо, поросенка, гуся, кашу, пшеничник, сальник, а затем сладкий пирог или пряник. В Вятской губ. сначала ставили рыбные пироги, потом ши, затем мясо, гуся, холодные блюда — телячью губу, а ближе к концу кисель и пирог. Подача очередной перемены сопровождалась разливанием *пива, браги, водки, вина, кваса*. Столовую утварь, еду и напитки выносили главные чины свадьбы — *дружка, тысяцкий, сваха* — и некоторые из поезжан, называвшиеся *хлебник, пивник, чашечник, ложечник, наливашник, стельник, погребенница* и т. п. Последним блюдом свадебного пиршества был *курник* — пирог с куриным мясом — или свадебный *каравай*.

Свадебный пир проходил обычно в два этапа, или, как говорили крестьяне, в два стола. Первый стол назывался свадебным, второй — горним.

Участниками первого свадебного стола являлись жених с невестой, поезжане, родители «князя молодого», его женатая и замужняя родня.

Свадебный пир начинался с т. н. открывания «молодой княгини», которая после венца входила в дом, закрыв платком лицо. Как правило, отец жениха или тысяцкий, держа в руке горбушку хлеба или пирог, поднимал ими платок невесты, затем брал его в руки и

трижды обводил им вокруг голов новобрачных. Присутствовавшие родственники кричали: «Хороша молодая княгиня, хороша!» Этот обряд перекликался со смотринами просватанной девушки перед сговором и был необходим как обряд знакомства родни жениха с новым членом родственного коллектива.

Жених и невеста, сидевшие за свадебным столом вместе с др. женатыми мужчинами и замужними женщинами, не имели права прикасаться к еде или питью. В знак запрета *миска* перед ними ставилась пустой, *ложки* связывались красной ленточкой или укладывались ручками к центру стола, а чарки для напитков переворачивались вверх дном. Запрет на публичную еду объяснялся древними мифологическими представлениями о том, что жених и невеста не могут принимать участие в общей трапезе с женатыми мужчинами и женщинами, т. к. пока еще не относятся к ним.

За первым свадебным столом звучали обычно поздравления в адрес молодых, пожелания им счастья, богатства. Кроме того, девушки из деревни жениха и молодичи, находившиеся в качестве зрителей в избе, пели им величальные песни:

*Молоду князю песенку
С молодой княгиней:
Молод князь Иван-сударь,
Беленький Николаевич,
Княгиня свет Марьюшка,
Белая Ивановна.
Бог их свел, Бог их свел
За единый стол,
Бог им велел, Бог им велел
Одну соль-хлеб кушать,
Бог им велел, Бог им велел
Одну речь говорит.*

Свадебный стол заканчивался уходом молодых в особое помещение, где им подавали ужин. В некоторых деревнях молодую сразу же после ужина «окручивали» (см. *Окручивание молодой*), т. е. надевали на нее женский головной убор.

Второй частью свадебного пира был горний стол. На нем присутствовали «князь молодой» и «молодая княгиня» в женском головном уборе и нарядной одежде. К этому столу приезжали родители и родственники новобрачной, которые первый раз садились за общий стол со своей новой родней. Возвращение молодых к общему столу приветствовалось радостными криками присутствующих, песнями девушек.

Горний стол предполагал одаривание невестой родственников жениха: матери, отца, сестер, братьев (деверей), а также всей остальной родни, включая самую дальнюю. Дарами служили *рубахи*, *платки*, *пояса*, *полотенца*, отрезки тканей. Подарок укладывали на блюдо, молодая подходила к одариваемому родственнику и низко кланялась. Он должен был взять подарок и вернуть на блюдо отдарок: *пряник*, конфеты, деньги. Кроме того, во время горнего стола «княгиня молодая» должна была первый раз назвать своего *свекра* батюшкой, а *свекровь* — матушкой.

На этот раз молодые получали право участвовать в трапезе. Однако их трапеза отличалась от общего угощения. Прежде всего, молодым подавали определенный набор блюд: кашу, яйца, мед, масло, хлеб, пироги,

молоко. На мифологическом уровне это объяснялось тем, что пища молодых, пока еще окончательно не утвердившихся в своем новом статусе, должна отличаться от пищи остальных гостей. Кроме того, молодые должны были пить молоко из одного стакана, есть хлеб или пирог от одного куска, пользоваться одной миской и одной ложкой. Это было необходимо для того, чтобы подтвердить единство молодых, их неразрывную связь.

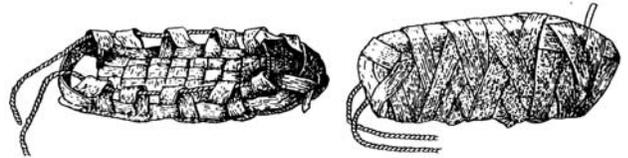
В конце горнего стола совершался также обряд деления каравая (см. *Каравайный обряд*).

Свадебный пир символизировал объединение двух семейно-родовых групп. Совместное сидение за общим столом, употребление одной и той же еды утверждали родство двух семей и закрепляли их новые родственные связи.

Княжий стол заканчивался торжественным уводом молодых к месту, где устраивалась брачная постель, под пение присутствовавших.

Ист.: Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. СПб., 2003.

КОВЕРЗНИ, домашние лапти из *бересты*, ракиты, коры ветлы, жесткие, без обор для крепления на ноге.

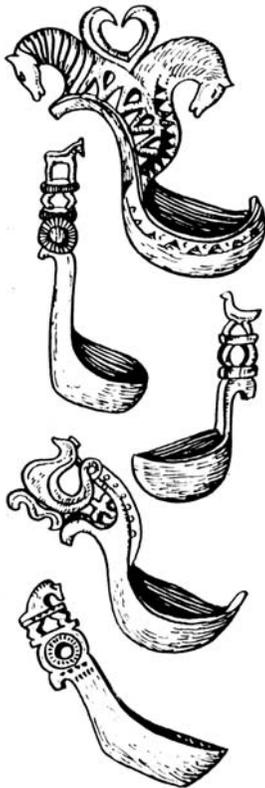
Лапти-коверзны. XX в. Великолукская обл.

КОВРИГА, *каравай*, пшеничный или ржаной хлеб, тесто для которого было положено в специальную форму, а затем вынутое из нее, выпекалось на *поду русской печи*.

КОВРИЖКА, народное лакомство, печенное из муки на *меду* с пряностями, похожая на *пряник*, но более пышная, с прослойкой из варенья или повидла.

КОВШ, деревянный или металлический сосуд, использовавшийся для питья, для подачи напитков на *стол*, для разливания их по другим сосудам, для черпания воды, для пересыпания муки, зерна, круп и т. д.

Ковши, предназначенные для различных нужд, имели разные размеры, форму, а часто и разные названия. Для подачи на праздничный стол *пива*, медовухи, бражки, *кваса* использовали деревянные большие ковши — конюхи, вмещавшие в себя до двух *ведер* напитка. Они имели плоское дно, широкую рукоятку и тулово, напоминающее своим силуэтом пlyingшую утку. Для питья напитков и разливания их по *чаркам* во время праздничного застолья употребляли маленькие деревянные ковшики — *налёвки*, *наливки*, *черпаки*, *черпальники*, *корчики*. Их делали небольшого размера, с округлым или полусферическим дном и длинной, стоявшей почти вертикально рукоятью. Такие ковшички вывешивали на бортики большого ковша или *скопкаря*, из которого черпали пиво. Именно о них были составлены популярные до сих пор загадки: «Утка в море, хвост на угоре», «Щука в море, хвост на горы». Ковшик, которым черпали воду из ведра, стоявшего в *печном углу*, и ковшик, использовавшийся в *бане* для переливания горячей воды из чана в *шайку*, для подавания пара на каменку, изготавливали из меди, латуни, железа. Обычно такие ковшики делали низкими, с рукояткой, за-

Старинные ковши с изображением солнца, коней и птиц.

канчивавшейся крючком для подвешивания их на гвоздь. Причем металлические рукоятки банных ковшиков были защищены деревянной оправой. Ковшик, оставленный у лесного ключика, где мог попить в жаркий день уставший путник, был изготовлен из *бересты* и имел деревянную рукоятку, длина которой позволяла легко зачерпнуть воду, не склоняясь при этом слишком низко над источником. Ковши для зерна делали глубокими, полусферической формы, с круглой в сечении рукояткой.

Деревянные ковши, широко распространенные в крестьянском быту XVIII–XIX вв., выдалбливали из целого куска дерева (*березы*, липы, *осины*), корня дерева или из капа. Ковши из капа получали дополнительное название — каповые, репчатые ковши, из корневищ — коренные, корчики, из прямоствольного дерева — прямизны. Из выполняли в долблено-резной технике, при которой первоначальная грубая обработка дерева производилась топором, внутренняя часть сосуда «выбиралась» теслом, выравнивалась скобелем, а окончательная внутренняя и внешняя обработка проводилась резцом и *ножом*. Берестяные ковши сшивали *лыком* из верхнего слоя коры, снятой с березы весной. Металлические ковши делали из красной меди, латуни, железа, олова, серебра.

Красивые деревянные и металлические ковши, предназначенные для праздничного застолья, заказывали мастерам-ремесленникам или приобретали на *ярмарках*, торжках, в лавках. Центром производства деревянных ковшей были села Московской, Тверской, Костромской, Ярославской, Нижегородской губ. Простые металлические ковши делали на Урале, в Вятской губ. Дорогие питьевые ковши изготавливали серебряники Новгорода, Вологды, Костромы, Н. Новгорода и др. городов. Берестяные ковшички, деревянные черпачки для ежедневных нужд делали и в домашних условиях. Фактически каждый крестьянин, владевший топором, теслом и резцом, в состоянии был смастерить их для своей семьи.

Ковши использовали на Руси с глубокой древности. При раскопках Великого Новгорода, Старой Ладогои в слоях X–XIV вв. археологи находят деревянные ковши, форма которых аналогична форме ковшей XIX в. Среди них встречаются и ковши, напоминающие плывущую по воде птицу, с рукояткой в виде головы барана, коня, медведя, дракона или прямыми рукоятками, завершающимися небольшими головками тех же зверей и птиц.

В XV–XVII вв. деревянные ковши бытовали так же широко, как и в более раннее время. На миниатюре XVI в. из Жития Зосимы и Савватия, изображающей пир у новгородских бояр, можно видеть на пиришественном столе ладьевидные ковши. В монастырских описях имущества, составленных в XVI–XVII вв., довольно часто перечисляются деревянные ковши. В описи имущества Печерского Нижегородского монастыря от 1638 читаем следующее: «... ковш о двух стеблях кореново, красный с венцом, в четыре ведра... <...> шесть ковшей питьих». В коллекциях многих музеев имеются деревянные ковши, изготовленные в XVII в.

В Древней и Средневековой Руси деревянные ковши использовались не только крестьянами, но и представителями др. сословий и социальных групп. Так, патр. Филарету, жившему в XVII в., были преподнесены в дар, как свидетельствует опись имущества, наряду с др. деревянной утварью «большие репчатые ковши». Преобладание в русском быту деревянной посуды и в частности ковшей, отмечали и иностранцы, посещавшие Московию в XVI–XVII вв. Немецкий дипломат Адам Олеарий, побывавший в России в 1633–35 и 1643, писал, что мало видел оловянной и еще меньше серебряной посуды, зато деревянную посуду, в частности ковши из липы, делают многие ремесленники. О принадлежности деревянных ковшей людям из разных слоев общества свидетельствуют имеющиеся на них надписи. Так, на одном из ковшей XVII в. можно прочесть: «Сей ковш села Ильинской пустыни Козьмодемьянского уезда пятидесятичка крестьянина Константина Матвеева Красногорского». Др. ковш этого же времени принадлежал сыну стрельца: «Сей ковш козьмодемьянского пятидесятника стрелецкого Якова Нефедьева сына, пити во здравие добрым людям, пить до дна, во дне добро, пить не до дна — не видать добра».

Серебряные и золотые ковши, т. н. ковши питьевые, упоминаются еще в письменных документах XIV в. Напр., вел. кн. Иван II завещал монастырю «ковш великий золот гладкий», Дмитрий Донской — «два ковшы золота по две гривенки», а Василий I — «ковш золот с лалом да с женчогой».

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

КОЖУХ, нагольная шуба, *тулуп*, подбитый мехом, упоминался уже в «Слове о полку Игореве», надевался на *зипун*. Старинные кожухи украшали нашивками, кружевами. В XIX в. кожухом называлась одежда из овчины, укороченный нагольный тулуп.

КОЗЫ (Федор и Василий, Евпл), народное название дня прпмчч. Василия и Федора Печерских, в Ближних пещерах, а также мч. *Евпла*, диакона при имп. Диоклетиане мечом усеченного, 11/24 авг.

По поверью, в этот день на *кладбище* ходить нельзя, т. к. там веселится *нечистая сила*. С ночи слышны ее песни, вой, свист. Бегают по кладбищу нечистая сила в образе белого коня, который раскапывает землю на могилах и жалобно ржет по покойникам. А над могилами появляются блуждающие огни.

На этот день приходилась пора стрижки овец, поэтому св. Василию посвящалась особая молитва. Благодарили его крестьяне за хорошую шерсть и просили, чтобы помог он овцам снова шерстью обрасти, чтобы зимой не

мерзнуть. Люди верили, что в этот день нечистая сила на коз нападает, потому надо было козам уделить особое внимание: накормить-напоить, погладить-приласкать и в поле выпустить, а в хлеву навести порядок.

КОКЛЮШКИ, палочки из твердого дерева с намотанными на них нитками. Использовались для плетения кружев.

КОКОШНИК, праздничный головной убор замужних женщин. Кокошник надевался на женщину или сразу же после *венчания*, или после *брачной ночи* и указывал

Горожанки в кокошниках
1 — псковский тип; 2 — новгородский тип.

Кокошники в виде шапочек с твердым очельем (рогом). XIX в. Олонецкая губ.

на ее новое семейное положение. Некоторые кокошники женщины носили только до рождения и первого или второго ребенка, а затем передавали более молодой родственнице. Их головным убором становился *повойник*.

Название «кокошник» происходит от древнего славянского слова «кокош», означавшего и курицу-наседку, и петуха.

Принято считать кокошник старинным головным убором. Он упоминается в документах XVI–XVII вв. Кокошники были в то время по преимуществу головными уборами богатых людей: цариц, боярынь, купеческих жен. В списках их имущества они встречаются довольно часто: «... кокошник низаной, пять кокошников шитых с голунами и с канетелью по камкам и по атласу, кокошник жемчужный со ставками». Головными уборами крестьянок в XVI–XVII вв., как предполагают ученые, были *сороки* или *убрусы* с подбрусниками. Однако из некоторых списков крестьянского имущества, составленных в XVII в., можно выяснить, что кокошники бытовали и в крестьянских семьях: «... два очелья новые кокошников, шиты по перевити нитми, местами шито золотом, кокошник дирчатый».

Кокошники были самого разнообразного вида. Наиболее были распространены т. н. однорогие кокошники и в виде шапочки.

КОКУРКА, пшеничная булочка с запеченным в ней яйцом в скорлупе. Обычно кокурки пеклись в дорогу. На привале, разломив булочку, доставали оттуда яйцо.

КОЛДУН (*еретник*, малорос. *чаривник*, белорус. *ведьмак*), человек, отрекшийся от Бога и Царствия Небесного, продавший душу *дьяволу* и получивший от него

Колдун в народных представлениях.

Худ. Н. Антипова

сверхъестественные способности. В противном случае *ведьмам* и *вампирам*, не является *нечистой силой*, и хвостов у них нет. Они, подобно языческим шаманам, лишь пользуются помощью различных представителей нечистой силы. При этом колдун заключает с нечистой силой соглашение обычно на таких условиях: пока колдун жив, нечистая сила ему служит, но сразу же после *смерти* он оказывается навеки в ее власти. Колдуну прислуживают черти, которые выполняют его поручения и, так сказать, отданы в его распоряжение, *заложные покойники*, а нередко также ведьмы и вампиры. Трагедия колдуна состоит в том, что он должен непрерывно занимать их какой-то работой, направленной во вред человеку.

По представлениям русского народа, колдуны — это люди, рожденные от православных родителей, но пожелавшие в силу разных жизненных обстоятельств обладать тайными знаниями. Необходимость в получении колдовского «дара» зачастую была вызвана неудовлетворенностью своим положением в обществе, желанием иметь власть над людьми, стать богатым, отомстить за обиду и т. п. Превращение обычного человека в колдуна, по поверью, происходило прежде всего путем отречения от Бога и от всего, что связано с миром людей. В старинной быличке опытный колдун объясняет молодому парню: «Ты перво-наперво отрекись от отца с матерью и прокляни их. Прокляни небо, солнце, луну и звезды. Не веруй в Бога, не читай Священного Писания. По праздникам работай, в церкву ходи ради блезиру, чтобы люди не могли догадаться, что ты настоящий колдун. Теперь иди и испорти отца или мать — кто первый отпрет ворота, а если ты не испортишь никого из домашних, тебя черти разорвут в мелкие куски».

Колдунья. Картинка из лубочной книги XIX в.

Человек, пожелавший стать колдуном, поступал учеником к опытному колдуну (как и при обучении любому др. ремеслу, ученик получал знания от мастера), который в течение нескольких лет старался передать ему свой опыт, а перед смертью должен был «отдать» все свои знания. Так, напр., Иван Мучников, крестьянин Московской губ., признался на допросе, что он «учил всякому волшебству на Дедилове кружечного двора голову Микитку Лукьянова крикоте и всякой порче... На Кашире подъячего Васку Микулина да казачьего сына Панку Микулаева икоте и к женскому привороту и всякому волшебству». Обучение могло происходить и в специальных «школах колдовства», которые возглавляли сильные и умелые колдуны. Пройдя курс обучения, мастера получали своеобразный диплом — «колдовской предмет», напр. серебряную монету, которая при опускании в воду дымилась, и «волшебную книгу» с заклинаниями.

Человек, пожелавший получить колдовской «дар» непосредственно из рук сатаны, должен был пройти сложный обряд отречения от Бога и поступления под власть дьявола. Он представлял собой «перевернутый» обряд православного крещения. Нужно было снять крест, положить его под пятку правой ноги, стать лицом на запад и обратиться к дьяволу со словами: «Отрекаюсь я, раб (имярек), от распятия Христова, и от тридневного Воскресения, всех дел Его и заповедей и не верую в Него, дую и плюю на все дела Божии, только прирекаюсь к тебе, дьяволу, и ко всем делам твоим и заповедям твоим, верую в тебя, творца и царя сатану, и во все дела и заповеди твои, и хочу быть общником твоим и собеседником». Далее нужно было отречься от Богородицы, Православной Церкви, апостолов, христовых праздников, от святых угодников. При этом каждый раз повторялись формулы, заимствованные из текста православной службы. После этого человек должен был написать кровью расписку бесам примерно такого содержания: «Аз, раб Божий (имярек), отрицаю Бога и неба, и земли, и святых Божия веры, и соборные Божия Церкви, и не хочу нарицаться христианином, и передаюся во служение дьяволу, и должен ево волю творить, в том и письмо свертутое дал ему».

Верили, что колдун получал в свое распоряжение бесов, чертей (коловертышей, кузутиков, кулишей, шутиков), которые верно ему служили, а взамен отдавал сатане свою бессмертную душу. При этом он сам превращался в представителя иного мира.

По русским поверьям, колдун, связанный с враждебным человеку миром, всегда ориентировался на зло. Ему доставляло радость и удовольствие насыпать *порчу*

на поля, скот, людей, губить молодых красивых женщин, сильных мужчин, расстраивать *свадьбы*. Считалось, что он может потерять свой колдовской дар и даже умереть, если перестанет приносить людям горе и *болезни*. В одной из быличек рассказывается, как колдун «для укрепления своего здоровья и чар» ежедневно пускал по ветру «щетинку» — мелкие шепочки, кусочки шерсти, мусора, которые вызывали у людей болезни.

Любые хозяйственные невзгоды, семейные беды, эпидемии и эпизоотии объяснялись в народе колдовскими действиями. Так, если корова переставала доиться, то в этом обвиняли колдунью. Считалось, что колдунья ранним утром *Иванова* или *Петрова дня*, сняв с себя одежду и привязав на спину кринки, забиралась на забор и громко произносила клички коров. Деревенские коровы переставали давать молоко своим хозяевам, молоко уходило в кринки колдуны. Если на поле был плохой урожай ржи, то верили, что колдунья пролетела над ним в белых одеждах или сделала на полях «кукол», т. е. оставила на поле несколько особым образом скрученных стеблей.

Верили, что колдуны могли наслать на человека болезни, напр. «килу» — опухоль, «икоту» — истерические припадки, сопровождавшиеся бессвязной, не контролируемой сознанием речью, или «помрачение рассудка». Порчей колдунов объяснялись сильные боли в животе, непрекращающиеся головные боли, депрессивные состояния. По рассказам крестьян, колдуны могли вселить в человека беса, превратить поезд *свадебного поезда* в *волков*, напустить на человека «морюку», т. е. заставить его видеть то, чего на самом деле не бывает. Колдуны насылали порчу по воздуху, *ветру*, по следу, через воду, еду и т. п. Колдун, насылая порчу по ветру, брал комок земли и бросал его в сторону дома того человека, которого хотел испортить, приговаривая: «Кула, кула, ослепи (имярек) воронные, голубые, карие, белые, красные очи. Раздуй его утробу толще угольной ямы, высуши его тело тоньше луговой травы, умори его скорее змеи медяницы». Порча «на след» наводилась несколько иначе. Колдун вырезал широким ножом след ноги человека, читал над ним *заговор*, а затем или прятал след за *матицу* — потолочную балку в доме, если хотел навести тоску, или сжигал в *бане*, если желал человеку смерти. Порчу, по представлениям крестьян, колдун мог наслать и более простым способом: дотронуться, стоя в дверях или воротах, до плеча человека, подать ему кружку наговоренной воды или *пряник* и т. п.

Считалось, что особенно опасными колдуны становились в *Страстную неделю* и в период между Ивановым и Петровым днем. По поверьям, в *Чистый четверг* или в Иванову ночь колдуны вылетают из своих домов для выдаивания коров, порчи зерна в амбарах, уничтожения посевов, овощей, порчи людей, заговора трав, которые после этого становятся вредными для здоровья.

В то же время, по мнению крестьян, только колдуны могли снять порчу, выручить в большой беде, спасти от повальных болезней, устранить тоску, помочь в любовных неурядицах, сделать человека богатым. Особенно часто обращались к колдунам с просьбой снять порчу, наведенную др. колдуном, наслать порчу на врага или защитить от порчи. Последнее особенно

практиковалось во время свадеб, поскольку жених с невестой, а также поезжане были, по распространенному мнению, особенно беззащитны. Крестьяне говорили: «Свадьбу без колдунов не сыграешь. А то свадьбу испортят... Превратят ее или в веников, или в волков и разбегутся все. Свадьбу не соберешь. А берут сильного колдуна: он за крестным едет, передом, и все это отдедает (отколдует)».

К колдуну обращались также с просьбой «сделать присуху», т. е. вызвать к себе любовь человека противоположного пола, т. к. любовь — это «бесовское наваждение», а чтобы вселить бесов, необходима колдовская сила. «Присуху» колдун проводил с помощью заклинаний и «любжи» — напитка из трав, обладавших наркотическим действием. Объект любви должен был выпить приворотное зелье, растворенное в воде, *пиве*, *квасе*, или вытереться платком, *полотенцем*, намоченным в нем, после чего под действием любовного напитка и произнесенного колдуном заклинания начинал испытывать любовное чувство.

Колдун, по мнению крестьян, мог помочь женщине, тоскующей по умершему мужу, изгнать огненного змея, который якобы прилетал к ней каждую ночь, принимая обличье мужа. Кроме того, он мог вылечить человека от болезни, вызванной вселением в него бесов. Колдун изгонял их с помощью воды, вызывавшей рвоту, окуривания травой, неожиданным выстрелом над постелью больного, заклинаниями.

Кроме профессиональных колдунов в русском народном быту существовало и домашнее колдовство. Люди прибегали к нему в сложных жизненных ситуациях: чтобы наладить семейные отношения, добиться успеха в любви, отомстить за причиненные обиды, защитить дом и хозяйство от несчастий, узнать будущее.

В отличие от профессионального колдовства все магические действия, приемы и атрибутика домашнего колдовства были достаточно простыми, а «общение» с нечистой силой происходило только в момент свершения колдовского ритуала. Так, напр., чтобы заставить девушку полюбить парня, надо было поймать двух *лягушек* в момент совокупления, положить их в коробочку с дырочками и закопать в муравейник. Через несколько дней, когда муравьи объедят лягушек, вытащить коробочку, взять лягушачью грудную косточку и во время гулянья зацепить ею девушку за *сарафан*. Для привораживания парня нужно было взять из *веника* прутик и положить его на порог дома, в котором живет парень. Как только он переступит порог, прутик следовало поместить на полок жарко натопленной бани со словами: «Как сохнет этот прут, пускай сохнет по мне раб Божий (имярек)». Если человек хотел быть удачлив на охоте, то ему требовалось в *Петров день* найти траву калюку, сорвать ее во время вечерней росы, засушить, спрятать в коровий пузырь, а перед началом охотничьего промысла окурить ею ружье.

При проведении такого рода магических ритуалов люди зачастую не особенно задумывались о том, что желаемое они получают с помощью нечистой силы. Однако в ряде случаев и в домашнем колдовстве человек сознательно призывал на помощь *нечистую силу*, отрекаясь на время совершения ритуала от Бога. Так, напр., для отпущения обидчику нужно было снять крест, по-

ложить его под пятку, убить черного кота, а затем, завязывая на шерстяной нитке 13 узлов, произнести следующие слова: «По позднему вечеру выйду я на улицу, и откажусь я от Иисуса Христа, от царя земного, от Бога вышнего, от веры православной, от батюшки, от матушки. Предаюсь я к нечистому духу, к окаянной силе, прошу я ей помощи, чтобы она помогла ей и пособила, поступаю я на вора-разбойника, на денного грабильщика, на ночного полуношника, на (имярек). Я хочу его свержить, хочу я его испортить: хоша среди дня, хоша среди ночи, хоша в чистом поле, хоша в темных лесах, хоша в зыбучих болотах, хоша сонного, хоша дремучего, хоша в терему, хоша за столами дубовыми, хоша за яствами медовыми, хоша пошел бы он и загнулся бы, самого себя закланул бы. Окаянные духи, придайте мне силы, помогите и пособите мне, чтобы не было (имярек) ни в день житья, ни в ночь спанья, ни в час моготы, ни в полчаса терпежу. Хошь бы схватило его грыжами, или стрелами, взяло бы его на минуто или в две, и узнал бы он все скорби и печали». После этого нитку необходимо было бросить в дом врага — тогда обидчик будет отомщен болезнью или смертью.

Все колдовские действия обставлялись достаточно таинственно. Их совершали обычно в ночное время, в лесу, на *перекрестках* дорог, где, по поверью, «черти на кулачках бьются», или в бане, считавшейся сакрально нечистым местом. В колдовских обрядах использовались могильная земля, кости людей и животных, мочалка, мыло и вода, использовавшиеся для обмывания покойника, а также *папоротник*, чернобильник (пыльнь), *крапива*, ящерицы, змеи, лягушки, черные кошки, вороны, совы и др. Необходимой составной частью всех ритуалов были «колдовские слова». Верили, что именно магические тексты, сказанные правильно и в определенной обстановке, позволят человеку получить желаемое.

Магические приемы в XIX в. знали фактически в каждой крестьянской *семье*, не говоря уже о более раннем времени. В XVI—XVII вв., напр., они использовались людьми всех сословий. Боярин, составляя «подкрестную запись» на верность царю, обещал в ней не наносить ему вреда «всяким ведовским мечтанием, по ветру никакого лиха не насылати и следу не вынимати». Эти знания передавались от матери к дочери, от отца к сыну, а владение ими считалось необходимым для выживания в суровом мире. Колдовские знания семья старалась держать в секрете, однако ими можно было поделиться с человеком, попавшим в беду. Множество свидетельств этому имеется в судебных делах XVII—XVIII вв. Напр., «женка Марфица» хотела, чтобы «до нее были добры» муж, свекор и свекровь. Она обратилась за помощью к соседке, которая дала ей совет положить «свекру своему Харитону и свекрови Маланье, и мужу своему Феодору в постель... уголь да глинки кусок, да с конопля лычка и мышь мертвую и всякого хлеба зерна».

В др. делах подсудимые признаются в том, что получили свое тайное знание от посторонних, малоизвестных им людей: напр., «Дарьицу, Некрасову жену» колдовским приемам обучил «ражий черноволосый мужик». Она хотела наказать своего обидчика Евтюшку: «Сделаю-де его такова черна, как в избе черен по-

толок, и согнется так, как серп согнулся». Колдовство удалось: «Евтюшка заболел вскоре и, три года ходя, сох и сохши умер».

Профессиональным колдовством занимались особые люди — колдуны (ведуны, волховники, волшебники, ворожеи, гадальники, знатники, еретики, кудесники, обавники, опасные, порченые, чаровники, чародеи, чернокнижники), которые, вступив в союз с нечистой силой — сатаной, чертями, бесами, сделали его своим главным занятием. Профессиональное колдовство было столь же широко распространено в русской деревне, как и домашнее. По свидетельству очевидцев, еще в н. XX в. в каждой более или менее большой деревне имелись 10—15 чел., которые считались колдунами.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991; Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. М., 2003; Елеонская Е. Н. К изчению заговора и колдовства в России. СПб., 1917. Вып. 1; Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь. СПб., 1995.

КОЛОБ, небольшой круглый хлебец; *кокурка*, толстая лепешка, клецка из пресного теста, иногда на молоке; *пряженец* кислого теста; круглый *пирог* с толокном (В. Даль).

КОЛОДА, выдолбленная из крупного дерева емкость для кормления домашних животных.

Колоды ставили в хлевах, на дворах, а также около *колодцев*, если в деревне не было реки или пруда для водопоя стада.

КОЛОДЕЦ, деревянный сруб, обычно дубовый, вкопанный в землю до первого водоносного слоя. Над верхней частью сруба устанавливался ворот или *журавль* для поднятия воды. Отверстие колодца закрывалось крышкой.

Слово «колодец» пришло в русский язык раньше, чем само это сооружение. Впервые оно упоминается в «Повести временных лет» при описании событий 997. Однако там идет речь не об источнике водоснабжения, а о глыбой или яме, в которой стояла *кадка* с медовой *сытой*.

Колодцы у русских были общественными. На деревню их приходилось несколько, и водой из них пользовались жители ближайших домов. Редко кто из крестьян имел в усадьбе собственный колодец.

Крестьяне тщательно следили за состоянием колодцев, поэтому их регулярно чистили, сгнившие срубы и отдельные подгнившие бревна заменяли новыми. Это объяснялось не только заботой о качестве питьевой воды, но и сохранявшимися с древности представлениями о воде как источнике жизни, одной из первых стихий мироздания и в то же время силе страшной и чужой.

Древние славяне возле колодцев и источников совершали жертвоприношения, произносили клятвы, заключали брачные союзы.

Отношение к колодцам, бьющим из земли родникам, озерам и рекам как местам поклонения сохранялось и в XIX — 1-й четв. XX в. Почти в каждой деревне имелся свой святой «ключук» или святой колодец, вода которого считалась целебной. Возникновение того или иного святого источника связывалось с именем св. Параскевы (в народе Прасковей), нареченной Пятницей, культ которой сливался с культом Богородицы. По преданиям, распространенным по всей России, родничок появлялся там, где прошли или присели отдохнуть св. *Параскева Пятница* или Божья Матерь. На священных

Крест у колодца
(святая вода).

1 — Деулино. 2 — Ковда.

колодцах ставили скульптурные изображения, кресты с иконами Божьей Матери и св. Параскевы Пятницы. В определенные традиции дни, обычно в пятницу, на святые колодцы и «ключки» приходили паломники с жертвоприношениями: тканью, льняной куделью, выпряженными нитками, овечьей шерстью. Все это развешивали на деревьях, растущих около колодца, или бросали в источник. Выбор жертвоприношений определялся тем, что св. Пятница — христианское воплощение *Мокоши* — женского божества славянского языческого пантеона — считалась покровительницей женских работ, особенно прядения и ткачества.

С колодцами было связано немало поверий. Так, считалось, что через колодец можно попасть в мир мертвых и что в колодцах живет *нечистая сила*: «От воды — жди беды». Набирая в старину из колодца воду, люди сначала крестили колодец, а потом крестились сами. Особую опасность представляли колодцы в ночное время и зимой до дня *Крещения Господня*. Если приходилось ночью идти за водой к колодцу, то шли туда обычно несколько человек, стараясь не шуметь и не разговаривать.

Колодезную воду, по обычаю, полагалось святить. Водосвятие проходило при большом стечении народа в Крещение и в Первый Спас (1/14 авг.). Если не представлялось возможным освятить все колодцы в деревне, то в каждый неосвященный вливали святую крещенскую воду. Церковное освящение воды, по народным представлениям, имело целью изгнание из нее бесов, очищение от скверны. Освященная в Крещение вода считалась целебной, здоровой, способной защитить от болезней и нечистой силы. Для очищения колодца от всякой нечисти в ночь на Крещение в него опускался крестик, сложенный из щепочек.

Колодцы, как предполагают исследователи, появились в русских городах в сер. XV в. До этого люди пользовались, вероятно, водой из рек, ручьев и ключей.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991; Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003.

КОЛОКОЛА, необходимая принадлежность русского православного храма. В чине благословения колоколов сказано: «яко да вси слышащие звенение его, или во дни или ноши, возбудятся к славословию имени Святаго Твоего». Колокольный церковный звон употребляется для того, чтобы:

- 1) созывать верующих к богослужению,
- 2) выражать торжество Церкви и ее богослужений,
- 3) возвещать неприсутствующим в храме о времени совершения особенно важных частей богослужений.

Кроме того, звоном созывался народ на вече (народное собрание). Звоном указывали дорогу заблудившимся в ненастье путникам. Звон оповещал об опасности, несчастье, пожаре. В трагические для Родины дни звоном призывали народ на защиту Отечества. Звоном оповещался народ о победе и приветствовалось победное возвращение полков с поля брани. Так, колокольный звон во многом сопутствовал жизни нашего народа.

Колокола развешиваются на особой башне, именуемой колокольной, или звонницей, которая строится над входом в храм или же рядом с храмом.

В России колокола появились почти одновременно с принятием христианства, т. е. в к. X в. Наряду с колоколами употреблялись также била и клепала, которые существовали до последнего времени в некоторых монастырях.

С XV в. в России появились собственные заводы по отливке колоколов, на которых стали отливать колокола больших размеров. Так, для колокольной Ивана Великого в Кремле были отлиты колокол «Вседневный» весом 1017 пуд. 14 фунт.; колокол «Реут» весом ок. 2000 пуд.; колокол «Успенский», или «Праздничный», весом около 4000 пуд.

Самым большим, но не действующим колоколом в мире в настоящее время является «Царь Колокол», стоящий теперь на каменном постаменте у подножия колокольной Ивана Великого. Самым большим действующим — колокол «Успенский». Ударом в него давалось начало торжественному звону всех московских храмов в Великую, Светлую, Пасхальную ночь.

Отличительной чертой русских колоколов является их звучность и певучесть, что достигается различными средствами, как то:

- 1) точной пропорцией меди и олова, нередко с добавлением серебра, т. е. правильным сплавом,
- 2) высотой колокола и его шириной, т. е. правильной пропорцией самого колокола,
- 3) толщиной стен колокола,
- 4) правильным подвешиванием колокола,
- 5) правильным сплавом языка и способом прикрепления его к колоколу и др.

Языком называется ударная часть колокола, помещающаяся внутри него. Русский колокол от западноевропейского колокола в первую очередь и отличается тем, что сам колокол укрепляется неподвижно, а язык подвешивается внутри колокола свободно качающимся, ударом которого и производится звук.

Характерно, что русский народ, назвав ударную часть колокола языком, уподобил этим звон колокола живому голосу. Для верующих русских людей колокола соделались языком, голосом и трубами. Поистине, каким другим именем, как не говорящими устами, можно назвать колокольный звон: в дни великих праздников он напоминает нам о блаженстве небесном, в дни святых Божиих он говорит нам о вечном покое святых небожителей, в дни *Страстной седмицы* напоминает нам о нашем примирении с Богом через Христа Спасителя,

во дни *Светлой Пасхальной седмицы* возвещает нам о победе жизни над смертью и о вечной, нескончаемой радости будущей жизни в Царствии Христовом.

Разве это не говорящие уста, когда колокол дает нам знать о каждом часе, о течении его, напоминая вместе с тем и о вечности, когда «времени уже не будет» (Апок. 10; 6).

Благовествуя славу имени Христова, раздаваясь днем и ночью, и большею частью с высоты при храмах Божиих, колокольный звон сам собою напоминает нам слова Господа Вседержителя, сказанные через ветхозаветного пророка Исаию: «На стенах твоих, Иерусалим, Я поставил сторожей, которые не будут умолкать ни днем, ни ночью, напоминая о Господе» (Ис. 62; 6). Не случайно язычники часто, слыша колокольный звон, говорили: «Это голос христианского Бога слышен!»

Звуки одного церковного колокола представляют собой нечто возвышенное, торжественное, а если раздается звон нескольких, более или менее согласованных между собою колоколов, то происходит еще более величественное благозвучие. Мощный колокольный звон, действуя на наше внутреннее чувство, пробуждает наши души от усыпления духовного.

Какими скорбными, удручающими, а чаще всего раздражающими тонами отзывается колокольный звон в душе злого нечестивого отступника. Чувство беспокойства, душевного томления вызывается колокольным звоном в душе, постоянно грешной. Между тем как в душе верующей, ищущей мира с Господом Богом, церковный колокольный звон возбуждает светлое, радостное и мирное настроение. Так что человек может по колокольному звону определять состояние своей души.

Полюбив церковный колокольный звон, русский православный народ соединил с ним все свои торжественные и печальные события. Потому православный колокольный звон служит не только указанием времени богослужения, но служит и выражением радости, грусти и торжества. Отсюда и появились различные виды звона, и каждый вид звона имеет свое название и значение.

Колокольный церковный звон разделяется на два основных вида: благовест и собственно звон.

Благовестом называются мерные удары в один большой колокол. Этим звоном верующие созываются в храм Божий к богослужению. Благовестом этот звон называется потому, что им возвещается благая, добрая весть о начале богослужения.

Совершается благовест так: сначала производится три редких, медленных, протяжных удара (пока не прекратится звук колокола), а затем уже следуют мерные удары. Если колокол очень большого или огромного размера, то эти мерные удары производятся качающимся языком в оба края колокола. Если же колокол сравнительно небольшой, то в таком случае язык его притягивается веревкой довольно близко к его краю, на веревку кладется доска и нажимом ноги производится удары.

Благовест, в свою очередь, делится на два вида:

- 1) обыкновенный, или частый, производится самым большим колоколом;
- 2) постный, или редкий, производится меньшим по величине колоколом в седмичные дни *Великого поста*.

Если при храме имеются несколько больших колоколов, а это бывает при кафедральных соборах, больших монастырях, лаврах, тогда большие колокола, в соответствии своему назначению, различаются на следующие колокола: 1) праздничный; 2) воскресный; 3) полиелейный; 4) простодневный, или будничный; 5) пятый, или малый, колокол.

Обычно в приходских храмах больших колоколов бывает не больше двух или трех.

Собственно звон бывает в несколько колоколов или во все колокола.

Звон во все колокола бывает четырех видов:

1) Трезвон — это звон во все колокола, затем маленький перерыв, и второй звон во все колокола, снова маленький перерыв, и третий звон во все колокола, т. е. звон во все колокола трижды, или звон в три приема.

Трезвон выражает собой христианскую радость, торжество.

В наше время трезвонем стали называть не только звон во все колокола трижды, но вообще звон во все колокола.

2) Двувзон — это звон во все колокола дважды, в два приема.

3) Перезвон — это звон поочередно в каждый колокол (по одному или несколько ударов в каждый колокол), начиная с большого и до самого малого, и так много раз.

4) Перебор — это медленный звон поочередно в каждый колокол по одному разу, начиная с самого малого и до большого, а после удара в большой колокол — звон во все колокола вместе сразу, и так многократно.

Прот. С. Слободской

В русских народных преданиях *нечистая сила* начинала заниматься своей зловерной деятельностью только после того, как отзвонит колокол. Специально это относится к периоду от *Страстного четверга* до *Страстной субботы*, когда колокола, в соответствии с церковным канонем, не звонят вообще. Молчание колоколов — это время их «говения» и «скорби» по поводу кончины и мучений Иисуса Христа. Чтобы нечистая сила не имела возможности торжествовать победу и творить зло, в этот период принято было заменять колокольный звон др. звуками — парни ходили по ночам по селу с колокольчиками и трещотками, старухи били ветками по церковному полу.

Колокольный звон, как нечто освященное свыше и в известном смысле являющее собой присутствие этой силы (ср. колокол — «глас Божий»), связывается в народных представлениях с *истиной*. В малороссийских *заговорах-клятвах*, произносимых накануне суда, колокольный звон сопоставляется с правдой: «як заговору, як в дзвин зазвоню... так щоб була правда моя». По малороссийским поверьям, колокольный звон вынуждает раскаиваться клятвopеступника. По русским поверьям колокольный звон останавливает вора, убегающего с места преступления, вынуждая его вернуться назад; вожжи, привязанные к церковному колоколу, заставляют конокрада оставить свою добычу или удавиться. На Подолье в случае какой-нибудь кражи принято было мазать язык церковного колокола чесноком и звонить в него, после чего вор терял всякую надежду остаться незамеченным. Самоубийцам и людям, умершим скоропос-

тижно, без отпущения грехов и покаяния, колокольный звон заменял церковный обряд (ср. обыкновение хоронить таких покойников под колокольный звон и собирать пожертвования на литье колоколов во спасение их душ).

Все содеянное в то время, когда звучал колокол, освящалось присутствием высшей силы, ее соучастием в деятельности человека. Именно поэтому, вероятно, праздничный колокольный звон (особенно на *Рождество* и на *Пасху*) воспринимался как сакральное время, благоприятное для начала («заделывания») многих хозяйственных работ и совершения разнообразных магических действий.

В Ярославской губ. во время звона колоколов на Пасху желающие избавиться от бородавок должны были потереть их костью мертвеца; во многих народных традициях под пасхальный колокольный звон люди умывались у источников, чтобы быть здоровыми, а девушки — чтобы быть красивыми и избавиться от веснушек; под колокольный звон на Рождество девушки гадали о замужестве и т. п.

В народных традициях колокольный звон наделялся способностью воздействовать на вегетацию культурных растений. В Малороссии на Пасху парни попеременно забирались на колокольню и звонили в колокола; считалось, что у того, кто сделает это раньше и громче других, лучше уродится гречиха. А в Центральной России женщины звонили в колокола на Пасху, надеясь на то, что у них вырастет высокий лен.

Наряду с др. формами обрядового шума, колокольный звон использовался для разгона градовых туч, при приближении которых принято было звонить в колокола; иногда для этого даже устанавливали специальные колокола.

В народе считали, что колокольного звона боится нечистая сила, насылающая тучи или управляющая ими. Звонили в колокола и при солнечном и лунном затмении, чтобы демонические существа, похищающие или пожирающие солнце и луну, оставили их. В случае тяжелой агонии умирающему мог помочь колокольный звон «по сход души», который отгонял от него нечистых духов. Колокольному звону приписывается колоссальная сила воздействия и на др. природные стихии. В русских заговорах, произносимых при отыскании клада, колокольный звон (как и «глас Божий») колеблет землю, обнажает хранящиеся в ней сокровища и поражает стерегущую их нечистую силу.

В приметах и снотолкованиях колокольный звон нередко предвещал получение известия. Чтобы хорошо петь, девушка пила воду, которой предварительно омыли церковный колокол (ср. в гуцульском заговоре, произносимом при этом: «йик ти голосний, аби І я така голосна була»). Желающие исцелиться от глухоты, становятся на Пасху под большой колокол. На *свадьбе* во время *венчания* звонили в колокола, чтобы молодожены и их дети не страдали глухотой, и т. п.

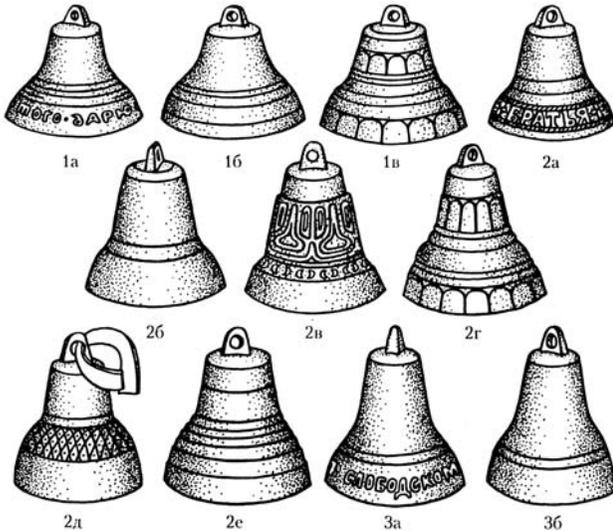
Колокольный звон соотносился со смертью (ср. обыкновение креститься при звуке церковного колокола, поминая умерших, и специально звонить в колокола на Пасху в память о них). Как угроза смерти воспринималось в народе обещание, данное живому человеку, «заплатить ему на позовное», т. е. дать в церковь де-

ныги за поминальный перезвон по нему. К этой угрозе прибегали в случае различных житейских недоразумений, при неуплате долга, при ссорах и оскорблениях и т. п. Провожая из дома или из села нелюбимого всеми человека или нежеланного гостя, устраивали ему «позвонное», т. е. имитировали колокольный звон, стуча по горшкам и металлической посуде. Так поступали для того, чтобы он никогда назад не вернулся.

Колокольный звон обычно предвещал смерть. Если во время движения *свадебного поезда* раздавался колокольный звон, то крестьяне считали, что это грозит смертью молодоженам или одному из них; увиденный во сне колокол предсказывал смерть одному из домочадцев; колокольный звон, услышанный девушкой в *Сочельник* во время гаданий, предвещал ей смерть в течение года и т. п. Если человек услышит ночью, как звонит на колокольне упырь или «ходячий» покойник, он непременно умрет к утру.

Т. Агапкина

КОЛОКОЛЬЧИК ПОДДУЖНЫЙ, колокольчик, подвешенный к дуге конской *запряжки*. Колокольчики подвешивали к дугам почтовых *троек*, а в крестьянском обиходе использовали во время *свадеб* и праздничных *гуляний*.

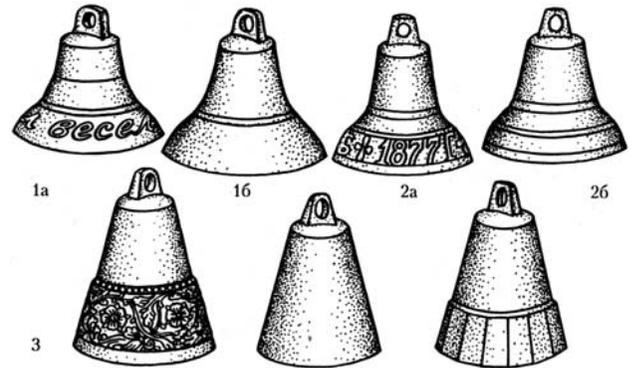

Колокольчики поддужные:

- 1 — традиционной формы (тип «Дар Валдая»):
 1 а — с надписью или орнаментом; 1 б — гладкий;
 1 в — гранёный; 2 — сибирские (высокая юбочка, сужающаяся книзу): 2 а — с надписью и орнаментом;
 2 б — гладкий; 2 в — резной; 2 г — гранёный;
 2 д — с решеткой (по юбочке); 2 е — с валиками (по всему тулову); 3 — шадринского фасона (напоминают сибирские, юбочка книзу сужается, тулово почти конусообразное): 3 а — с надписью или орнаментом; 3 б — гладкий (комм. И. Шангиной).

Форма колокольчиков повторяла в своих основных чертах форму церковных колоколов. Все они имели круглое в сечении, расширяющееся книзу тулово с язычком внутри и ушком на вершине. Ушко служило для подвешивания колокольчика с помощью ремешка на дугу, а язычок в виде серьги или кольца на ремешке, ударяясь о стенки колокольчика, заставлял его звучать.

КОЛОКОЛЬЧИК ПОДШЕЙНЫЙ, колокольчик, надевавшийся на шею домашних животных при их свободном выпасе.

Колокольчики подшейные: 1 — традиционной формы:

- а — с надписью или орнаментом; б — гладкий;
 2 — сибирские: а — с надписью или орнаментом;
 б — гладкий; 3 — конической формы (без юбочки или с неакцентированной юбочкой) (комм. И. Шангиной).

Колокольчики подшейные, как и *колокольчики поддужные*, отливались из медных сплавов, но отличались формой — обычно они были конусообразные, гладкие или полуграненые. Размеры колокольчиков были самыми разными: более крупные предназначались для лошадей и коров, более мелкие — для овец. Их подвешивали на шею животным на ремешках или веревках, пропускавших через специальное ушко. При движении животного металлический язычок ударялся о внутренние стенки колокольчика, вызывая звон.

Колокольчики отливали таким образом, чтобы каждый из них имел собственное звучание. Хозяйка благодаря этому всегда могла определить местонахождение на пастбище своих животных.

КОЛОМЯНКА, шерстяная ткань домашнего производства. Во 2-й пол. XIX в. с таким же названием производилась льняная ткань с добавлением *пеньки*, преимущественно светлых тонов.

КОЛОСОВОЖДЕНИЕ — см.: **ВОЗНЕСЕНЬЕВ ДЕНЬ**.

КОЛОТУШКА, две соединенные сухие, толстые, короткие доски, на одной из которых была ручка. Сторож, обходя свой участок, равномерно взмахивал колотушкой, держась за ручку, т. ч. одна доска ударялась о другую, извещая злоумышленников, что охрана бодрствует.

КОЛПАК, высокая конусообразная шапка с заломленным концом. Известен с древнейших времен как женский и мужской головной убор.

Изображение людей в колпаках сохранили фрески на лестнице Софийского собора в Киеве, а также их можно увидеть на одном из браслетов XII в.

В XIII—XVII вв. колпак был самым распространенным мужским головным убором на Руси. Его носили представители всех социальных групп русского общества в будни и праздники, дома и на улице. Колпаки в то время шили из льняных, хлопчатобумажных, шерс-

тяных, шелковых тканей, а также вязали крючком или иглой. Внизу колпаки имели узкие отвороты с короткими продольными разрезами, которые украшались пуговицами, пряжками, запонками, брошками. Напр., в завещании боярина, составленном в 1503, говорится так: «...колпак, полки сажены жемчугом, да три у него пуговицы яхонты с жемчугом». О колпаке царя Бориса Годунова, правившего в н. XVII в., — «...на прорехе пять пуговиц, яхонты лазоревы, на спнях на золотых, на закрепках по зерну бурминскому». С к. XVIII в. колпак носили преимущественно в крестьянской среде.

КОЛЫБЕЛЬ, кровать для младенца. Русские семьи пользовались подвесными колыбелями, качающимися преимущественно вверх-вниз (рус. *зѣбка*, *лялька*, *качка*, *колыбель*; малорос. *колиска*; белорус. *калыска*).

Наиболее распространенным типом детской колыбели была почти квадратная деревянная рама длиной меньше метра (рус. *станок*).

На раму нашивался кусок холста, который был не очень туго натянут и образовывал довольно глубокую полость вроде мешка; в это углубление и клали ребенка. Иногда к

четырем углам рамы привязывали веревки, чаще всего сплетенные из прутьев; иногда же к обеим сторонам прикрепляли изогнутую дугой тонкую палку или 2 таких палки, от середины которых тянулись кверху веревки.

И в том и в др. случае тяжи привязывались к концу березового шеста длиной примерно 4 м (бчеп, качульно, бчеп, зыбѣльна). Др. конец шеста

упирался в стену или врезался в нее; середина шеста прикреплялась к потолочной балке или же к железному кольцу в потолке или к матице, иногда середина шеста лежала на грядке — высокой полке, которая тянулась через

всю комнату перпендикулярно шесту. Привязанную к свободному концу такого гибкого шеста колыбель раскачивали в вертикальном направлении, и она могла еще долго сама покачиваться снизу вверх. К колыбели снизу привязывали веревочную петлю (лямка, подцепка; малорос. *очепок*), с помощью которой можно было качать колыбель ногой, если руки были заняты работой. Малороссы не знали такой колыбели, висящей на шесте. Малороссийские колески висели на одном или двух кольцах и не могли качаться в вертикальном направлении; они двигались только из стороны в сторону или же вращались.

Изображенная на рис. южнорусская колыбель *качка* (Воронежская губ.) отличалась от описанного типа

Колыбель со знаком «ночного (подземного) солнца» (по Б. А. Рыбакову).

Южнорусская колыбель. Воронежская губ.

лишь тем, что рама из четырехгранных брусков была заменена своего рода ящиком из 4-х досок шириной в 18 см. Доски на концах были врезаны шипами. Снизу прибавляли кусок холста. Длина этой колыбели 90 см, ширина — 55 см. Основное ее преимущество перед типом колыбели, описанном выше, заключалось в том, что ребенок не мог из нее выпасть.

Широко были распространены также колыбели, имеющие форму ящика или овальной корзины. Их делали из липовой коры, из гнутых тонких, но широких распаренных осиновых досок, сплетенных из сосновой щепы или ивовых прутьев. Дно делали из коры, досок, холста или войлока, сплетали из тонких веревок. Наконец, бывали ящики, имеющие форму усеченной пирамиды, с прорезями на длинных сторонах. Существовала еще переносная белорусская колыбель из липовой коры, которую подвешивали на поле на подставке из 3-х кольев. Для защиты от насекомых колыбель накрывали куском ткани (белорус. *апінка*; рус. *положук*).

Иногда отделяли небольшой дощечкой часть колыбели и закрывали ее крышкой; там держали соску, рожок и лакомства для ребенка. На дно колыбели обычно клали солому, поверх нее — мягкие тряпки, овчину или подушку, а под голову — маленькую подушку, набитую шерстью или пером. Над колыбелью вешали крест или иконку.

Если хозяин, который мастерил колыбель для своего первенца, хотел иметь еще детей, он срубал деревце для учепы в лесной чаще. Чтобы ребенок спал спокойно, в колыбель клали гребень или веретено. Рекомендовалось не качать пустую колыбель, иначе, считалось, ребенок будет страдать *бессонницей* или др. *болезнями*, от которых он даже может умереть. В севернорусских губерниях очень внимательно следили за тем, чтобы колыбель не оставалась непокрытой: считалось, что тогда в нее может забраться дух, который пугает ребенка.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

КОЛЫМАГА, тяжелая *карта* на стоячих деревянных рессорах, с деревянным, обшитым кожей кузовом, с дверцами, запрягавшаяся 6—8 лошадьми.

КОЛЯДА (Коледа), в древнерусской языческой мифологии воплощение смены годового цикла, зимнего солнцеворота, перехода солнца от зимы к лету, неизбежности победы добрых божеств над духами зла.

Празднование Коляды происходило с 25 дек./7 янв. (*Рождество Христово*) по 6/19 янв. (*Крещение Господне*). В это время наблюдались самые сильные морозы, по древним поверьям совпадающие с разгулом нечистых духов и злых *ведьм*. Празднование Коляды своим весельем и оптимизмом выражало веру древнерусских язычников в неизбежность победы добрых начал над силами зла. Чтобы помочь Коляде победить и отогнать злых духов, праздновавшие его день жгли костры, пели и плясали вокруг них.

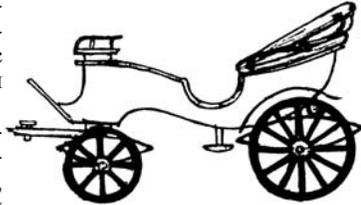
После принятия христианства оптимизм и жизнеутверждение празднований Коляды получили новое содержание в праздновании Рождества Христова, а ритуальные языческие обычаи превратились в веселую игру на *Святки*. В эти дни, так же как и в древности, жгли костры, а юноши и девушки «наряжались в хари (маски)» коней, коз, коров, медведей и других животных

и, ряженые, ходили по дворам, пели *колядки* — песни, прославляющие Коляду, приносящего всем благо. Славили хозяев, желали благополучия *дому и семье*, а за это требовали подарки, шуточно предвещая разорение скупым. Иногда сами подарки: печенье, *каравай* — назывались Колядой. Символизировали Коляду сноп или соломенная кукла, которые с песнями иногда приносили в *избу* на Рождество.

О. П.

КОЛЯДКИ — см.: **СВЯТКИ, РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.**

КОЛЯСКА, запряженный *тройкой* пассажирский экипаж с откидным кожаным верхом.

КОМОЕДИЦЫ, языческий праздник пробуждения *медведя*, связанный с культом *Велеса*, часто представленного в виде медведя.

С принятием христианства Комоедицы в игровом варианте праздновались в день св. прп. *Василия Исповедника, епископа Парижского*, 12/25 апр.

В этот день с глубокой древности соблюдался обряд, называемый Комоедицы, суть которого состояла в том, чтобы задобрить медведя.

К этому времени в домах пекли обрядовый хлеб — *комы*. Замешивали тесто для ком из трех видов муки — овсяной, ячменной и гороховой. Выпеченные хозяйкой комы мужики брали с собой в лес и угощали ими медведя, оставляли ему угощение на пне. Первыми угощали медведя охотники, медведь потом в охоте человеку помогал, мед ему из дупел доставать позволял, от всякой беды-напасти охранял и скотинку хозяйскую не трогал.

В деревне в этот день устраивали веселые пляски, наряжаясь в медвежьи шкуры. Чтобы и настоящему медведю в лесу весело было, разыгрывали всякие сцены: по деревне бегали, распевали озорные песни-заклинания, медведя-батушку добром привечали, а то и незлобливо над ним подшучивали. В этом обряде участвовали и дети. По народному поверью, медведь в лесу рад, что ему оказывают такое внимание люди.

КОНДРАТЪВ ДЕНЬ (**Игнат и Кондрат, Дворы, Замолотки**), народное название дня апостола из 70-ти Кондрата, 21 сент./4 окт. С этого дня начинались замолотки — *молотьба хлебов*. Первый овин называли *именинным*. Для *молотильщиков* варили *кашу*, вечером угощались *пирогам* и бражкой.

Дворы — праздник девушек на выданье. Готовящиеся выходить замуж девушки в этот день наряжались, приводили свой двор в порядок, а *свахи* ходили по деревне и на дворы заглядывали, высматривали, у кого и как обихожено. Где ждали сватов, там во дворе наводили порядок. Девушки выносили повязанные лентами овсяные, зажиночные снопы, ходили с ними по двору, а потом заносили обратно в дом. Соседи и хорошие знакомые приходили «двор дворить» — пожелать хозяевам *доброто* хозяйства, *удачи* во всех делах житейских, а невесте — жениха *добротпорядочного* и *трудолюбивого*.

По обычаю в этот день выгребали *золу* из *печи*. По поверью, она обладает *солнечной силой*, поэтому ее высыпали на *огороды* и ожидали *хорошего урожая*.

Золу рассыпали и на *грядки*, и под *ягодные кусты*, и на *картофельное поле*, и на *пашню*. Девушки помогали родителям, а *свахи* все это примечали — *сноровиста ли* в хозяйстве *девушка*, *приучена ли* к домашнему труду.

Если в каком доме была уже *намечена свадьба*, то совершался обряд *обмывания дочери*. *Обмывала* ее мать, поставив на *солому* в *бабьем куту*, *вытирала* ее *свадебным полотенцем* с пожеланием *счастливой семейной жизни*. Отец выносил *мокрую солому* во двор *скотине* и примечал: *коли съест коровушка солому*, то *счастлива будет дочь замужем* и *родит крепких внуков*.

КОНЕК — см.: **ОХЛУПЕНЬ.**

КОНИК, в крестьянской избе *лавка* с *ларем* и *подъемной крышкой*. На ней обычно спал *хозяин*, а в *ларе* хранилось его *имущество*.

КОНОН МАНДОНСКИЙ, св. мученик, градарь (огородник) (ск. в III в.), празднуется 5/18 марта.

Мученик Конон Градарь.

Икона XVIII в. Палех.

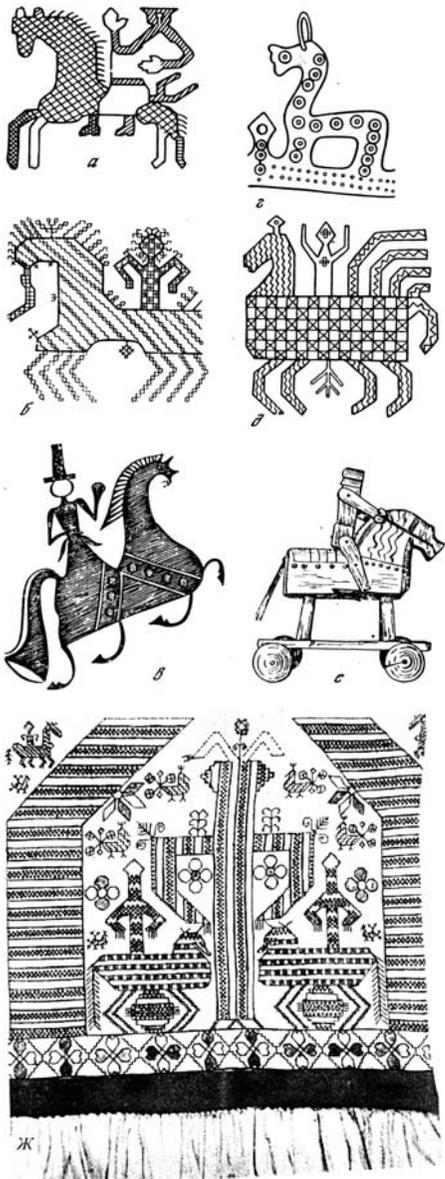
КОНСКИЙ ПРАЗДНИК — см.: **ФЛОР И ЛАВР.**

КОНСТАНТИНОВЫ КРУГИ, народное название дня праздника Обретения Частного Креста Господня святой царицей Еленой (326). Отмечался 6/19 марта.

По старинному обычаю в этот день полагалось обойти *кругами колодцы*, *утоптать снег*, чтобы *грязная весенняя вода* не стекала в *колодец*, чтобы в нем оставалась *чистая и свежая вода*. Первым *круги* вокруг *колодца* совершал *родившийся* в этот день: *протоптал снежок кругом*, а потом *набирай воду*. Считалось, что от этого *здоровья прибавлялось*, особенно если сам на *коромысле* принесешь *воду* домой. *Дорожку* от *колодца* *протапывали* так, чтобы *таялая вода* стекала *вниз*, *подалее* от *колодца*.

В этот день *дети* выходили на *улицу* и *кликали ласочек*, чтобы они *скорее возвратились* на *родину*, *принесли* с собой *весеннее тепло*.

КОНЬ, в древнерусской языческой мифологии одно из наиболее почитаемых священных животных, атрибут

Изображение коней и всадников. Конец XIX в.:
а — деталь вышивки.

Архангельская губ.; б — деталь
подзора. Архангельская губ.;
в — деталь донца прялки.

Нижегородская губ. Городец;

г — деталь гребня; д — вышивка;

е — игрушка. Горьковская обл.;

ж — изображение храма и всадников.

высших языческих богов, особые существа, связанные одновременно с производительной силой земли (воды) и умерщвляющей потенцией преисподней. В Древней Руси считали, что конь наделен способностью предвещать судьбу, и прежде всего смерть, своему хозяину. В языческие времена коня хоронили вместе с хозяином.

По языческим поверьям, конь считался одновременно детищем *Белбога* (стихий света и добра) и *Чернобога* (стихий мрака и зла). Доброму богу посвящался белый конь, а злому — черный. Соответственным образом в древнерусских сказаниях злая сила представлялась выезжающей на черном коне, добрая — на белом.

В русской мифологии и образ всадника на белом коне, поражающего змея, стал одним из главных героических сюжетов. У русских

существовал особый заговор против змея: «На море на Киане, на острове Буяне, на бел-горючем камне Алатыре, на храбром коне сидит Егорий Победоносец, Михаил Архангел, Илия Пророк, Николай Чудотворец, побеждают змея лютого, огненного, который летал в неверное царство пожирать людей; убили змея лютого, огненного, избавили девицу царскую и всех людей».

Почитание коня в России было таково, что даже в христианские времена ему были установлены особые святые покровители и конские праздники. Покровителями лошадей считались св. *Николай Чудотворец*, св. *Флор и Лавр*, св. *Георгий Победоносец* и св. *Илья Пророк*. Особые «конские праздники» отмечали в день памяти свв. *Флора и Лавра* и на вешний *Юрьев день*. На лошадях в этот день запрещалось работать, их кормили досыта, подводили к церкви, кропили святой водой, украшали лентами хвосты и гривы, устраивали скачки (но без седел) и конские выставки. На Юрьев день в Рязанской губ. делали «ряженого коня», на котором ездил пастух; на выгоне этот «конь» вступал в потешный бой с «конем» из другой деревни. В Самарской губ. священник, стоя возле костра, зажженного от «живого огня», кропил св. водой прогоняемые через «земляные ворота» конские табуны.

О. П.

КОНЮХОВ ДЕНЬ (Иоанн, Грязники), народное название дня прп. Иоанна Рыльского, 19 окт./1 нояб.

В этот день из-за плохой, грязной и скользкой погоды конюхи лошадей не запрягали, по обычаю, проводя время в отдыхе. По народному поверью, пользуясь этим, *дворовой* заплетал лошадям хвосты, расчесывал им гривы и норвил на них покататься: кобылицы взбрыкивают, жеребцы с ржанием на дыбы встают. Женщинам в этот день к лошадям ходить нельзя: по поверью, если женщина через *хомут* или *оглобли* перешагнет — лошадям тяжело будет воз тянуть. Женщины в этот день доставали из сундуков *сороки* — головные уборы, примеривали их и подновляли. Считалось, что сорока в этот день весть на хвосте приносит.

КОПОРСКИЙ ЧАЙ, сушеные листья иван-чая, кипрея. Использовались как заменитель чая, иногда подмешивались к нему. Несмотря на запрет на его продажу, был широко распространен.

КОРЕННИК, коренной, в русской троечной (ямской) конной *упряжке* наиболее сильная и хорошо выученная лошадь, идущая в середине упряжки, в *оглоблях*; по бокам коренника идут в постромках молодые и резвые пристяжные.

КОРЕЦ, небольшой *ковш*, выдолбленный из корневища дерева. Иногда корцом называли емкость, свернутую из березовой коры, чтобы напиток воды из ручья, родника.

КОРЖ (*коржик*), пресная, засушенная лепешка, испеченная на сале (*В. Даль*).

КОРЗИНА, хозяйственная емкость с ручкой, сплетенная из лозы — ивы, черемухи, вяза и др. Плетением корзин занимались специальные мастера-корзинщики.

С корзиной у русского народа связано множество поверий. Так, напр., дурным знаком считалось прийти из леса с пустой корзиной или встретить в лесу незнакомого человека, особенно старшуку, с пустой корзиной в руках — верили, что это сулит потерю кого-то из близких. Напротив, доверху наполненная корзина предвещала здоровье и достаток в *семье*.

КОРЗНО, старинное название верхней одежды, *зипуна* (*В. Даль*).

существовал особый заговор против змея: «На море на Киане, на острове Буяне, на бел-горючем камне Алатыре, на храбром коне сидит Егорий Победоносец, Михаил Архангел, Илия Пророк, Николай Чудотвор-

КОРИНФСКИЙ Аполлон Аполлонович (29.08 [10.09]. 1868—12.01.1937), поэт, прозаик, один из крупнейших знатоков народного быта. Родился в Симбирске в семье дворянина, мирового судьи и мирового посредника.

Детство Коринфского прошло в родовом имении, в сельце Ртишево-Каменский Отколок Симбирского у. Матери лишился в день своего рождения, отца — в 5-летнем возрасте. Но именно благодаря отцу, страстному любителю поэзии и музыки, Коринфский, еще не умея читать, знал наизусть стихи А. А. Фета, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского, «явившихся т. о. первыми учителями его в области изящного». Самостоятельно овладев грамотой, Коринфский рано пристрастился к чтению и «в то же время с жадностью прислушивался» «к народному слову, доходившему до него в виде сказок, пословиц, загадок и преданий словоохотливой деревни». Оставшись сиротой, Коринфский воспитывался родственниками и гувернерами. В 1879 поступил в Симбирскую классическую гимназию. С первых классов начал писать стихи, в 5-м издавал рукописный журнал «Плод досуга». В 1886 пытался стать театральным антрепренером, разорился, продал имение. Решив проявить себя на литературном поприще, опубликовал первое стихотворение в одном из мелких петербургских журналов и почти одновременно рассказ «Живой покойник».

В дек. 1889 переехал в Москву, где сотрудничал с журналом «Россия», печатался в «Русском богатстве», «Гусяре», «Русском сатирическом листке». Весной 1891 переехал в Петербург, служил в журнале «Наше время», «Всемирная иллюстрация». С мая — июня 1894 заведовал редакцией журнала «Север», в 1897—99 редактировал его самостоятельно, выступая в нем также с обзорами «Литература и журналистика» (под псевд. Присяжный читатель), направленными против «тенденции» в литературе и критике «чистого искусства»; писал о творчестве В. Я. Брюсова, Ф. Сологуба, М. А. Лохвицкой, К. М. Фофанова, П. В. Засодимского, Н. Н. Златовратского. Одновременно (с 1895 по 1904) состоял помощником редактора «Правительственного вестника» К. Случевского по историческому отделу, где ему принадлежали все историко-этнографические очерки, составившие впоследствии книгу «Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа» (М., 1901). С осени 1904 по март 1908 — редактор газеты «Голос правды».

С 1894 начали выходить его книги стихов «Песни сердца (1889—93)» (1894, 1897), «Черные розы. 1893—95» (1896), «Гимн красоте и др. новые стихи. 1896—98» (1899), «В лучах мечты. 1898—1905» (1906, 1912). Стихи Коринфского — лирика, публицистика, «народные сказания» — имели читательский успех.

Коринфский писал для детей стихи и прозу о природе, нравоучительные зарисовки, произведения на исторические темы: «На ранней зорьке» (1896, 1903), «В детском мире» (1909), «В родном краю» (1911) и др., а также много переводил из английских, немецких, французских, польских, армянских и др. поэтов: «Старый моряк» С. Т. Колриджа (1893; 2-е изд., 1897), «Полное собрание песен Беранже в переводе русских поэтов» (Т. 1—4. СПб., 1904—05), «Песни Баумбаха» (1906, 1912). Был одним из первых переводчиков на русский язык Я. Купалы, с которым встречался и переписывался.

Выросший в приволжской деревне, Коринфский навсегда сохранил интерес к народному слову, собирал и записывал тексты календарно-обрядовой и духовной поэзии Смоленской, Симбирской, Казанской, Олонечкой, Нижегородской и др. губерний, изучал и издавал их: «Народная Русь...», «Трудовой год русского крестьянина» (вып. 1—10, 1904), «В мире сказаний. Очерки народных взглядов и поверий» (1905) и др.; интересовался творчеством писателей из народа, писал о них статьи (в т. ч. о Д. Н. Садовникове, А. Е. Разоренове), много лет дружил с С. Д. Дрожжиным. Наибольшее значение поэт придавал своим т. н. бывальщинам — стихотворным переложениям сюжетов из исторического прошлого России: «Волга. Сказания, картины и думы» (1903), «Бывальщины. Сказания, картины и думы» (1896, 1899, 1900), «В тысячелетней борьбе за Родину. Бывальщины X—XX вв. (940—1917)» (1917) и др.

Соч.: Стихотворения // Поэты 1880—90 годов. Л., 1972. [Николаева Л. А. Биографическая справка] (Б-ка поэта. Б. серия).

Л. Иванова

КОРМИЛИЦА, женщина, выкармливавшая грудью чужого ребенка. Считалось, что кормление портит бюст, и матери из дворянских, особенно аристократических, семейств брали для своих детей кормилиц: крестьянок, в т. ч. крепостных, либо мешанок, у которых недавно родился ребенок. Обычно связь между кормилицей и ее выкормленником, молочными братьями и сестрами, а также обоими семействами сохранялась надолго, приобретая почти родственный характер. Кормилиц принято было одевать в русский *сарафан* и *кокошник*.

КОРНИЛОВ ДЕНЬ (*Корней, Корнилий*), народное название дня св. мч. Корнилия, сотника, 13/26 окт.

В этот день крестьяне убрали репу с грядок, очищая ее корни, заготавливали корниль. Обращались с молитвой к св. Корнилию, помощь просили — с корнеплодами управиться, на зиму заготовить, да чтобы хватило их безголодно зиму перезимовать. В этот день закатывали уборку всех корнеплодов, т. к. было замечено, что с этого времени они прекращают свой рост, а с наступлением утренников начинают замерзать.

КОРОБ (*коробье*), разновидность сундука, крупная емкость для хранения и перевозки вещей. Изготавливался из прочного *луба* в виде круглой или прямоугольной коробки с крышкой, покрывался олифой и расписывался. Коробья из луба известны русским с давних времен. При раскопках Великого Новгорода их находят в слоях X—XIII вв. Как и в XIX в., их размеры варьировались от 15 см до 55—60 см в диаметре, а два найденных короба имели днище диаметром 1 м. Коробья, найденные при археологических раскопках, несколько отличались от тех, что изготавливали в XIX в. Чаще всего они были цилиндрической формы, очень редко прямоугольной или овальной. Их изготавливали, как и коробья XIX в., из липового *луба*, *осины*, но вместо днища из еловых досок вставляли днище из луба и *бересты*. Кроме того, найденные коробья с наружной и внутренней стороны были обтянуты несколькими слоями бересты, причём верхний наружный слой был покрыт тисненым, резным, расписным орнаментом.

Коробья с железной оковкой получили широкое распространение в XVI—XVII вв. Местами их изготовления были Великий Новгород, Великий Устюг, Москва. Эти коробья имели красивый желтоватый цвет, хорошо

сочетавшийся с набитыми на луб полосами кованого железа: белого — луженого или черного — вороненого. Железные полосы укладывали вертикально на некотором расстоянии друг от друга. Они могли быть гладкими, сплошными или просечными, т. е. с ажурным растительным или геометрическим узором. Коробья были тогда сравнительно дешевы (от 6 до 30 алтын, т. е. от 18 до 90 коп., в то время как стоимость ларца доходила до 10 руб.) и вполне доступны даже не очень богатым крестьянам. Так, в книге расходов устюжского архиерейского дома за 1682 записано: «У Ивана Емельянова куплена коробка с замком и прутьем. За тою коробку плачено ему Ивану 13 алтын, две денги».

Коробья с росписью также были известны в Великом Новгороде. В XVII — 1-й пол. XVIII в. росписью коробьев занимались ремесленники Холмогор, Великого Устюга, Вологды, Выговской пустыни — старобрядческого центра в Карелии, и ряда др. мест. Роспись наносили на стенки коробьев, на внутреннюю и внешнюю сторону крышки. Во 2-й пол. XVIII—XIX вв. коробья украшали росписью мастера, жившие в селах и деревнях по Северной Двине и ее притокам, на Мезени и Пинеге.

Коробья бытовали в основном в богатых лесом северных губерниях Европейской России. Их использовали в русских деревнях гл. обр. для хранения одежды, *полотенец* и иной, по устаревшему выражению, «мягкой рухляди», но в них могли храниться и украшения, ценная столовая утварь. Они служили также местами хранения девичьего приданого и торжественно перевозились во время *свадьбы* в дом жениха. Большое количество коробьев в доме свидетельствовали о богатстве семьи.

Лит.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003; Костомаров Н. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

КОРОВА, в древнерусской языческой мифологии одно из наиболее почитаемых животных, требующее особой защиты от *нечистой силы*. В древности славяне, по-видимому, не забивали коров на мясо. Да и в более позднее время на этот счет существовали большие ограничения.

В Древней Руси верили, что корова оплакивает *смерть* своей хозяйки. Существовал даже обычай сразу же после *похорон* дарить корову священнику или бедняку.

В древних свадебных обрядах корова отождествлялась с женщиной-невестой. Обязательной частью *приданого* невесты в русской деревне была корова. В народных поверьях у коровы сложные отношения с *домовым* и др. опекунами крестьянского хозяйства — лаской, ужом и *петухом*. Ласку и ужа нельзя убивать, т. к. вместе с ними сразу же погибает корова. Корову следует завести той же масти (окраса), что и у ласки, живущей в хлеву. Существовало верование, что уж сосет молоко у коровы. Убивать такого ужа нельзя: корова будет скучать по нему. Нельзя бить корову палкой, которой убили ужа, корова будет сохнуть.

КОРОВЬЯ СМЕРТЬ (*Черная немочь*), в сознании крестьян Древней Руси злое существо, несущее смерть домашнему скоту. Представлялось чаще всего в виде черной *коровы*, *кошки* или *собаки*, а иногда безобразной и злобной старухи. По старинным поверьям, Коровья Смерть никогда сама по себе в село не приходила, а заносила проезжим человеком.

Коровья Смерть в народных представлениях. Худ. Н. Антипова.

холста. При опахивании иногда пели, призывая Коровью Смерть выйти из села, т. к. в селе ходит св. Власий (покровитель скота).

Когда в Курской и Орловской губ. при опахивании попадалось навстречу какое-нибудь животное (кошка или собака), то его тотчас убивали, как воплощение Смерти, спешащее укрыться в виде оборотня. В Нижегородской губ. для отвращения заразы крестьяне загоняли весь скот на один двор, запирали *ворота* и караулили до утра, а с рассветом разбирали коров; при этом лишняя, неизвестно кому принадлежащая корова принималась за Коровью Смерть, ее взваливали на поленицу и сжигали живьем.

Белорусское коромысло.

Для борьбы с Коровьей Смертью русские крестьяне использовали следующие обряды: *опахивание* селения, умерщвление коровы, кошки, собаки или иного небольшого животного и *петуха* (чаще всего путем закапывания живьем), зажигание «живого», т. е. добытого трением, *огня*, перегон скота через ров или тоннель, вырытый в земле, тканье «обыденного», т. е. вытканного в один день,

КОРОМЫСЛО, приспособление для переноски *ведер* и *корзин*, значительно облегчавшее труд женщин. Использовалось русскими с древности. Множество коромысел было найдено археологами при раскопках слоев XI—XIV вв.

О коромыслах с ведрами составлено много загадок: «Два братца хотят подражаться, да руки коротки», «Двое купаются, а третий дивуется», «Промеж двух морей, по мясным горам, гнутый мостик лежит».

1а

2а

1б

2б

3а

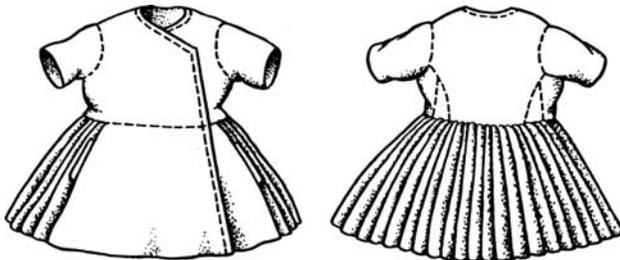

3б

Типы коромысел:

- 1 — палкообразные: а — группа людей с коромыслами; б — два коромысла. Малороссия;
- 2 — овалыные гнутые: а — женщина с коромыслом; б — казачка-водоноска. Оренбургская губ.;
- 3 — с подвесами: а — вырезное с подвесами. Костромская губ.; б — палкообразное с подвесами. Львовская обл., Турковский р-н, с. Ниж. Яблунмса.

КОРОТАЙ, верхняя мужская и женская одежда из сукна домашнего производства, двубортная, распашная

Коротай: вид спереди и сзади. XX в. Орловская обл.

с полами ниже колен, без воротника или со стоячим воротником. У талии подол собирали в густые сборки. Был известен преимущественно на территории Южной России в XIX — н. XX в.

КОРЧАГА, большой глиняный сосуд, вмещавший до 2 ведер, расширяющийся кверху. Использовался для нагревания воды, кипячения белья, варки пива, браги, кваса и т. п.

Корчаги не имели крышки. При варке пива, браги горло закрывали куском холста и замазывали тестом. Тесто в печи превращалось в плотную корку, не пропускавшую в сосуд воздух. У корчаг, предназначенных для варки пива, кваса, бражки, на нижней

части тулова делали отверстие для стока, затыкавшееся пробкой из липы.

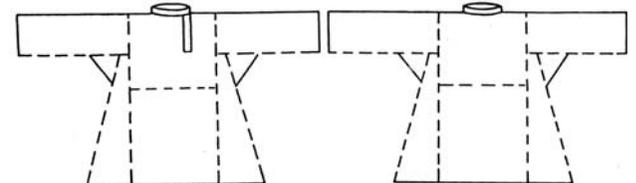
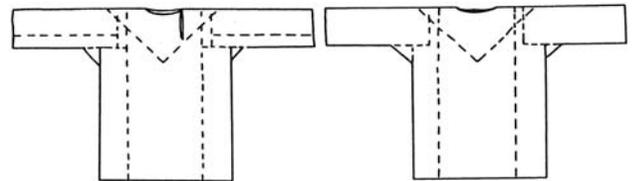
КОРЧИК, ковшик из меди, олова или серебра для питья крепких напитков. В быту русского народа корчик появился одновременно с чаркой, в к. XVI — н. XVII в., т. е. когда получили распространение более крепкие напитки, чем пиво, медовуха.

КОРЫТО, выдолбленная из дерева (липы или осины) емкость для хозяйственных нужд: купания детей, стирки белья, заготовки капусты и др.

Корыта были известны на Руси с древности. Об этом говорят археологические находки Великого Новгорода, Старой Ладogi и иных мест, где в земле хорошо сохраняется дерево. При этом форма корыт X в. полностью повторяет форму корыт, известных в XIX — н. XX вв.

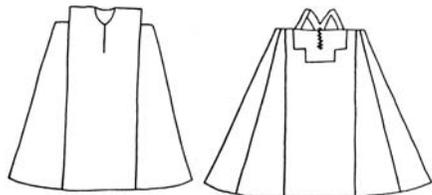
КОСМА и **ДАМИАН** — см.: КУЗЬМИНКИ ЛЕТНИЕ, КУЗЬМИНКИ ОСЕННИЕ.

КОСОВОРОТКА, мужская рубаха прямого покроя, с рукавами и низким воротником-стойкой, носилась на выпуск, подпоясанная кушаком или ремнем.

Косоворотки: вид спереди и сзади. Конец XIX в. Курская и Воронежская губ.

КОСТОЛАН, крестьянская женская одежда, надевавшаяся поверх *рубахи*; употреблялась с поневым комплектом, преимущественно в Калужской губ. Имела вид

Костоланы (глухой и на лямках).
XIX в. Смоленская губ.

прямоугольной туникообразной рубахи чуть ниже колен, с длинными или до локтей рукавами. Носилась с *кушаком* или *внакидку* на голову. Без костолана женщина

не могла выйти на улицу. В Смоленской губ. костоланом называли косоклинный *сарафан* на лямках или глухой, немного ниже колен.

КОСТРОМА, в древнерусской языческой мифологии женское воплощение весны и плодородия — «мать ко-

Похороны Костромы. XIX в. Рис. с лубка.

лосьев». В русских обрядах «проводов весны» («проводов Костромы») — молодая женщина, закутанная в белые простыни, с дубовой веткой в руках, идущая в сопровождении *хоровода*. При ритуальных похоронах Костромы ее воплощает соломенное чучело женщины. Чучело хоронят (сжигают, разрывают на части) с обрядовым оплакиванием и смехом, но Кострома воскресает. Ритуал призван был обеспечить плодородие. Название «Костромы» связывают с русским «костерь», «костра» и другими обозначениями коры растений. В обрядах, посвященных Костроме, засеянное поле уподоблялось материнскому лону, порождающему плоды. Ритуалы празднования Костромы должны были обеспечить вечное плодородие земли.

КОСТРУБОНЬКА (Коструб), в древнерусской языческой мифологии мужское воплощение весны и плодородия. По своему значению имел тот же смысл, что и *Кострома*. Ритуальные похороны Кострубоньки определяли момент перехода к весне. В обрядовых действиях Кострубонька представлялся в виде чучела с подчеркнутыми атрибутами мужского пола.

КОТОМА́ (котомка), дорожная сумка, сшитая из изношенной грубой холщовой ткани, сукна, кожи в виде мешка с одной или двумя лямками. Котому брали с

собой обычно нищие, собираясь на свой промысел. С ней ходили *кальки перехожие* — слепцы, распевавшие *духовные стихи*, богомольцы, отправлявшиеся к святым местам, странники и странницы по церквям и монастырям.

КОТЫ, женские башмаки с суконной красной или белой отделкой, с завязками на икрах.

КОЧАНОВ ДЕНЬ — см.: **НИКОЛАЙ КОЧАНОВ**.

КОЧЕРГА, металлический прут с загнутым концом, используемый для перемешивания углей в *печи*.

По поверьям русского народа *кочерга* считалась магическим инструментом, способным уберечь дом от *нечистой силы*.

В день *Крещения Господня* после возвращения с праздничной литургии хозяйка дома чертила сажей рабочим концом *кочерги* над дверями и окнами кресты, чтобы «закрыть вход нечистикам». Вечером накануне *Васильева дня* и утром в Страстной четверг женщины «объезжали» дом и двор верхом на *кочерге* в надежде защитить *семью*, дом и хозяйство от «врага нечистого, от лешего косматого, от беса лукавого». В *русалкино заговенье* парни и девушки выгоняли *кочергой* из сел русалок, которые якобы всю предшествующую неделю находились среди людей.

В погребальных обрядах *кочерга* использовалась как средство защиты от губительной силы смерти. Ее клали на то место, где стоял гроб до выноса покойника на *кладбище*, чтобы умерший не увел с собой на тот свет еще кого-нибудь из членов семьи.

Для облегчения и ускорения родов роженицу заставляли перешагивать через *кочергу*. Не разрешалось разбивать *кочергой* головешки в *бане* при мытье невесты перед *свадьбой*, а то муж будет бить. Перед началом *гаданий* *кочергой* ударяли по *матице*, чтобы защититься от *нечистой силы*. Во многих местах девушки или женщины «ездили» на *кочерге* при гадании или чтобы предохранить двор от нечисти.

Д. К.

КОШЕВА́, сани-розвальни, широкие и глубокие, с поставленной на них широкой и глубокой *корзиной* из толстых прутьев.

КОШЕЛЬ, дорожная заплечная большая сумка, сплетенная из *бересты*, режы *лыка*, еще режы — камыша, болотной травы. Закрывалась клапаном, носилась на двух лямках.

КОШКА, домашнее животное, очень любимое на Руси. В русских сказках кошка — оченьмышленное существо, способное даже говорить по-человечески. По народным поверьям, трехшерстная кошка приносит счастье тому дому, где живет; семишерстный кот является еще более верным залогом семейного благополучия.

По поведению кошек крестьяне предсказывали погоду и будущее. Кошка сворачивается клубком — к морозу, крепко спит брюхом кверху — к теплу, скрежет лапами стену — к непогоде, умывается — к хорошей погоде и приходу гостей, лижет хвост — к *дождю*, на чело века тянется — обновку (корысть) сулит. На Руси говорили, что тому, кто убьет у кого-то любимого кота, семь лет ни в чем удачи не будет.

По старинным русским поверьям, кто любит кошек, того они охраняют от злых духов и *нечистой силы*.

Кошка. Народная картинка.

Это потому, что кошки, особенно черные, сами связаны с колдунами. На черную кошку можно выменять у нечистой силы шапку-невидимку и неразменный червонец. Черная кошка нужна черту, чтобы прятаться в нее на Ильин день, когда грозный пророк сыплет с небес своими огненными стрелами.

О. П. КРАПИВА, растение, широко использовав-

шееся в народном быту. Молодые побеги крапивы использовались для супов и салатов, а также на корм для домашнего скота и птицы. Из крапивы делали дерюги, мешки и веревки. Крапивой изгоняли нечистую силу, а также отваживали мужиков от «похотливой бабенки», положив ему стельку из крапивы. Крапивой лечили от простуды не только людей, но и скот. Крапивные венки на Руси считались «первейшими» после березовых. Целебную силу рубашки, сотканной из крапивы, знали на Руси издавна. Растолченную сырую крапиву прикладывали к ранам, сплетенную в полотно — хранили в доме: в случае простуды распаривали да прикладывали к груди или др. больному месту. Листья крапивы, и стебель, и корневище использовали как лекарство. Настой из листьев крапивы полагалось пить будущей матери, чтобы ребенок крепким и здоровым рос.

Крапива использовалась как средство против усталости в разгар пахоты. Женщины шли босиком голыми руками рвать крапиву, делали из нее венки и хлестали ими мужиков до тех пор, пока у них не прибавится силы **Д. К.**

КРАПИВНЫЕ ЗАГОВИНЫ (Павел, Сергей и Герман), народное название дня св. прп. Павла, врача из Коринфа, а также прпп. Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, 28 июня/11 июля.

По народному поверью, в этот день крапива считалась особенно целебной и полезной. Поэтому следовало попариться в бане крапивным венком, а также приготовить зеленые щи из крапивы. **КРАСНАЯ ГОРКА**, первое после Пасхи воскресенье, весенний языческий праздник в дохристианской Руси, связанный с культом Дажьбога, пережитки которого сохранялись

вплоть до н. XX в. Название «Красная горка» произошло от того, что обряд встречи восхода солнца, или «красной весны», происходит на горе, освещаемой красным солнышком и покрытой зеленым с отливом ковром.

Красная горка в разных местах России праздновалась не всегда в одно время. Так называют Фомино неделю и воскресенье или все время вплоть до Петровок. В Малороссии и Красной горкой зовут канун весеннего Егория, 22 апр./5 мая. Как и в древние времена, русские поднимались на холмы перед рассветом, но славили уже не Дажьбога, а Иисуса Христа.

Уверение Фомы. Икона XVII в. Москва.

«Красной горкою», собственно, называлось Фомино воскресенье, первый день этой недели весенних поминок, недели свадеб. Название этого дня ведет свое начало из глубокой древности. Горы — колыбель человечества, родина и обитель богов и естественные пределы их владений, на заре народной жизни у всех славян почитались священными и являлись поэтому местом совершения большинства богослужебных обрядов и связанных с ними обычаев. Красный — прекрасный, веселый, радостный, молодой.

Отсюда и название первого праздника воскресей весны — «Красная горка». В отдаленнейшие годы древнерусского язычества в этот день возжигались по холмам священные костры — огни в честь Дажьбога. Вокруг этих огней совершались жертвоприношения и мольбища. Здесь же вершился суд — «полюдь». У русского народа не было никаких капищ; их заменяли лесные поляны да «красные горы», на которых — на месте повергнутых идолов — воздвигнуты были церкви при благочестивых князьях-христианах, отходивших из этого мира во святой схим. В Фомин понедельник, звавшийся «Радоницею», на этих горах устраивались пиршественные тризны в честь умерших предков. Во вторник («Навий день» или «усопшия Радаваницы») продолжалось то же самое. Вплоть до

Сергий и Герман Валаамские. Икона XIX в.

н. XX в. этот день проводится на Руси по кладбищам за панихидами да поминками. В малорусских селах оба эти дня назывались «могилками», «гробками» и «проводами». Среда считалась в языческую старину днем браков, благословлявшихся жрецами на красных горках. В четверг и пятницу по древнерусским весям происходило «хождение вьюнитства», обычаем, уцелевший и до н. XX в. в деревенской глуши под именем «вьюнца». В субботу на Фоминой проходили самые развеселые *хороводы*, самые голосистые *веснянки*.

В первый день Фоминой недели совершалось закливание весны. Оно начиналось с восходом солнца. Местом действия являлась все та же красная горка. При первом проблеске солнца собравшаяся на холме молодежь с избранной «хороводницею» во главе приступала к выполнению завещанного стариной обряда. Хороводница, благословясь, выходила на середину круга и произносила заклинание, сохранившееся еще в н. XX в. в северо-восточной Руси: «Здравствуй, красное солнышко! Празднуй, ясное ведрышко! Из-за гор-горы выкатайся, на светел мир воздвуйся, по цветикам по лазоревым, подснежникам лучами-огнями пробегай, сердце девичье лаской согревай, добрым молодцам в душу загляни, дух из души вынь, в ключ живой воды закинь. От этого ключа ключи в руках у красной девицы, зорьки-заряницы. Зоренька-ясынька гуляла, ключи потеряла. Я, девушка (имярек), путем-дорожкой прошла, золот ключ нашла. Кого хочу — того люблю, кого сама знаю — тому и душу замыкаю. Замыкаю я им, тем золотым ключом, добраго молодца (имярек) на многие годы, на долги весны, на веки веченские заклятем тайным нерушимым. Аминь!» Все присутствующие при заклинании повторяли каждое слово за хороводницей, вставляя полюбившиеся каждому имена. Затем заклиная солнышко девушка, положив наземь посредине круга крашеное яйцо и круглый хлебец, затягивала песню-веснянку.

*Весна-красна!
На чем пришла,
На чем приехала?
На сошечке,
На бороночке! и т. д.*

Весь хоровод подхватывал. Эту песню сменяла другая; затем — третья. После песен принимались за угощение, начиналась веселая пирушка.

Этот же день, начиная с Москвы, это происходило в других городах, кончая самыми захолустными, устраивались праздничные прогулки заневестившихся девушек. Женихи, в свою очередь, выходили на смотрины, совершающиеся на весеннем вольном воздухе, под зеленеющими навесами распускающихся деревьев. Бывало и так, что на месте «зеленых смотрин» происходило и само рукобитье. Местами существовал обычай (напр., в Костромской губ.), позволяющий парням в честь Матери-Сырой-Земли обливаться водой приглянувшихся им девушек. Кто обольет которую, тот за нее и должен свататься, — гласило обычное, нигде, кроме памяти народной, не записанное право. Кто не сделал этого, тот считался лихим обидчиком, похитителем чести девичьей. В Густинской летописи так рассказывалось о подобии этого обычая: «От сих единому некоему богу на жертву людей топяху, ему же и донныне до

неких странах безумная память творят: собравшиеся юнии, играюще, вметают человека в воду, и бывает иногда действием тых богов, си есть бесов, разбиваются и умирают, или утопают; по иных же странах не вкидают в воду, но токмо водою поливают, но одинако тому же бесу жертву сотворяют».

Во многих селах и деревнях на Фомино воскресенье вечером был обычай сходитья молодежи за околицей и водить там, на задворках, хороводные игрища, величая Весну-Красну. При этом наиболее удалые из парней влезали на деревья и прыгали с них наземь, перескакивали с разбега через плетни; а другие ходили вокруг сенных стогов или соломенных ометов и пели:

Как из улицы идет молодец,
Из другой идет красна-девица,
Поблизехоньку сходилися,
Понизехоньку поклонилися.
Да что возговорит доброй молодец:
— Ты здорово ль живешь, красна-девица?
— Я здорово живу, мил-сердечной друг;
Каково ты жил без меня один? и т. д.

Эта песня имела то же самое значение для деревенской брачующейся молодежи, как и только что описанное обливание водой.

В некоторых местах России и, между прочим, в Галиции совершался еще на «Святой» обряд погребения — *«Кострубонька»*, которым изображалось замирание солнечной теплоты зимой и пробуждение, оживление ее весной. Состоял он в том, что одна из девушек, игравших в хороводе, падала, и все подруги начинали оплакивать ее как умершую; потом она поднималась, и все сообще радовались, пели, танцевали и продолжали свой веселый хоровод. Начало последнего, без сомнений, коренилось в тех плясках, пении и играх, которыми сопровождалось древнее языческое богослужение. Самая форма их — кругообразное движение — символ солнечного движения.

Красная горка, или проводы зимы и встречу весны, в Малороссии совершали так. Молодежь высыпала гурьбой на улицу или на зеленый луг, заводила хоровод. Выбрав затем из хоровода более миловидную девушку, которая своей красотой и молодостью должна была служить как бы символом весны, украшали ее с головы до пят вьющеюся зеленью и живыми цветами; на голову ей надевали венки из живых цветов, сажали на дерновую скамью, вокруг ставили различные яства: *кувшин* с молоком, масло, сыр и пр., а у ног клали несколько венков. Снова начинался хоровод, и «Ляля» — так величали эту девушку — начинала бросать в своих подруг венками. Многие сохраняли эти венки до следующей весны. Обряд заканчивался тем, что девушки получали из рук своей избранной подруги все упомянутые выше яства, которые служили символом ожидаемого плодородия.

Этот праздник живых по древнему обычаю соединялся с праздником умерших — Радоницею.

А. Коринфский, Н. Степанов

КРАСНАЯ НЕДЕЛЯ — см.: ПАСХАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ.

КРАСНЫЙ УГОЛ, в русской избе наиболее почетное место, в котором вешались иконы и стоял стол. Иконы (*божницы*) в красном углу отождествлялись с алтарем православного храма, а стол — с церковным престолом. В божнице, кроме икон, хранили сосуды с богоявленс-

Красный угол в избе.

кой водой и веточкой освященной *вербы*. Войдя в избу, человек прежде всего крестился на иконы в красном углу, а затем уже здоровался с хозяевами. В красном углу сажали самых почетных гостей, а всем остальным полагалось сидеть поодаль.

В почитании красного угла прослеживались и древние языческие корни. В Древней Руси считалось, что именно там в определенные дни пребывают *души* предков. Покойника клали на стол и *лавку* головою к красному углу.

О. П. КРАСОТА (прекрасное), в понятиях Святой Руси божественная гармония, внутренне присущая природе, человеку, некоторым вещам и изображениям. В красоте выражается божественная сущность мира. Источник ее в самом Боге, Его целостности и совершенстве. «Красота на земле не возникает сама собой, а посылается рукой и мыслию Божией» (*Афиногор*). «Некто, воззрев на красоту, весьма прославил за нее Творца и от одного взгляда погрузился в любовь Божию и источник слез» (*св. Иоанн Лествичник*).

Важнейшим образцом прекрасного для русского человека XII—XVII вв. была красота православной *иконы*. «Самая мысль о целящей силе красоты, — писал Е. Н. Трубецкой, — давно уже живет в идее явленной и чудотворной иконы. Среди той многотрудной борьбы, которую мы ведем, среди бесконечной скорби, которую мы испытываем, да послужит нам эта сила источником утешения и бодрости. Будем же утверждать и любить эту красоту!»

В народном сознании красоту связывают с *правдой* и *добром*. Не всякая правда — красота, но всякая красота — правда. Красота на добро не смотрит, но люди от нее становятся добрее.

По мнению Ф. М. Достоевского, красота спасет мир. Вместе с тем, имея в виду ее божественный первоисточник, писатель предостерегает людей от опасности подмены красоты божественной лжекрасотой *дьявола*. Красота, считает он, не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется и поле битвы — сердца людей. Будущий антихрист будет пленять красотой. Помутятся источники нравственности в глазах людей.

О. Платонов
КРАШЕНИНА, крашеная хлопчатобумажная ткань домашней выделки. Использовалась для пошива крестьянской одежды.

КРЕНДЕЛЬ, небольшое хлебное изделие, в форме русской буквы «в» из заварного теста, часто с пряностями, обсыпанное маком или толченой корицей.

КРЕСТЕЦ, перекресток дорог. По народным поверьям, на этом месте обитает *нечистая сила*, против которой на крестцах ставили кресты и даже часовни с изображением *св. Параскевы Пятницы*. В Москве в Китай-городе, у Никольского, Ильинского и Варварского крестцов собирались нищие и калеки, безместные священники, предлагавшие свои услуги, шел торг лубками.

Лит.: Максимов С. В. Собр. соч. Т. 15 (Крылатые слова). Спб., 1909.

КРЕСТИНЫ — см.: **КРЕЩЕНИЕ**.

КРЕСТНАЯ СИЛА, сила Честного Животворящего Креста Господня, в могущество которой верило большинство русских. Крест — это, прежде всего, любовь,

Поклонение Кресту. Оборот двусторонней иконы «Спас Нерукотворный». XII в. Успенский собор Московского Кремля.

готовность пострадать за других вплоть до смерти. Эта любовь *Иисуса Христа* и дала ту силу кресту, которая может защитить от любых нападков вражьих. Отсюда народная вера в защитное действие креста начертанного, священственного, *крестного знамени*.

Среди повседневных проявлений веры простого русского человека в своем *доме*, видимых и для постороннего глаза, — защита себя и жилища своего от *нечистой силы*, нечисти. Бытовавшие при этом воззрения на вражью силу — народная демонология — не противоречили соответствующим догмам Православия. «Наша брань не против крови и плоти, но против... мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6; 12).

«Крестьяне, живущие вблизи своих приходских церквей, — писал корреспондент в *Тенишевское этнографическое бюро* о Гжатском у. Смоленской губ., — стараются донести до дома зажженную свечу, с которой они стояли в церкви во время чтения о страданиях Христа или во время выноса плащаницы. Этим огнем они вы-

жигают знаки на дверных и оконных притолках» для предохранения от нечистой силы и колдовства.

Указание на этот благочестивый обычай — выжигание крестов — одно из наиболее часто встречающихся во всех тенишевских материалах. Различие лишь в том, что в большинстве сообщений речь идет о свечах *Великого Четверга*, но встречается в этом назначении и крещенская свечка. Так, в Бирюченском у. Воронежской губ. в Великий Четверг по окончании чтения 12 Евангелий (т. е. 12 текстов из Евангелий о св. страстях Господних) крестьяне шли по домам с зажженными свечами и на избяных балках выжигали кресты. В Тульской губ. в Великий Четверг после 12 Евангелий (по церковному обычаю это чтение совершалось в четверг вечером на утрени) двигались по домам с горящими свечами и выжигали кресты на дверных притолках, потолках, избяных *матицах*.

По наблюдениям в Ярославской губ., «крест, согласно христианскому вероучению, считается народом самым верным, действенным оружием для борьбы с нечистой силою. В день Крещенского сочельника во многих местах выжигают на дверях дома и надворных строений богоявленскую свечою — кресты, для защиты от нечистой силы». О начертании крестов «по всем дверям, окнам хаты и надворных построек» накануне *Крещения*, когда приносили после вечерни домой св. крещенскую воду, писали и из Обоянского у. Курской губ.; только здесь (с. Шелковка) чертили кресты мелом. Возможно, это была трансформация обычая выжигать крест свечою, ибо самый сочельник назывался здесь «Свечки». (Такое название Крещенского сочельника отмечено также в словаре *В. И. Даля* для Костромской и Пензенской губ., а так же встречается еще в Воронежской губ.) После начертания крестов кропили всюду крещенской водою. Так очищали свой дом.

Мелом же чертили кресты на всех косяках окон и дверей и на воротах в Щигровском у. Курской губ. в Крещенский сочельник — «для сохранения от нечистой силы». Указание на то, что «на Крещенский сочельник ставят меловые кресты» есть и у *В. И. Даля*.

А. Балов был прав, когда писал, что крест считается народом самым верным и действенным оружием для борьбы с нечистой силою. Это проявлялось и в постоянном осенении себя крестным знаменем (не только во время молитв). *Медынский помещик* (Калужская губ.) *Г. Спафарьев*, писавший в 1849 о христианских взглядах русских крестьян, подчеркивал, что они всякое дело начинают и кончают, осенив себя крестным знаменем. Люди, попавшие под сильное воздействие силы вражьей, не могли осенить себя крестным знаменем, и в этом была главная опасность их положения. *Крестьянин Ф. Е. Кутехов* (д. Бармино, Середниковской вол., Егорьевского у., Рязанской губ.) сообщал в к. XIX в., что во время *свадьбы* ни один человек не перейдет через порог, не перекрестившись.

Прежде чем резать *хлеб* (это делал обычно старший мужчина, сидевший под *иконами*), над ним *ножом* чертили в воздухе крест либо проводили ножом крестообразно по хлебу. Поднося ко рту кружку с питьем, — крестились.

«При упоминании о нечистой силе, — писал *Ф. Зобнин*, — у нас имеют обыкновение или отплюнуться,

или перекреститься и сказать: «не слушай, святая хоромина, не к нам будь сказано». Это не воспринималось православными как формальность. Считали, что именованное вызывало присутствие именованного. Представляет интерес приводимое здесь обращение к жилому дому — «святая хоромина», свидетельствующее об отношении к нему, как к Малой Церкви. Человек, упомянувший нечисть, понимает неуместность этого в св. помещении и, сверх того, опасается наклепать какими словами на себя воздействие вражьей силы, отсюда — «не к нам будь сказано» и осенение себя крестным знаменем.

Бытовало и бытует ныне множество историй, рассказывающих о том, как спасает от нечистой силы шейный крест и как опасно оказаться при каких-то обстоятельствах без него. Ходить без креста считалось серьезным *грехом*. Нельзя спать без креста, снимать его на время купания — человек остается без защиты.

Как только начиналась гроза, не только закрывали окна и задвижки печных труб, но обязательно крестили их. Лопаткой делали крестное знамение в сусеке над зерном, предназначенным для сева, прежде чем насыпать его в мешки. Когда сажали в *печь* кулич, то в каждом углу избы, начиная со святого, лопатою трижды делали крест.

При зажигании огня от спички непременно крестились и говорили «Господи, благослови». Существовали понятия благословенный и неблагословенный огонь: «благословенный огонь не спалит ничего, а от неблагословенного огня случаются пожары». Еще страшнее был огонь, при зажигании которого ругались «срамными словами» или произносили проклятья. От такого огня, как считалось в народе, случались самые страшные пожары, когда горела скотина и даже люди.

Крестились, когда подавали питье и еду приезжему (или прохожему) человеку чужой веры, которого опасались, «чтобы не напустил нечистого»; посуду после него перемывали со св. водою. Но при этом его никогда не обидят, лишней копейки с него не возьмут за ночлег, «а то еще и совсем не просят, а что дадут, за то и спасибо» (сведения *Болховского у.*, *Орловской губ.*).

Насторожены были крестьяне, если в дом приходил односельчанин, имевший худую репутацию человека, причастного к колдовству. С народными представлениями о вражьей силе связано широко бытующее убеждение в том, что люди, предавшие себя этой силе, могут «сделать» — причинить вред, наслать *болезнь*, беснование и пр. Соответственно верят и в то, что некоторые священники (из монахов и белого духовенства), а также старцы и старицы из мирян, достигшие большой духовной силы, могут изгонять бесов из людей — отчитывать и исцелять от другой какой-либо *порчи*. При появлении человека, который может навести порчу, начинали читать про себя молитву и крестились.

Невозможно перечислить все случаи, когда считалось необходимым принять меры против нечистой силы: прежде всего — осенить себя крестным знаменем или перекрестить какой-то предмет. Кроме постоянно повторяющихся обстоятельств — поведение в них определялось устоявшимся обычаем, — возникало, разумеется, множество индивидуальных моментов, требующих от каждого своего, личного решения. В «не-

видимой брани», которую вел православный человек, многое зависело от степени его веры. «Всяк крестится, да не всяк молится», — говорит пословица. Относительно начертания крестов тоже есть пословица такого рода: «Не спасет дегтярный крест, коли не спасет животворящий» (дегтярные кресты чертили на воротах и на самих животных от падежа скотины). Народ в массе своей понимал, что начертание креста — не магия, что оно должно сочетаться с живою верою в Бога, в Крест Животворящий.

М. Громыко
КРЕСТНОЕ ЗНАМЕНИЕ, крест — самый главный символ для христиан, не только как орудие всемирного спасения, на котором был распят Христос, но и как постоянное напоминание, что люди не могут стать христианами, не приняв крест в основу жизни. «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк. 8; 34). Поэтому христиане и осеняют себя крестным знамением — крестятся. Православные делают это так: соединяют в щепотку большой, указательный и средний пальцы, а два других, согнув, прижимают к ладони (что символизирует Божье Троиединство и две Природы — Божественную и Человеческую — во Христе) и крестятся ото лба — к груди и от правого плеча — к левому. Этот всеобъемлющий символ показывает, что крест является вдохновением, силой и действительным содержанием нашей жизни и что наш ум и сердце отданы любви к Богу.

КРЕСТНЫЕ ОТЕЦ и МАТЬ, КУМ и КУМА, *восприемники* от купели при *крещении*. В русской народной традиции крестные играли существенную роль в течение всей жизни человека, т. к. духовное родство, в которое вступали восприемники и их крестники в результате крещения, считалось даже сильнее кровного. Пословица: «Духовное родство пуше плотского».

Крестные несут ответственность перед Богом за духовно-нравственное состояние своих крестников. С момента совершения таинства крестные родители становились как бы посредниками между крестниками и миром святых. Их молитвы считались действительными, иногда им придавалась даже большая сила, чем молитвам родной матери.

В духовное родство с крестными (в народной терминологии — *кумовство*) вступали в результате крещения и родители крещаемого, и ближайшие родственники его. Все они назывались кумами (крещаемые и крестные между собою кумами не назывались).

Лица, связанные духовным родством, не могли вступать между собою в *брак*. Церковное законодательство после XVII в. значительно сузило круг лиц, связанных брачными запретами. В к. XIX в. официально были запрещены лишь браки между восприемником и матерью крестника и восприемницей и отцом крестницы. Народная же традиция существенно расширяла круг лиц, на которых распространялось духовное родство и соответственно брачные запреты. Браки запрещались не только между крестными родителями и крестниками, но и между кумовьями. Запреты распространялись и на второе поколение. Интимные связи между духовными родственниками считались в крестьянской среде кровосмешением. «Ведь кум с кумою стояли у общей купели перед Богом, поручались за младенца и отрекались за него от сатаны, а заместо того они сами идут в

лапы сатаны и младенца туда ташат, прямое дело, что грех непрощенный, потому как оскверняет невинного младенца» (Ярославская губ.).

Кумовство как система взаимоотношений включало определенные нормы поведения. По отзывам, поступавшим из разных мест, среди лиц, связанных духовным родством, «замечается большая сдержанность и уважение». Обязательной считалась взаимопомощь. Между покумившимися семьями не должно было быть ссор; они рассматривались как великий грех. Детей воспитывали в духе особого уважения к крестным родителям. По глубокому убеждению русских людей, «грех непростительный обидеть крестных. Бог счастья не даст».

По обычаю кумовья посещали друг друга в большие праздники, прежде всего на *Пасху*. В этот день крестные обязательно одаривали своих крестников крашеными яичками, а родители крестников в свою очередь несли подарки крестным. Крестные родители были непременно участниками всех праздников в доме своих крестников. Кроме того, было принято угощать кума и куму, когда бы они ни пришли.

Особая роль отводилась крестным на *свадьбе* крестников. С ними советовались перед вступлением в брак. Они благословляли жениха и невесту вслед за родителями и выполняли роль посаженных отца и матери. В случае отсутствия родителей крестные их заменяли. Когда невеста-сирота ехала на кладбище просить благословения у умерших родителей, ее сопровождал крестный. Нередко они выполняли в свадебном обряде почетные функции *свахи*, тысяцкого. Крестные, как и родители, благословляли при отправлении на военную службу или в дальние поездки.

По установившейся у русских традиции, крестная мать приносила на крещение кусок белой материи, на который клали после купели, — «риски», или «приём». Крестный отец платил за совершение таинства и дарил натуральный крест — символ веры и защиту от нечисти. Постоянное ношение креста для русского человека было обязательным и естественным. Отсутствие его заставляло считать, что над данным человеком не было совершено таинство крещения, т. е. он не принадлежит к Православной вере.

Т. Листова
КРЕСТНЫЙ ХОД, торжественное шествие с *крестом*, хоругвями и *иконами*, сопровождаемое молебнами о милости Божией по тому или иному случаю. Поводами для крестных ходов служили как определенные постоянные праздники, дни святых и чудотворных икон, так и конкретные обстоятельства, требующие каждый раз назначения срока — начало и конец сельскохозяйственных работ, первый выгон скота, засуха, непрерывные *дожди*, эпидемии и эпизоотии, необходимость освятить определенные места (*перекрестки*, *колодцы* и др.).

При засухе, напр., в Бобровском у. Воронежской губ. крестный ход на поля происходил следующим образом. «В назначенный день все собираются в церковь и, отстоявши утреню и литургию, поднимают образа и хоругви и обходят кругом все поле. Впереди идут с иконами, за ними — священник, облаченный в фелонь и епитрахиль, несет крест; сопутствующий клир поет богородичны гласы и разные духовные песни; за клиром следует народ разного пола и возраста. В пяти

Перенесение чудотворной иконы.

местах, вперед избранных, весь ход останавливается, и служат молебны с водоосвящением». Первый молебен посвящали Спасителю; по окончании молебна все прикладывались ко кресту и священник кропил каждого святой водой; оставшуюся воду выливали на пашню. Второй молебен посвящали Божией Матери; третий — свт. *Николаю*; четвертый — прор. *Илье*. Пятым служили молебен о бездождии.

В иных местах молебен о дожде во время засухи строился несколько по-другому: останавливались не в установленных заранее местах, а по мере израсходования св. воды. Такой вариант подробно описан в 1856 по Зарайскому у. Рязанской губ. Начиналось все с разговоров между собой крестьян, обеспокоенных состоянием хлебов. Религиозная основа этого предварительного обсуждения очевидна из записей современника события: «Плохо; не дает Бог дождя», — говорит один. «Видно, Господа Бога прогневали», — замечает другой, — недавно я ходил в поле: больно худо, и не смотрел бы. Овес от земли и на четверть не поднялся, а уж кистится, по буграм же и совсем пожелтел, сгорел». — «Пора бы образа поднять», — говорит третий, — вон, третьего дня мухинские подымали». — «И в Рудневе подымали вчера», — замечает пятый, и пример соседей решает вопрос окончательно».

День для поднятия образов выбирали чаще всего праздничный. К священнику обращались с вечера —

«вот, мол, образа желают поднять». Утром все мужики и свободные от хозяйства и детей бабы шли в церковь. «Отслушав заутреню, берут хоругви, все образа, носимые в Пасху, образ Ильи-пророка и, предшествуемые священником, при пении причта, идут в деревню». Этому крестному ходу придавалось такое значение, что, как мы видим из приведенного свидетельства, состав икон был такой же, как на *Пасху*. Особо оговорен образ Ильи-пророка, к которому, как известно, всегда обращались с молитвами о дожде.

Первая остановка все-таки и в этом варианте делалась в определенном месте — на выгоне, возле часовни. Там служили молебен о дожде с водоосвятием и коленапреклонением. После молебна крестный ход шел либо вокруг «всей дачи, по генеральным рубежам» (то есть обходили всю относящуюся к данной общине землю), либо шли только вокруг полей, находящихся в данное время под хлебами. Священник кропил поля св. водой, что сопровождалось пением молитв. Пройдя значительное расстояние, крестный ход останавливался, так как заканчивалась св. вода. Наполняли заново водоосвятную чашу из ближнего водоема и снова служили молебен с водоосвятием, после чего ход двигался далее. Когда обходили всю дачу, то служили три—пять молебнов, а иногда и больше.

Если вблизи дачи какой-либо деревни находился перекресток или распутье дорог, то там ставили постоянные часовенки (в данном случае — столбик с образом под кровелькой), около которых останавливались крестные ходы, когда обходили поля. Образы нести во время крестного хода могли все желающие; таковых было много, поэтому часто менялись; но те, кто нес икону по обету, — не отдавали ее никому. Священнику эту службу оплачивали всем миром, делая раскладку по дворам общины.

Подобные крестные ходы с молебнами совершались и в связи с др. причинами неурожая. Они могли включать освящение колодцев, обход самого селения и выход в поле, совершение водоосвятий на распустьях. Иногда после молебна в поле делался обед.

Молебен на полях о прекращении засухи, которому предшествует панихида на *кладбище*, описал в своих воспоминаниях митр. Вениамин (Федченков). Он происходил из крепостных крестьян и, будучи студентом Духовной академии (первые годы XX в.), приезжал в родную деревню в Кирсановском у. Тамбовской губ. Там он пел на клиросе. И вот однажды, засушливым летом, группа мужиков подошла к клирошанам и просила передать батюшке просьбу: совершить молебен по полям о дожде. Священник согласился. «Мужчины и женщины взяли крест, хоругви, иконы и под трезвон колоколов направились... куда же? На общее кладбище свое... И там мы отслужили сначала панихиду по всем усопшим. Оказалось, как мне разъяснил по пути батюшка, исстари велся этот обычай: живые молились по умершим, чтобы те помолились там Богу о нуждах живых своих потомков и близких... Мудрый и умильный обычай Святой Руси... В это время наши родные женщины-богомолочки бросились по разным концам кладбища, к родным могилкам, и кое-где послышался жалобный плач... Потом мы пошли с пением молитв по полям. Что это были за горячие молитвы! Я и сейчас

не могу удержаться от слез жалости и умиления к этим Божьим детям... И не раз на полях приходили мне такие мысли: «Господи! Ты не можешь не услышать этих бедных чад Твоих! За эту веру их, за слезы Ты дашь им, что нужно им! Дашь! Дашь!» — почти требовало чуда сердце мое.

И было оно... В тот ли день или на другой пошел дождь... И не помню я из своей жизни случая, чтобы такие молебны вообще оставались без исполнения».

В иных сообщениях с мест по программам научных обществ были выделены «крестные ходы в поле для молебствия» по трем причинам: по поводу засухи, на зелена (то есть для освящения молодых всходов зерновых) и во время засева. В последнем случае священник после молебна с водосвятием сам бросал на пашню первую горсть посевного зерна, взяв ее из севалки, где было смешано сборное зерно — от каждого двора. Затем он шел краем поля поперек всех полос в сопровождении дьячка с водосвятной чашей и кропил. И сразу же за ним двигался крестьянин, выбранный на сходке для почина сева.

Информаторы из Мосальского и Жиздринского уу. Калужской губ. подчеркивали в качестве поводов для молебнов в поле — запашку, засев и жатву. При этом писали, что служат «перед иконами», т. е. молебен предшествовал здесь тоже крестный ход. Молебен в поле, связанный с севом, мог быть перед посевом хлебов, во время него и по завершении. Напр., в сельце Почаево и относящихся к нему деревнях (Тарусский у. Калужской губ.) после весеннего посева хлебов служили общественные молебны, т. е. заказанные *общиной*. В этот день не работали.

Молебны от стихийных бедствий местами совершались не только тогда, когда уже беда посетила данную местность, но служили их ежегодно в определенные, установленные по традиции дни, независимо от состояния погоды. Так, в д. Мешкова (Орловского у. одноименной губ.) бывали ежегодные молебны в поле в последнее воскресенье перед *Вознесением* — от засухи; на *Казанскую* (8 июля) — от градобития.

По поводу молебнов, о которых просили крестьяне, как в благополучное, так и в неблагоприятное время, Т. Успенский пояснял в 1859: «Крестные ходы на поля совершаются по древнему обычаю, преимущественно же во время засух, нечаянной и несвоевременной стужи и т. п.; молебствия совершаются умиловительные. Но не отлагаются ходы и тогда, когда все благоприятствует прозябению хлебных растений и обещает обильные плоды; но тогда молебствия бывают благодарственные».

Если крестные ходы и молебны, связанные с началом или концом определенных стадий земледельческих работ, назначались преимущественно по обстоятельствам, то молебен по случаю первого выгона скота повсеместно было принято приурочивать ко дню св. *Георгия* (*Юрьев*, или *Егорьев день*) — 23 апр. (6 мая н. с.). Так, в Брянском у. Орловской губ. в этот день, по утверждению корреспондента *Тенишевского этнографического бюро*, все крестьяне выгоняли весь скот в поле и служили молебен.

Особое место в годичной системе крестных ходов и молебнов занимали службы, посвященные конкрет-

ным святым, а также связанные со святыми источниками или колодцами и часовнями. Ходы к местным святыням могли быть обращены к определенному святому, но могли и не иметь такой связи. Рассмотрим некоторые варианты таких ходов с молебнами.

В приходе с. Короцко (Валдайский у., Новгородская губ.) «в день мученицы Пятницы бывает крестный ход из церкви в часовню, отстоящую в 14 верстах и устроенную при болоте на Ключе. Часовня устроена в древнее время по следующему случаю, как гласит предание. Здесь явилась икона вмч. *Параскевы*; икона трижды была переносима из часовни в церковь, но обратно туда возвращалась, пока не сняли с нее копии и не поставили в часовню. В этот день богомольцы, особенно женщины, по обетам или по вере в целительность вод, непрременную обязанностью считают купаться в ключах, бьющих близ часовни». Такой вариант был широко распространенным выражением народного благочестия: крестный ход к часовне, посвященной определенному святому и имеющей икону этого святого. Чаше всего сохранялось и местное предание о явлении иконы или о строительстве часовни. Такой ход приурочивали, естественно, ко дню этого святого.

В этом же приходе в день свт. Тихона совершался крестный ход из церкви на могилу его родителей (свт. Тихон Задонский родился в селе Короцко) для служения литии. Установлен он был с 13 авг. 1861, т. е. со дня прославления святителя.

В с. Куженкине этого же уезда происходил ежегодный «в пяток пред Ивановым днем, иначе в Ивановскую пятницу» крестный ход на св. родник, «замечательный по своей чистой и приятной воде». О времени и причинах учреждения этого хода в селе уже в 1860-х не сохранилось никакого предания. Пятница перед днем Иоанна Крестителя входила в число особо почитаемых в народе двенадцати пятниц в году. Можно предположить, что некогда по молитвам, обращенным к Иоанну Крестителю, произошло какое-то событие, связанное с этим родником.

В других случаях коллективная память о подобных событиях сохраняла и в к. XIX в. (а иногда хранится и доныне) даже подробности жизни святого, относящиеся к данной святыне. В селе Погорелове (на р. Уятоме) Пошехонского у. Ярославской губ. было известно, что колодец, вода которого считалась святой и, соответственно, целительной, вырыт собственноручно прп. Корнилием. К колодцу ежегодно совершался крестный ход. В том же уезде в с. Покровском (на р. Кештоме) был колодец, выкопанный собственноручно прп. Леонидом, сподвижником прмч. игумена Адриана, Пошехонского чудотворца. Каменная часовня, к которой ежегодно совершался крестный ход, была выстроена, по преданию, на том месте, где подвизался прп. Леонид. В часовне даже сохранялся камень, служивший изголовьем для святого.

Немало было таких крестных ходов, посвященных конкретной святыне, которые собирали тысячи богомольцев из разных мест. Обычно это было в тех случаях, когда святыня имела давнюю широкую известность, а самый ход насчитывал сотни лет от своего основания. Таков был, напр., в XIX в. ход из Вятки в с. Великорецкое с чудотворной иконой свт. Николая Чудотворца. «Кто

не знает того, как у нас на Руси совершаются крестные ходы? — пишет А. Вознесенский, автор исследования о почитании свт. Николая Мирликийского в России, описавший, в частности, и этот ход. — В это время, посвященное особенному чествованию святых, каждый из местных и приходящих богомольцев считает своим долгом не только поклониться святыне, но и воздать хвалу ей и испросить себе чрез нее милости у Господа и Его угодников в особом молебном пении. Итак, дня за два с этой целью начинают прибывать громадные массы, из окрестных и самых отдаленных обитателей Вятской земли к крестному ходу. 21 мая после литургии вся накопившаяся многотысячная масса богомольцев-пришельцев с горожанами, с преосвященным, градским клиром и образами всех церквей во главе, с церковным пением и звуками военной музыки («Коль славен наш Господь») направляется по отлогому спуску от собора к набережной реки Вятки. Здесь совершается молебен Угоднику пред его чудотворной иконой: город как бы прощается на время со своей святыней-сокровищем, и затем образ на особой красивой лодке, под голубым балдахинном, переправляется на ту сторону реки, чтобы проследовать чрез лежащие на дороге села: Макарьевское, Бобинское, Загорское, Монастырское и Гороховское, дальше в село Великоорецкое».

В течение долгого времени этот крестный ход, как и некоторые другие вятские ходы, совершался водным путем на стругах или плотках — по рекам Вятке и Великой; с 1778, по специальному решению, начали совершать его сухопутно, за исключением переправ, разумеется. В к. XIX в. переправа людей с иконою через Вятку сопровождалась церковным пением и звоном колоколов, берега были усыпаны богомольцами. Большинство из них продолжало участие в крестном ходе до р. Великой; в с. Великоорецком служили два молебна: в древнем храме Преображения, где и оставался образ Святителя с 24 по 26 мая, и в более новом храме Николая Чудотворца, имевшем свою местную чтимую икону его, называемую «Житель».

24 мая после литургии крестный ход направлялся к обширной каменной часовне, расположенной в лесу, на поляне, непосредственно на месте обретения образа. Посредине часовни — колодец над источником, происшедшим, по преданию, из-под корней той сосны, на которой когда-то был найден образ. Затем богомольцы шли служить панихиды на расположенном недалеко от часовни кладбище, где была своя деревянная церковь XVII в.

Возвращался крестный ход с иконою свт. Николая Угодника из с. Великоорецкого (уходили 26 мая) в Вятку иным путем — через с. Медянское. В семи верстах от Вятки его торжественно встречали у часовни с. Филейки, где образа оставались и на следующий день. 28 мая ход вступал в Вятку, где происходили литургия с архиерейским богослужением и молебен. После этого начиналось движение чудотворного образа с другими местночтимыми иконами — Куринской Архистратига Михаила и *Тихвинской* Божией Матери — по домам тех горожан, которые хотели отслужить у себя молебен.

Этот многодневный и многоступенчатый крестный ход, представлявший собою, в сущности, систему крестных ходов с молебнами, входил сам как часть в боль-

шую систему ходов с особо чтимым образом Святителя Мирликийского по Вятской губ. 1 июня все три названные выше иконы отправлялись в новый крестный ход, называвшийся Куринским — по селам и деревням трех ближайших к Вятке уездов, из которого возвращались в центр епархии лишь 16 июля, посетив 1 город и 47 сел. Потом образа принимали др. города и села края: Вятский Низовой крестный ход включал в к. XIX в. 6 городов, 1 слободу и 87 сел; а Верховой (Сарапульский) — 3 города, 8 заводов и 102 села. Традиция крестных ходов с Великоорецким чудотворным образом Николая Угодника по другим городам Вятского края имела глубокие исторические корни: под 1569 отмечены чудеса от этой иконы в г. Котельниче, а в 1572 — в Слободском и пр.

Вятская система крестных ходов с конкретным образом не представляла собой исключения. Аналогичные явления народной духовной жизни происходили и в других регионах. Крестные ходы с Иверской иконой Божией Матери из Иверского Валдайского монастыря охватывали многочисленные города и села Новгородской и Тверской губ. — вся система этих ходов занимала почти половину года.

Если чтимый образ везли на большие расстояния в карете, то все равно движение его сопровождалось многими встречными ходами. Таковы были, напр., поездки с Калуженской иконой Божией Матери по Калужской и Тульской губ. Один из непреходящих участников этих поездок в сер. XIX в. — причетник П. П. Шанский (будущий схимонах Петр) подробно описал их в письмах к своей дочери. Приведем здесь его рассказ о посещении с чудотворной иконой г. Алексина и окрестностей. «Мы туда (из Алексина в Мышкинку. — *М. Г.*) отправились в экипаже, при звоне во всех церквах. Страшно вымолвить, сколько народу выступило на улицы, полагая, что икона выбыла совсем. Над рекою (Окою. — *М. Г.*), лицом к Мышкинке, гора представляла торжественное зрелище: вся буквально она была усеяна народом в праздничных нарядах. Народ стоял до тех пор, пока мы не приехали в Мышкинку. На другой день мы возвращались обратно в город. Икону опять приветствовали звоном во всех церквах. Народ вышел навстречу весь — от мала до велика. Из-за моста взяли икону и несли точно по воздуху. Все устремляло свой взор на лик Пречистой Богоматери. По принесении иконы нам нужно было бы служить молебны на набережной, но для их торжества пошли за город, в последнюю улицу. И невозможно без слез описать это торжественное шествие. И в первом доме, где мы служили, цветов послано не было, но, к нашему удивлению, благоухание было неизреченное. По отслужении молебна городские разошлись по домам, не уходили только приходящие из деревень; для них, чрез каждые 5 домов, мы служили молебны на улице. Хотел предводитель дворян просить Свящ. Синод о разрешении посетить 40 волостей, но ответа еще нет ничего. Болезнь (холера. — *М. Г.*) в городе прекратилась с 1-го же дня».

По поводу духовных впечатлений, полученных П. П. Шанским в этих поездках, в его жизнеописании дается следующая оценка, касающаяся не столько самого причетника, сколько состояния народной веры: «Сколько он видел непререкаемых свидетельств торжества нашей веры и упования! В течение сорока лет он был

постоянным свидетелем народной любви, благоговения и поклонения Великому Богу и Его Пречистой Матери; в течение сорока лет он был свидетелем и неизреченного милосердия Царицы Небесной к этому народу, так чуткому к веяниям Божественной благодати».

Выше отмечалось движение крестных ходов, встречавших путешествующую святыню. Бытовала и иная структура сложных ходов, формировавшихся из многих простых шествий: из нескольких населенных пунктов — центров приходов, разбросанных на обширной территории, двигались в определенный день самостоятельные крестные ходы к одной точке, где находилась святыня или несколько святынь. Таким центром одновременного движения многих крестных ходов как бы по радиальным маршрутам мог быть монастырь. Например, в Белогорский Свято-Николаевский монастырь (Осинский у. Пермской губ.), расположенный на одном из отрогов Уральских гор, в день Всех Святых шли крестные ходы из соседних сел и заводов. Торжественный молебен служили у Царского Креста, сооруженного из огромных мачтовых деревьев и освященного в память спасения имп. Николая II от покушения. Здесь же особо почиталась Иверская икона Божией Матери — копия афонской.

Отметим также особенности ежегодных крестных ходов с мощами святых, сохранявшиеся в течение всего XIX в. во многих обителях и отдельных храмах, обладавших такими святынями. Обычно это были ходы вокруг храма или монастыря, но некоторые из них обрели сложные маршруты с остановками для молебнов, освящавшие большое пространство и привлекавшие огромные толпы народа из окрестных селений и пришлох богомольцев из других уездов и губерний. По наблюдениям паломника, опубликованным в 1840-х, в Новгороде 30 апр., в день обретения мошей свт. Никиты — епископа Новгородского, утром, когда раздавался звон колоколов Софийского собора (насчитывавшего к этому времени восемь веков существования), народ устремлялся с торговой и Софийской стороны на Кремлевскую площадь и заполнял ее. В собор сходилось духовенство из сорока церквей самого города и четырнадцати окрестных обителей. Епископ, облаченный в семисотлетние ризы свт. Никиты, которые были обретенны вместе с мощами нетленными, склонялся перед ракой, и архимандриты поднимали мощи святителя на верхнюю крышу раки для хода. «Молитвенники, стекшиеся отовсюду для сего зрелища», опускались на колени.

Шествие выходило на Софийскую площадь, наполненную народом, из-под арки архиепископских палат: вслед за хоругвями тянулся «бесконечный ряд клириков со свечами в руках, потом диаконы и священники с кадилами и древними иконами собора», затем «священное тело свт. Никиты, высоко поддерживаемое десятью архимандритами, игумнами и строителями обителей Новгородских». Когда шествие остановилось у южных дверей собора для литии, толпы народа «устремилась к мощам, чтобы по древнему православному обычаю пройти под ними». «Хотели остановить стремление народа к святыне, но благочестивый епископ Леонид, хотя сам более других страдал от напора толпы, приказал всех допускать, чтобы никто не лишился

утешения духовного». Во все время хода совершался молебен свт. Никите.

На следующий день был праздник Преполовения, снова служил епископ и вышел с крестным ходом на Иордан к Волхову, «предшествуемый хоругвями и крестами и всей древней святынею Новгородца». Несли чудотворную икону Знамения Божией Матери. Мимо моста, «усеянного народом», спустились к Волхову, «покрытому судами». От Иордани крестный ход двинулся к северу, вокруг кремлевской стены и остановился для литии у часовни свт. Николая Чудотворца, а следующая лития была на площади перед собором. «Народ с усердием бросался под икону Знамения».

Представляют интерес правила поведения во время крестного хода, составленные митр. Филаретом по поводу конкретного шествия из Голутвина монастыря в Коломну в память о прекращении холеры, но носящие общий характер.

«Духовенство должно напомнить благовременно себе и прочим, — говорилось в этих правилах, — что, дабы сие благое начинание принесло благий плод, для сего надобно, чтобы дело Божие совершаемо было с глубоким и непрерывным благоговейным вниманием. Когда вступаешь в крестный ход, помышляй, что идешь под предводительством святых, иконы которых в нем шествуют, приближаясь к Самому Господу, поколику немощи нашей возможно. Святыня земная знаменует и призывает святыню небесную; присутствие креста Господня и святых икон и кропление освященною водою очищает воздух и землю от наших греховных нечистот, удаляет темные силы и приближает светлые. Пользуйся сею помощью для твоей веры и молитвы и не делай ее бесполезною для тебя твоим нерадением. Слыша церковное пение в крестном ходе, соединяй с ним твою молитву; а если по отдалению не слышишь, призывай к себе Господа, Божию Матерь и святых Его известным тебе образом молитвы. Не входи в разговоры с сопутствующими; а начинающему разговор отвечай безмолвным поклоном или кратким только необходимым словом. Духовенство должно быть примером порядка и благоговения, а мирские не должны тесниться между духовенством и расстраивать порядок. Не беда, если отстанешь телом: не отставай от святыни духом».

Особый вид составляли одноразовые, не повторяющиеся крестные ходы, назначаемые по какому-либо исключительно торжественному случаю духовной жизни. Несмотря на то что организовывались они «сверху» — церковными властями и согласовывались со светскими, тем не менее по типу поведения народа, в силу самого повода для торжеств, являлись выражением массовой религиозности. Таким был, напр., крестный ход из Москвы в Свято-Троицкую Сергиеву лавру в сентябрьские дни 1892: по случаю пятисотлетия со дня преставления прп. *Сергия Радонежского*. К этому ходу прихожане московских храмов тщательно готовились, заказывали хоругви с изображением Преподобного, явления ему Богородицы, образами святых — последователей его. Во время хода впереди несли не только более семидесяти хоругвей, но и множество икон, в т. ч. известные всем москвичам чудотворные иконы: *Владимирскую* икону Божией Матери из кремлевского Успенского собора, образ свт. Алевксия из Чудова монастыря,

копии *Иверской* иконы Божией Матери из Иверской часовни, иконы прп. Андроника и Саввы из Спасо-Андроникова монастыря и свт. Стефана Пермского из храма при Первой Московской гимназии».

21 сент. 1892 с раннего утра толпы народа начали стекаться в Кремль, и в 8 часов утра, после краткого молебна, крестный ход двинулся через Спасские ворота по Никольской ул., в сторону Крестовской заставы. Один из участников так охарактеризовал состав и молитвенное настроение шествия: «Величественно, медленно и плавно двигался крестный ход, сплошной массой, запруживая самые длинные и широкие улицы Москвы. Простая крестьянка в оборванном зипуне шла вместе с элегантной дамой, одетой по последней моде; безграмотный мужик шел рядом с ученым профессором — оба с непокрытыми головами, оба с одинаковым благоговением к Великому празднику... Одна мысль, одна молитва одушевляла эту неисчислимую толпу, придавала ей жизнь, сливала всех отдельных лиц в одно громадное целое, имя которому Русская земля».

Очевидцы свидетельствовали, что в пределах Москвы в этом крестном ходе участвовало более 300 тыс. чел. От Крестовской заставы Владимирская икона Божьей Матери и часть хоругвей возвратились в Кремль, а ход двинулся далее, по Троицкому шоссе, и шел до лавры с 21 по 24 сент., с ночлегом в Больших Мытищах и Братовщине. Ночами у костров пели духовные песни. У часовни «Крест», в десяти верстах от Сергиева Посада, произошла встреча москвичей и присоединявшихся к ним по пути богомольцев с крестными ходами из Владимира, Суздаля и Коврова. Из Сергиева Посада навстречу вышли толпы богомольцев. «Многие стояли на коленях и горячо молились, иные от полноты охватившего чувства не могли удержаться от слез». У стен монастыря московских и владимирских богомольцев встретил большой крестный ход лавры. В Троицком соборе, у мощей Преподобного, была совершена вечерня, и всю ночь шел поток богомольцев прикладываться к мощам.

М. Громыко

КРЕСТОВАНИЕ, в Древней Руси *побратимство* через обмен крестов, носимых на шее. Поменявшийся крестами мужчина назывался крестовой, или крестовой брат, а женщина — крестова, крестовая сестра.

КРЕСТОВАЯ КОМНАТА, в XVII—XIX вв. особая комната в доме богатых людей, где специальные домашние священники служили заутреню, часы и вечерню. *Иконы* стояли там наподобие церковного иконостаса, а перед ними находился аналой с книгами и просфора Пресвятой Богородицы, которая имела, по понятиям того времени, благодатную силу и во время трапезы ставилась на столе.

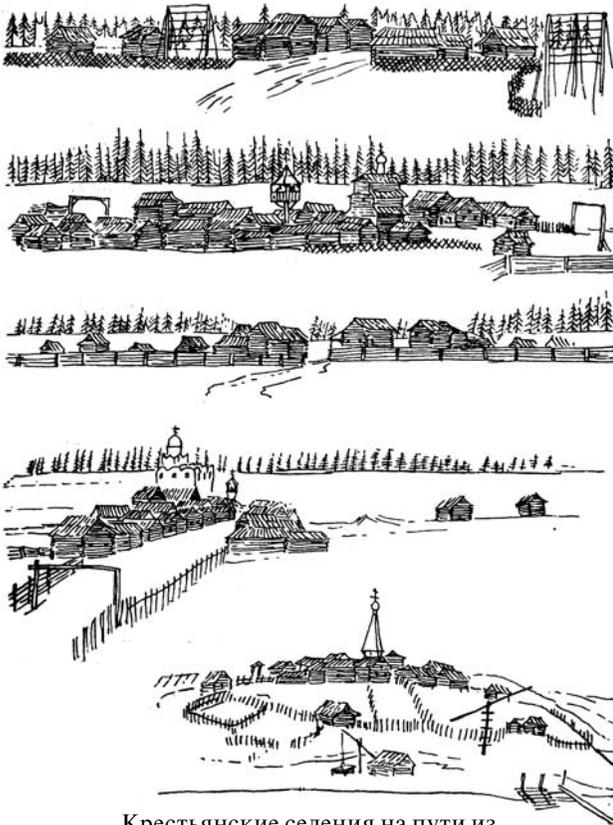
КРЕСТОВИК (крестовый дом, шестистенок), деревянный рубленный дом, состоявший из четырех помещений, образованных двумя взаимно перпендикулярными стенами. В одном помещении располагались *сени*, в др. ставилась *русская печь*, и оно служило кух-

ней, две части, обогревавшиеся печами-голландками, использовались как «чистые» помещения (*горницы*, комнаты, спальни, залы).

КРЕСТОВОЕ БРАТСТВО — см.: **ПОБРАТИМСТВО**.

КРЕСТЬЯНСТВО (слав.: крестьянин — крещеный человек), мужик, землепашец, земледелец, селянин, поселянин, сельский обыватель, принадлежащий к низшему податному сословию (*В. И. Даль*) и живший в условиях *общины*. Слово «крестьянство» встречается в памятниках с к. XIV в. В древности крестьяне назывались еще «люди». Как выделялись крестьяне из первоначальной славянской общины, выяснить невозможно по отсутствию данных. В XIV в. крестьяне составляют уже сословие. Они сидят или на землях частных владельцев, или на «черных» землях. На владельческих землях крестьяне селятся по договору — ряду, который предполагает право свободного перехода на другую землю. Они переходят и из княжения в княжение, причем освобождаются от повинностей и податей в пользу князя на известный срок (10, 15, 20 лет). Попытки ограничения перехода крестьян в другое княжение встречаются, впрочем, довольно рано. В договорах новгородцев с князьями еще в XIII—XIV в. есть запрещение выводить людей из новгородских волостей. В пределах княжеств переход был свободен. Так как некоторые владения по льготным княжеским грамотам освобождались от повинностей в пользу князя на срок или бессрочно, то крестьяне стремились в эти владения с черных земель, чем наносился убыток княжеской казне, и князья иногда ограничивали такой переход. Договорные грамоты крестьян с владельцами земли, порядные, большей частью не восходят ранее XVI в. Если крестьянин занимал разработанный участок, на котором были исправные постройки, то в порядной определяется только размер его участка и повинностей крестьян. Обыкновенно крестьяне несут государственные повинности вместе с волостными людьми, а в пользу владельца поступают взносы деньгами и натурой и исполняются барщинные работы; на обязанности крестьян лежит поддерживать постройки. Если же крестьяне занимают новую землю, которую надо было расчистить и на которой надо было возвести хозяйственные постройки, или землю запущенную, где надо было ремонтировать строения, то они освобождались от повинностей в пользу владельца или несли их в уменьшенном размере в течение определенного числа лет. Иногда владелец давал крестьянам «подмогу» деньгами, хлебом или скотом. Если крестьяне уходили с такого участка, не выполнив своих обязательств, то должны были возратить «подмогу»; ради предупреждения таких неисправностей в порядные вносились неустойки. Если крестьянин делал у владельца заем деньгами («серебро») или хлебом, то давал заемную кабалу. Крестьянин мог уйти с земли до истечения льготных лет, возвратив подмогу и уплатив неустойку. Срока для отказа от земли первоначально для крестьян, по-видимому, не было: крестьяне отходили и на *Рождество Христово*, и в Оборное Воскресенье, и на *Петров день*, и в Оспожин день (*Рождество Богородицы*), и в др. дни. Землевладелец мог также отказать крестьянину и выселить его с земли. Землевладельцы часто нуждались в людях для заселения своих земель и тогда посылали в чужие деревни своих уполномочен-

Крестьянские селения на пути из Пскова в Москву. XVII в.

ных — «отказчиков», которые презывали крестьян на их земли. В таких случаях презывавший нередко принимал на себя уплату по крестьянским обязательствам по отношению к прежнему господину.

Другой разряд составляли крестьяне, сидевшие на «черных», тяглых землях. Они несли повинности только в пользу государя, и так как не были обложены повинностями в пользу частного владельца, то несли государево тягло в большем размере, чем крестьяне владельческие. Черные крестьяне составляли волости, которыми управляли и в которых судили их выборные или назначенные князем лица. Число крестьян в волости меняется, увеличиваясь путем прироста и приема новых членов, если есть лишние земли, или уменьшаясь вследствие выхода и смерти. Крестьяне владели участками потомственно и являлись по ним истцами и ответчиками в судах. Они имели в посадах лавки и торговали в них.

Уже в сер. XV в. замечается среди землевладельцев стремление стеснить выход крестьян. В 1450 белозерский кн. Михаил Андреевич в грамоте Ферапонтову монастырю позволяет крестьянам, сидевшим на земле этого монастыря, выходить только за 2 недели до и неделю после осеннего Юрьева дня, с уплатою монастырю долга. По Судебнику 1497 крестьянам разрешается отказываться только в один срок за неделю до и неделю после осеннего Юрьева дня (26 нояб.), причём крес-

тьянин платит владельцу «пожилое» за двор, а именно: просидевший 2 года — половину, а просидевший 4 года — полную цену двора. Судебник Ивана IV увеличил размер «пожилого» и установил в пользу владельца сбор по 2 алтына с каждого воза увозимой крестьянином рухляди.

Развитие в XVI в. служилого сословия, несшего обязательную службу государству, вызвало со стороны государства меры к обеспечению этого сословия и предоставлению ему материальной возможности нести эту службу. Средством для такого обеспечения являлась раздача служилым людям земель, и в XVI в. в средней России масса «черных» земель переходит в руки служилого сословия в виде поместий. Для тяглых людей такой переход занятой ими земли был очень тяжел. Старое волостное устройство было разрушено. Служилые люди, как мелкие владельцы, нуждавшиеся всегда в средствах, все более и более облагают крестьян повинностями, и те уходят к богатым землевладельцам, за «хребтами» у которых жилось выгоднее и спокойнее. Земли служилых людей пустеют, доходы с них уменьшаются, служилые люди не могут уже нести службы со своих поместий и обращаются к правительству с жалобами на переходы крестьян. Нуждавшееся, в целях государственной обороны, в обеспеченном служилом классе правительство принимает к сердцу эти жалобы и подчиняет интересы крестьянского населения интересам служилых землевладельцев. Рядом мер правительство затрудняет переходы, устанавливая для них определенный срок и вводя уплату вывозимого имущества. Правительство, в интересах фиска, не выпускает крестьян с «черных» земель. Получив «черные» земли, служилые люди не выпускают также крестьян, полученных с этими землями, и образуется группа крестьян-старожилов, лишенных права передвижения. Задолженность владельцу также создавала препятствия для выхода. На практике сложился такой порядок, что крестьянин мог уйти с земли, только покончив денежные расчеты с владельцем.

По вопросу о том, как и когда крестьяне были окончательно прикреплены, высказывалось множество мнений. По Указу 21 нояб. 1597 «которые крестьяне из-за бояр, и из-за дворян, и из-за приказных людей, и из-за всяких людей, из поместий и из вотчин, и из патриарховых, и из митрополичьих, и из владычных, и из монастырских вотчин выбежали до нынешнего... году за 5 лет, и на тех беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и вотчинников, за кем они живут, тем помещикам, из-за кого они выбежали, и патриаршим, и митрополичьим, и владычным детям боярским, и монастырских сел прикащикам и служкам давать суд и сыскивать накрепко всякими сыски, и по суду и по сыску тех беглых крестьян с женами, и с детьми, и со всеми животы возити назад, где кто жил». Указом 21 нояб. 1601 разрешалось мелким чинам не выше дворян возить и отказывать крестьян друг у друга, кроме чинов Московского у., сроком на год, при соблюдении условий правильного отказа. Этот указ повторяется и в 1602. Сверх того, В. Н. Татищев приводит приговор 9 марта 1607, по которому крестьяне, записанные за владельцами по книгам 1592—93 и с тех пор вышедшие за кого иного, возвращаются прежним владельцам. Из этих данных

Русский крестьянин.

что переход крестьян в Юрьев день был отменен законодательным актом, а переходили в XVII в., по его мнению, или те крестьяне, от розыска которых господа отказались, или люди, не попавшие в тягло. Полемика Погодина с Костомаровым выдвинула те условия, при которых выросло крепостное право. Другие историки, допуская существование акта, прикрепившего крестьян, указывали на то, что крепостное право могло явиться и следствием Указа 1597, т. к. правительство, в интересах государственной обороны и фиска, воспользовалось переписью 1592, в которую были занесены все крестьяне, сидевшие на владельческой земле по различным порядным, и как бы признало этих крестьян прикрепленными к земле. В. О. Ключевский совершенно отрицает прикрепление владельцев крестьян к земле и даже отмену права их выхода законодательным актом. Он выводит закрепление крестьян за владельцами из гражданских отношений, из их задолженности владельцам земли. Такие задолжавшие крестьяне, а их было огромное большинство, сближаются по своим отношениям к владельцам с кабальными холопами, которые в к. XVI в. не могли уже приобретать свободу возвращением долга по кабале. В XVII в. крестьяне дают обязательства, ограничивающие права их ухода и представляющие владельцу право распоряжаться в той или иной степени личностью крестьянина. Закрепощаются и крестьянские дети, жившие при отце и не несшие тягла, и попадают, как не привязанные к тяглу, в полное распоряжение владельца. Выход крестьян заменяется их вывозом, и притом с согласия прежнего владельца, а это является с течением времени, по существу, продажей их. Правительство заботилось только о том, чтобы крестьяне выполняли государственные повинности, и сделало владельца ответственным

Татищев вывел, что крестьяне были прикреплены в 1592. Это мнение потом часто повторялось другими исследователями. М. П. Погодин усомнился в существовании особого Указа 1592 о прикреплении крестьян и утверждал, что пятилетний срок был установлен в 1597 только для беглых, т. е. ушедших незаконно, а не для всех крестьян. М. П. Погодин, И. Д. Беляев и К. С. Аксаков указывали на то, что в XVII в. продолжается свободный переход крестьян. Н. И. Костомаров в полемике с Погодиным утверждал,

за уплату этих повинностей. В результате явилось, по мнению Ключевского, прикрепление крестьян к лицу владельца, а не к земле, на которой он сидел. М. А. Дьяконов, подтверждая в общем мнении Ключевского, относит прикрепление крестьян-старожильцев ко 2-й пол. XV и 1-й пол. XVI в., а также указывает, что право суда над крестьянами, представительство за них на суде и ответственность за уплату крестьянином государственных повинностей присваиваются владельцам уже раньше XVII в., как и продажа крестьян семьями и отдельно, и перевод их на новые земли. В. И. Сергеевич оспаривал мнение Ключевского о сближении крестьян с кабальными холопами и применении к крестьянам правил служилой кабалы и о прикреплении крестьян к лицу владельца, а не земли.

В течение всей 1-й пол. XVII в. служилые люди хлопотут о продлении срока для розыска беглецов, и правительство увеличивает этот срок, сначала в частных случаях, а в 1642— в виде общей меры до 15 лет. При Алексее Михайловиче «урочные годы» для сыска беглых были наконец вовсе отменены. Существовали, однако, и в это время еще люди, не записанные нигде за владельцами и, следовательно, сохранившие право распоряжаться своею личностью; они могли садиться на владельческую землю и заключать порядные, но, по Уложению, они должны были заявить о своем желании поступить в крестьянство в Поместном приказе, и приказ, после исследования, действительно ли это люди вольные, делает определение об отдаче их в крестьяне. К к. XVII в. продолжается сближение владельцев крестьян с холопами. С одной стороны, владельцы сажают холопов на землю, с другой — государство стремится обложить холопов повинностями в свою пользу, но закон все-таки строго ограничивает эти две группы населения. Окончательно крепостное право утвердилось в России в к. XVII в., то есть гораздо позже, чем во многих западноевропейских странах (Германии, Австрии, Франции, Венгрии и др.), и охватило около половины всех крестьян, остальные продолжали оставаться свободными. При Петре I произошло слияние крестьян с холопами, как следствие податной реформы. Петр, вместо взимавшейся прежде подати с земли или со двора, переложил подати на души. По произведенной в 1718—22 ревизии были занесены в ревизские сказки крестьяне, сидевшие на пашне холопы, зависимые от другого лица непашотные люди и все неприписанные к сословиям люди. Все попавшие в сказки были обложены податью под ответственностью землевладельца. Этим землевладельцу давалась над крестьянами такая же власть, как над холопами, хотя по закону крестьянин сохранял свои гражданские права. При Петре возникают и новые категории крестьян, кроме владельцевских: «черные» крестьяне, сохранившие свое положение преимущественно на севере, были обложены сверх подушной еще оброчной податью и составили группу государственных крестьян; монастырские крестьяне, переданные в ведение коллегии экономии и получившие название экономических; дворцовые, сидевшие на царской земле и обложенные повинностями в пользу двора; приписанные к фабрикам и заводам (впоследствии получившие название посессионных), независимо от личности владельца фабрики, и однодворцы — потомки измельчавших служилых людей на окраинах Московского государства, записанные в

подушный оклад, но сохранившие право личного земле- владения и даже владения своими крестьянами. При пре- емниках Петра зависимость крестьян от владельцев еще более увеличивается. В 1727 постановлено крестьянские недоимки взыскивать с помещиков, а в 1731 и подушные деньги должны были платить помещики. При Анне Ио- анновне помещиков сажают даже в тюрьмы за крестьян- ские недоимки. Ответственность перед казной давала по- мещикам большие права над крестьянами. При Петре I крестьянам запрещено было вступать по охоте в военную службу, что вело к выходу из крепостной зависимости. В 1730— запрещено покупать недвижимые имения, в 1734— заводить суконные фабрики, в 1736— отправляться на промыслы без разрешения помещика, в 1737— вступать в откупа и подряды. Наконец в 1741 при вступлении на престол Елизаветы Петровны крестьяне были исключены из присяги на верноподданство. В 1760 помещику дано право ссылать неисправных крестьян в Сибирь, причем каждый сосланный засчитывался за рекрута, сланного на службу, и крестьяне лишены права входить в денежные обязательства без разрешения помещика. Правительство не запрещает иметь крестьян безземельным дворянам и, таким образом, считает их прикрепленными не к земле, а к личности помещика. Оно возлагает на помещика забо- ты о крестьянах в неурожайные годы и наблюдение за их порядочным поведением. Таким образом, правительство дает помещикам полицейскую власть над крестьянами.

В условиях продолжавшегося и усиливавшегося за- крепощения русских крестьян самой надежной опорой для них продолжала оставаться община. Даже на поме- щичьих землях за крестьянской общиной и ее выбор- ными представителями сохранялось право на самоуп- равление, на самостоятельное решение хозяйственных и бытовых вопросов, выполнение государственных повинностей (выплата податей, выдвигание рекрутов), регулирование гражданских и семейных отношений, а в ряде случаев — распорядительных функций при вы- полнении повинностей перед помещиком (больше — в оброчных, меньше — в барщинных имениях).

В царствование Екатерины II положение владель- ческих крестьян еще более ухудшилось. Власть над ними помещиков во 2-й пол. XVIII в. была значитель- но расширена. После крестьянских волнений 1765—66 помещику предоставлено право ссылать крестьян за «дерзости» не только в Сибирь, но и в каторгу, а так- же право во всякое время отдавать их в солдаты. В 1767 крестьянам запрещено подавать какие бы то ни было жалобы на помещиков. Владельческие крестьяне не были представлены в Комиссии для составления про- екта нового уложения. Лишены они были и права само- управления, данного учреждениями всем классам мест- ного общества (1775). В жалованной грамоте дворянству (1785) сквозит взгляд на крестьянство, как на частную собственность дворян. Но при неопределенности зако- нодательства относительно крестьян за ними остались некоторые гражданские права. Они имели право начи- нать иски и свидетельствовать в судах, заключать дого- воры и записываться в купцы с согласия помещика, и даже брать откупа за его поручительством. Предостав- ляя помещикам право продавать и отпускать на волю крестьян, закон запрещал торговать ими во время рек- рутских наборов, продавать отдельных людей с аукци-

Крестьянин за работой.

она и отпускать на волю престарелых и увечных, кото- рые не могли прокормить себя сами. Еще до вступления на престол Екатерины II недворянам запрещено было владеть населенными имениями (1754), а служащим, не имеющим дворянского достоинства, предписывалось в течение полугода продать свои имения (1758). Несмотря на то что вопрос об освобождении крестьян был поднят при Екатерине II и обсуждался и в Комиссии (1767), и в Вольном Экономическом обществе и что около милли- она монастырских крестьян было изъято в 1763 из час- тного владения и обращено в особый разряд крестьян государственных, число крепостных в это царство- вание достигло огромной цифры, вследствие щедрых пожалований населенными имениями (было роздано до 400 тыс. душ), в то же время имело место водворе- ние крепостного права в Малороссии. В XVIII в. увели- чивается и количество дворовых крестьян переводом их с пашни на помещичий двор. Сидевшие на пашне крестьяне делились на издельных, или барщинных, и оброчных. Оброчное хозяйство преобладало в нечерно- земных местностях и там, где были развиты кустарные и отхожие промыслы, а также в крупных имениях, в которых помещики не жили. В губерниях с развитым земледелием преобладала барщинная система. Оброк гос. крестьян в 1768 был определен в 2 руб., а в 1783 по- вышен до 3 руб. Ухудшение положения крестьян вызы- вало с их стороны побег, бороться с которыми было трудно и помещикам, и правительству; последнее, с це- лью возвращения беглых, прибегало даже к вызову их для поселения на порожних казенных землях. С другой стороны, протест против тягостей крепостного права выражался в крестьянских волнениях и убийствах по- мещиков. Сильное волнение крестьян в Центральной России началось еще при Петре III и при вступлении на престол Екатерины II распространилось на обширный район. Созыв комиссии для составления проекта уло- жения породил слух о «перемене законов» и вызвал ряд новых волнений. В 1773—74 пугачевщина охватила всю восточную Россию и более 1,5 тысяч дворян сделались жертвами восстания. Отдельные случаи убийств по- мещиков были очень часты, и в одной, напр., Москов- ской губ. за 5 лет было 30 случаев таких убийств. При вступлении на престол Павла I среди крестьян рас- пространились слухи о намерениях нового царя дать им свободу и сопротивлении этим планам со стороны помещиков. Слухи эти послужили поводом к крес- тыанским волнениям в 12 губерниях. Волнения были

Крестьяне Нижнедевицкого у.

подавлены, а Указ 3 апр. 1797 повелевал «всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более что для сельских издольцев остающиеся в неделю 6 дней, по ровному числу оных вообще разделяемые, как для крестьян собственно, так и для работ их, в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении доступны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям». Указ этот, впрочем, мало облегчил участь крестьян, так как редко имел практическое применение. При имп. Павле раздача казенных населенных имений частным лицам продолжалась в еще более широких размерах, чем при его предшественнице; всего роздано было 265 тыс. душ. Александр I прекратил раздачу крестьян. Начало нового царствования обещало улучшение их положения. Император, подобно Екатерине I, был занят мыслью о постепенном освобождении крепостных. В 1808 отменена была ссылка крестьян помещиками в каторжные работы, а в 1811 и ссылка на поселение (впрочем, восстановленная в 1822); с 1804 запрещено сдавать крестьян в рекруты ранее 3 лет по совершении купчей на них, затем запрещено было продавать людей на ярмарках и торгах и давать доверенность на продажу крестьян в одиночку и без земли. Все эти меры относятся к 1-й пол. царствования Александра I, во 2-ю пол. планы об освобождении крестьян были оставлены и существенных улучшений в их положении не было, хотя слух о предстоящем освобождении продолжал циркулировать среди крестьян и в 1818—20 вызвал движение. Толки об освобождении возобновились при воцарении имп. Николая I, что повело за собою крестьянские волнения в губ. Вологодской, Псковской, Смоленской, Курской и Киевской. По этому поводу 12 мая 1826 был издан манифест в опровержение таких слухов, а 9 авг. того же года велено было судить нарушителей спокойствия военным судом. Побег крестьян заставили правительство озабочиться решением этого вопроса, и в 1827 велено не возвращать беглецов из Новороссии, где их оказывалось довольно много, владельцам, а в случае открытия здесь беглых выдавать владельцам по 250 руб. за мужчину и по 150 руб. за женщину; в том же году было ограничено право ссылки крестьян в Сибирь установлением предельного возраста ссылаемых (не старше 50 лет) и запрещено различать ссылаемых с женами и малолет-

ними детьми. Тогда же была установлена наименьшая норма крестьянского земельного надела в размере 4,5 дес. на душу. С 1833 запрещено выдавать долговые обязательства, обеспеченные крестьянами без земли, а также продавать и иным образом отчуждать крестьян в розницу. С 1841 запрещено покупать крестьян лицам, не владеющим населенными имениями, и раздроблять крестьянские семьи. В 1842 определено законом право помещика наказывать крестьянина; только преступления, не влекущие за собою лишения прав и совершенные по отношению к крестьянину того же помещика, самому помещику или членам его семьи, подлежали суду помещика; по таким же преступлениям, совершенным по отношению к постороннему лицу, помещик мог судить только с согласия этого последнего лица; самое наказание в таких случаях ограничивалось 40 ударами розог, 15 ударами палок, арестом не свыше 2 мес.; только в особо важных случаях помещик мог отсылать таких преступников в смиренный дом не дольше как на 3 мес. и в исправительные арестантские роты не свыше 6 мес.; с 1844 запрещено наказывать крестьян «трехременной» плетью.

Тем не менее борьба крестьян против помещиков не прекращалась. В 1-й пол. XIX в. от 60 до 70 помещиков ежегодно оказывались убитыми своими крестьянами — «ибо таково национальное средство, к которому прибегает русский крестьянин, чтобы выразить свой протест» (А. И. Герцен). Половина из помещиков, убиваемых своими крепостными, погибли вследствие покушения на честь крестьянских девушек.

Принимаемые правительством меры не успокоили крестьян, волнения и случаи убийства помещиков не только не прекращались, но, напротив, учащались, и к сер. XIX в. серьезно назрел вопрос об освобождении крестьянства, хотя во влиятельных сферах такое решение не встречало сочувствия.

19 февр. 1861 Александром II было подписано Законоположение об освобождении крестьян, а 5 марта опубликован Манифест об этом великом событии. Однако, несмотря на освобождение, крестьяне оказались в тяжелом положении, ибо были вынуждены платить помещику выкуп за свою землю. «Положение» не экспроприовало помещичье право собственности на землю; экспроприация полная, безусловная и не вознагражденная последовала только относительно владения крестьянскими душами, что же касается земли, то здесь за помещиками номинально было признано право собственности на всю досель принадлежавшую им землю, но это право было чрезвычайно сильно ограничено. Крестьянам в бессрочное пользование была отдана земля, принадлежавшая помещикам, которые вопреки этому не могли ни в каком случае. Правда, правительство объявило о вознаграждении помещиков за это крестьянское пользование их землями, но размер вознаграждения был предопределен законом. Усадьбаная же собственность могла быть даже покупаема крестьянами у помещиков без согласия последних также за регулируемую законом плату.

Операция выкупа представляла свои выгоды для помещиков, потому что выкупная сумма определялась капитализацией оброка — платежа, установленно-го за пользование наделом, оброк же был установлен

«Положением» высокий, выше обычной в те времена арендной платы. Эта высокая норма являлась со стороны правительства уступкою той помещичьей партии, которая жаловалась на неминуемое грядущее свое разорение и которую пожелали вознаградить за утрату дарового крепостного труда косвенным путем, искусственным возвышением нормы оброка. Вследствие этого и выкупная сумма (т. е. капитализованный из 6% оброк), также оказалась довольно высокою. Статистика обнаруживает, что до н. 1877 число утвержденных выкупных сделок было равно 61,784 (в 37 губ., устроенных на «общем положении»); из этого числа по обоюдному соглашению помещиков и крестьян было заключено лишь 21,598 сделок (т. е. 35%), а по требованию помещиков — 40,186 (т. е. 65%). Уже эти цифры сами по себе показывают, что выкупные операции были выгодны помещикам. Но кроме того, они были и нужны им, вследствие крайней задолженности владельческого класса в момент эмансипации.

Исследователи выкупной операции давно отметили тот факт, что помещики особенно стремились обязать крестьян выкупить землю в тех губерниях, где земля была не так плодородна, т. е. в губерниях нечерноземных, население коих охотно прибегает к отхожим промыслам.

Задолженность помещиков, сильная нужда в наличных деньгах, вызванная коренным переворотом всего сельского хозяйства, наконец, недостаток в кредитных учреждениях от 1859, когда старые учреждения перестали выдавать ссуды, когда начали устраиваться новые земельные кредитные банки, — все это сильно способствовало успеху и быстроте выкупных сделок. Что касается крестьян, то хотя выкупная операция и делала их собственниками, но будущее благосостояние их этою мерою далеко не везде упрочивалось, как показали ближайшие десятилетия. Слишком высокие выкупные платежи оказывались очень часто совсем не под силу крестьянству, и довольно большая часть его впала в хроническую нужду и недоимочность. 28 дек. 1881 последовал даже Именной Высочайший указ, понижавший выкупные платежи на 1 руб. с душевого надела (для вообще всех губерний, где действовало «великороссийское положение») и в 6% с годовой суммы выкупного платежа для местностей «малороссийского положения». Сверх того было установлено и особое, специальное понижение выкупных платежей для тех мест, где крестьянское хозяйство по ближайшем исследовании оказалось бы особенно расстроеным. Правительство установило обязательный с 1 янв. 1883 выкуп земли у помещиков крестьянами, еще оставшимися «временно обязанными».

Что касается экономического устройства крестьян не помещичьих, но государственных, то здесь дело обстояло так. Еще в 1861 было решено, что, в общем, устройство быта государственных крестьян должно совершиться на тех же основаниях, как и крестьян владельческих, но окончательно быт их был определен лишь «Положением» 24 нояб. 1866. По этому Положению за обществами государственных крестьян сохранены их наделы, и каждое общество получило на право владения особую «владенную» запись, за что они должны ежегодно делать в казну определенный взнос: «государственную оброчную подать».

Домашние занятия крестьян Землянского у.

Государственные крестьяне оказались счастливее помещичьих, ибо земли они получили больше, а государственная оброчная подать была в два с лишком раза меньше выкупных платежей, коими обязались предказно крестьяне помещичьи. К этому остается добавить, что Законом 12 июня 1886 правительство увеличило общую сумму государственной оброчной подати до 49 млн., переименовало ее в «выкупные платежи» и предначертало погашение этой суммы на 44 года, считая от 1 янв. 1887.

Удельные крестьяне были освобождены от крепостной зависимости еще Указами 1858 и 1859, ибо относительно их освобождения воля Государя не могла встретить тех задержек и препятствий, как при освобождении крестьян помещичьих; но только в чисто юридическом отношении реформа быта удельных крестьян опередила реформу быта владельческих. Что касается аграрного их устройства, то эта сторона эмансипации несколько замедлилась. Лишь 26 июня 1863 было утверждено «Положение», урегулировавшее экономическое устройство удельных крестьян. Это «Положение» с точки зрения благожелательности к крестьянским интересам и стремления всюду жертвовать интересами удельного ведомства в пользу крестьянского сословия занимает исключительное место в истории эмансипации: удельное ведомство отдало крестьянам в собственность те земли, которыми они доселе пользовались, а выкупными платежами должны были впредь служить те платежи, которые они до сих пор уплачивали за пользование землями ведомства. В течение 49 лет эти платежи должны были погасить выкупную сумму; выкупной срок начался через два года по утверждении Положения, т. е. 26 июня 1865.

Реформа была объявлена 5 марта 1861; до 19 февр. 1863 крестьяне должны были исполнять в пользу помещика все работы и повинности на дореформенном основании, и только право телесных наказаний было несколько ограничено относительно дворовых и почти совсем уничтожено (фактически) относительно наделных. Полное осуществление основных положений 19 февр. началось, таким образом, лишь спустя два года по утверждении великой реформы; но уже за эти два года повсеместно определились контуры крестьянского быта, реформированного на новых началах.

Несмотря на тяжелейшие испытания крепостничества, большинство русских крестьян удалось сохранить личность и самобытность. Этому, безусловно, прежде

всего способствовала община, ставшая для крестьян своего рода бастионом внутренней жизни. Несмотря на два века неволи, крестьяне сумели сохранить большинство традиционных ценностей своей культуры.

Вся жизнь крестьянина в общине обуславливалась чувством общности, неразрывной связи с окружающими людьми, непротивопоставления своих интересов интересам окружающих. Члены общины знали друг о друге все. Община неформально осуществляла строжайший социальный контроль, цензуру нравов, от которой невозможно было укрыться. На крестьянских сходах решались самые разные вопросы, в том числе семейные. Разбирались взаимоотношения различных членов семьи, родителей и детей.

В этих условиях частная личная жизнь крестьянина (в современном понимании) практически не существовала. Он жил в миру и был человеком мира. Отдельная крестьянская личность растворялась, поглощалась, сливалась с сельским миром. Праздники и похороны, именины и свадьбы справлялись у крестьян всем миром, с миром у крестьянина связывались все радости, горести, успехи, прибыли.

И крестьяне старались держаться вместе, не выбиться из «мира». «Как все, так и мы» — распространенная крестьянская присказка.

Высокий духовно-нравственный потенциал традиционной крестьянской культуры оставлял мало места для всяких видов духовного разложения.

«Взгляните на русского крестьянина, — восклицал А. С. Пушкин, — есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна, проворство и ловкость удивительны...».

«Русский крестьянин, — писал А. И. Герцен, — многое перенес, многое выстрадал; он сильно страдает и сейчас, но он остался самим собою. Замкнутый в своей маленькой общине, оторванный от собратьев, рассеянных на огромных пространствах страны, он нашел в пассивном сопротивлении и в силе своего характера средства сохранить себя; он низко склонил голову, и несчастье часто проносилось над ним, не задевая его; вот почему, несмотря на свое положение, русский крестьянин обладает такой ловкостью, таким умом и красотой».

С. Ю. КРЕЩЕНИЕ (Крестины), первое христианское Таинство, внешний акт принятия в церковное общество.

Прежде совершения Таинства Крещения бывает наречение имени, которое дается человеку в честь кого-либо из Святых Православной Церкви. При этом священник троекратно осеняет его *крестным знаменем* и молит Господа быть милостивым к этому человеку и, по присоединении через крещение к святой Церкви, сделать его участником вечного блаженства. Когда же наступит время крещения, священник молит Господа изгнать из этого человека всякого лукавого и нечистого духа, скрытого и гнездящегося в сердце его, и сделать его членом Церкви и наследником вечного блаженства; крещаемый же отрекается от дьявола, дает обещание служить не ему, а Христу, и чтением Символа веры подтверждает свою веру во Христа как Царя и Бога. Когда же крестят младенца, то отречение от дьявола и всех дел его, а равно и Символ веры, произносят от его

лица *восприемники*, т. е. *крестный отец* и *крестная мать*, которые являются поручителями за веру крещаемого и принимают на себя обязанность научить его вере, когда он придет в возраст, и заботу о том, чтобы он жил по-христиански. Затем священник молит Господа освятить воду в купели и, отогнав от нее дьявола, сделать ее для крещаемого источником новой и святой жизни и при этом трижды делает в воде знамение креста сначала своей рукой, а потом освященным елеем, которым он помазывает также и крещаемого в знак милости Божией к нему. После этого священник троекратно погружает его в воду, произнося: «Крещается раб Божий» (причем упоминает его имя) «во имя Отца, аминь; и Сына, аминь; и Святаго Духа, аминь». На крещеного возлагаются белая одежда и крест. Белая одежда служит знаком чистоты *души* после крещения и напоминает ему, чтобы он и впредь сохранял эту чистоту, а крест служит видимым знаком его веры в *Иисуса Христа*. Сразу же после этого совершается Таинство Миропомазания. Священник помазывает крещеного св. миром, делая им знак креста на разных частях тела с произнесением слов «печать (т. е. знак) дара Духа Святаго». В это время невидимо подаются крещеному дары Св. Духа, при помощи которых он возрастает и укрепляется в жизни духовной. Чело, или лоб, помазывается миром для освящения ума; глаза, ноздри, уста, уши — для освящения чувств; грудь — для освящения сердца; руки и ноги — для освящения дел и всего поведения. Троекратное затем хождение священника с новокрещеным и его восприемниками кругом купели есть знак торжества и радости духовной. Возжженные свечи в их руках служат знаком духовного просвещения, а крестовидное пострижение волос на голове крещеного делается в знак его посвящения Господу.

Для русских людей обряд церковного крещения младенца был связан с целым рядом древних обрядов, знаменующих прием новорожденного в *общину*. Конечно, основным здесь являлись христианские моменты, особенно Таинство Крещения; весь обряд назывался «крестины», а действующие в нем лица — кум и кума (*см.*: Крестные отец и мать).

Отец новорожденного ребенка и в этой части обрядов вел себя пассивно. Когда совершалось Таинство Крещения, он, так же как и мать ребенка, в церкви не присутствовал. Его отсутствие объяснялось, по-видимому, тем, что он в связи с рождением ребенка считался нечистым, оскверненным. Во время обрядовой трапезы отцу окрещенного ребенка давали *ложку* крепко посоленной каши (т. н. «пересол»), иногда с острыми приправами и вином, и отец должен был съесть эту отвратительную смесь. *А. Максимов* считал это обрядом испытания, которому должны подвергаться молодые люди при достижении совершеннолетия.

Что касается крестных родителей, то их на крестинах рассматривали как представителей общины, как посредников между общиной и отцом ребенка. У русских в древности был широко распространен такой обычай: если первый ребенок умрет, ко второму было принято приглашать в кумовья первых встречных. Для этого шли на *перекресток* в деревне или прямо к церкви и по дороге находили нужных людей. Вполне понятно, что этих «божьих кумов» считали представителями

общины, т. к. в этих случаях выбор ни в коей мере не зависел от личного желания приглашающего. Древний обычай требовал, чтобы крестные избирались не из числа родственников. Отношение родителей новорожденного к куму и куме всегда и везде было преисполнено уважения.

В Кобринском у. Гродненской губ. крестная мать на несколько секунд клала своего крестника под *печь*, а затем трижды обносила его вокруг стола; совершенно очевидно, что таким образом ребенка принимали под родной кров, в число членов данного рода.

Принимались меры по охране ребенка от *нечистой силы* («*обереги*»), т. к. считалось, что иначе нечистый может с легкостью, особенно до крещения новорожденного, подсунуть вместо него другого ребенка, а такие «обменки» (*малорос.* «обмінча») очень прожорливы и тупоумны. Крестьяне Полтавщины передавали ребенка крестной матери через лежащий на пороге дома топор; при возвращении с крестин крестная мать должна была снова переступить через порог. Белорусы Минской губ. при крещении клали в уши новорожденного соль.

Если дети в доме рано умирали, крестные родители пытались обмануть *болезнь*: после крещения ребенка они приносили его во двор и клали в корыто, из которого поят лошадей, передавали его через окно, а не в дверь, и т. д.

Однако основными в день крещения являлись те магические действия, цель которых — обеспечить новорожденному быстрое развитие, богатство и т. п. До и после крещения ребенка клали в мохнатый мех — символ *богатства*. *Горшок* с ритуальной кашей повитуха подавала на стол в меховой шапке.

В Корочанском у. Курской губ. новорожденную девочку передавали крестной матери через *прялку*, чтобы она выросла искусной пряхой, а мальчика — через порог, чтобы он стал «хранителем дома».

Существовал обычай приглашать на крестинный обед всех жителей деревни, хотя приходили, конечно, не все. У русских в некоторых местностях (Васильсурский у. Нижегородской губ., Ржевский у. Тверской губ.) на крестинную кашу приходили дети в возрасте до 7—8 лет со всей деревни; это были в основном дети того же пола, что и новорожденный. Обращаясь к женщине, готовящей еду, хозяин дома полушутя говорил о собравшихся детях: «Сажай их обедать, чтобы они нашего N (новорожденного) в крапиву не посадили». В других местах каждый гость уносил с крестинного обеда немного каши в платке для своих детей, т. е. дети, хотя и не присутствовали на крестинной ритуальной трапезе, тем не менее принимали в ней участие.

Наконец, все взрослые гости во время крестинного обеда непременно клали немного денег на ритуальное кушанье, будь то *каша* или *пирог*; часть этих денег получала повивальная бабка, но основная сумма предназначалась роженице. В обычае приглашать на крестинный обед всех жителей деревни содержалось прямое указание на то, что община берет новорожденного и его мать под свою защиту.

Во время крестинного обеда крестные родители высоко поднимали правой рукой обрядовый пирог и, подняв, разламывали (Сергачский у. Нижегородской губ. и др.); горшок с кашей русской также поднимали высоко

вверх и на какое-то время ставили его на полку, приделанную под самым потолком. Остатки вина из стаканов хозяин дома и гости плескали в потолок. Отец новорожденного, съев пересоленной каши, забрасывал ложку на полати и иногда прыгал по избе. У белорусов прыгала также повивальная бабка, после того как ей дарили *платок* на голову. Цель этих магических действий — обеспечить быстрый рост новорожденного.

К крестинному обеду обычно подавали 2 каши — одну от хозяина дома, а другую — от повитухи; сама эта трапеза у русских носила название «каши». Каша повитухи, как правило, была очень крутая, пшенная или гречневая; иногда ее варили с *медом*. Горшок из-под этой каши обычно разбивали тут же на столе, что магически символизировало обновление жизни. На Волыни черепки такого горшка бросали в огород, чтобы хорошо уродилась тыква. У севернорусских кум с кумой ели эту кашу черенками ложек. Гости старались съесть кашу побыстрее, чтобы новорожденный рано начал говорить; с этой же целью крестные отец и мать должны были как можно больше разговаривать. В Ржевском у. Тверской губ. дети выбегали с кашей из избы, а затем, съев кашу, клали в пустую посуду петуха или курицу (в зависимости от пола новорожденного) ногами вверх; все это делалось для того, чтобы новорожденный научился петь и быстро бегать.

У русских крестный отец приносил ведра с водой для крещения в руках, не пользуясь коромыслом; это должно было предохранять ребенка от сутулости. Крестная хватала кусок льняной ткани («повой»), на котором ребенка вынимали из купели, и как можно быстрее бежала к реке, чтобы выстирать ткань, — тогда и ребенок научится быстро бегать. После обеда перед возвращением домой крестные отец с матерью немного отдыхали, чтобы ребенок был тихим и спокойным.

Повсеместно было распространено такое *гадание*: отрезанные во время крестин волосы ребенка закатывали в воск и кидали в воду купели. Считалось, что если они потонут, ребенок умрет. Гадали также на ложках, которыми ели кашу на крестинах; если брошенная за спину ложка падала вверх выпуклой стороной, то у роженицы родится еще один мальчик, если же наоборот, то девочка.

Русским было чуждо представление о нечистоте крещеного ребенка. В то же время считалось, что опасность, угрожающая ему со стороны нечистой силы, для него так же велика, как и для его матери. Были места (Тверь), где ребенка не купали в течение шести недель после крещения, опасаясь вызвать т. н. «цвет», т. е. молочницу во рту ребенка. До крещения ребенок — не кто иной, как чертенок, т. е. вдвойне нечистый; в этот период его не клали в *колыбель* и не надевали на него рубашечку.

В день после крестин малороссы устраивали еще один праздник, т. н. «похристини», «продирини», «очедерини»: гостей принимали в честь ребенка, чтобы он рос зорким и разумным («оченята продирать дитини»). Гости и повитуху угощала сама роженица. Иногда ребенку клали деньги. После еды гости везли повитуху в трактир, иногда на бороне. Угощение в трактире либо оплачивала из своего скудного вознаграждения повитуха, либо это делала в складчину родная роженица.

Осознанное признание необходимости крещения составляло и составляет важнейший элемент массового религиозного сознания русских. Т. А. Листова, исследовавшая вопрос о массовых воззрениях русских на крещение по материалам архивным и полевым (сборы последних десятилетий в разных регионах России), пишет: «С точки зрения русского православного человека, крещение — это второе рождение человека и, более того, это рождение собственно человека «по образу и подобию Божьему». До крещения новорожденный казался нечистым, как говорили в народе, «Не крещеный ребенок — чертенюк». Он и внешне непривлекателен: пахнет потом, лицо красное, тогда как после крещения и лицо у него белеет, и сам пахнет хорошо». Ужасались тяжелой загробной жизни младенцев, умерших неокрещенными, — «они на том свете не увидят света белого». В церкви поминать некрещеных младенцев нельзя, поэтому стремились отомолить таких детей — «окрести их, Господи, в море шедрот Твоих и спаси неизреченною Твоею Благодатию».

Широко было распространено поверье, что мать может помочь своему умершему до крещения ребенку, если раздаст 40 крестиков детям. Обычно это делается через церковь, чтобы крестики надевали на крещаемых младенцев. Надевались, что тогда Бог освободит умершего некрещеным, «из темного места посадит в светлое и крещеным». Младенцы, умершие окрещенными, становились ангелами Божиими. На основании многочисленных свидетельств письменных источников и устных бесед Т. А. Листова приходит к заключению: «Крестьяне были уверены в том, что их невинные дети не только станут ангелами, но их молитвы за оставшихся на земле будут особенно действенными».

«По убеждению русских людей, таинство крещения давало надежную защиту вступающему в полную опасностей жизнь маленькому христианину <...>. С того момента, как Ангел принесет душу, и до обретения ею положенного места на «том» свете жизнь человека постоянно находится в поле внимания ангелов. <...> Кроме того, получая при крещении определенное имя, ребенок приобретал и своего ангела-покровителя — святого, в честь которого он был назван. «Свои» святые были очень почитаемы в народе. Каждый православный старался иметь дома икону с его изображением. В день ангела (именины) младенцев приносили в церковь для причащения, а взрослые в этот день сами заказывали молебен своему небесному покровителю».

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991; Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000.

КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ (Богоявление), христианский праздник в память того дня, когда тридцатилетний Иисус Христос явился на берега Иордана, где его крестил Иоанн Предтеча. В этот день было явление Пресвятой Троицы и, в особенности, явление Божества Спасителя, торжественно вступившего в Свое спасительное служение.

Праздник Крещения Господня отправляется так же, как и праздник *Рождества Христова*. Накануне совершаются Царские часы, литургия Василия Великого и Всенощное бдение, начинающееся Великим повечерием. Особенность этого Праздника составляют два великих водоосвящения, так называемых в отличие от

малого, ибо малое водоосвящение может совершаться во всякое другое время.

Первое великое водоосвящение бывает накануне праздника в храме, а другое — в самый праздник под открытым небом на реках, прудах, колодцах. Первое в древности совершалось для крещения оглашенных и уже впоследствии обращено было в воспоминание крещения Господня, второе же, вероятно, произошло от древнего обыкновения иерусалимских христиан в день Богоявления выходить на реку Иордан и здесь вспоминать крещение Спасителя. В Древней Руси этот день — 6/19 янв. — назывался Водокрещи или Иордань, т. к. церковные процессии для водосвятия на реки принимались за выходы на Иордань. По народному верованию, на день Богоявления, как на *Пасху*, Ивана Купалу и Рождество Христово, играет солнце. Многие верили, что в Богоявленную ночь открывается небо, и потому она считается самым благоприличным и удобным временем молитвы к Богу обо всем. Многие русские мужчины в этот день после водоосвящения окунались в проруби рек для очищения себя от прежних *грехов*. Об этом обыкновении свидетельствуют иностранные писатели и путешественники, посещавшие Россию в XVI—XVIII вв. Барон Герберштейн, бывший в Москве в XVI в., свидетельствовал, что в его время многие из русских купались в иорданской проруби; тут можно было видеть даже отчаянно больных, которые не имели никакой надежды на выздоровление. Если верить Маржерету (н. XVII в.), то на Богоявление погружались в воду наши цари и вельможи. То же самое замечают и другие иностранцы, описывавшие нравы России до к. XVIII в.

В основе зимнего купания русских лежит древний языческий обычай ритуального очищения *водой*.

На Крещение русские крестьяне гадали о погоде и урожае в наступающем году: «В Крещение метель, и на Святой — метель». — «На Богоявление день теплый, хлеб будет темный», т. е. густой. — «На Богоявление снег хлопьями — к урожаю; ясный день — к неурожаю». — «В Крещение в полдень синие облака — к урожаю». — «Коли прорубь в Иордани полна воды, разлив будет большой» и т. п. Наконец, нельзя не заметить еще, что праздником Богоявления завершались т. н. *Святки*, и с ними прекращались все народные святочные развлечения и забавы, переряживания и *гадания*. Название Святки, т. е. святых дней или вечеров, относилось к 12 дням. По древнерусскому верованию, в продолжение святых вечеров нисходит с неба и странствует по земле новорожденный Бог, и потому всякая работа считалась за великий грех. Что касается празднования Святки, то на это можно находить указания в беседах и словах, произнесенных Отцами Церкви в течение 13 дней от 25 дек. по 6 янв., именно: св. Амвросием, Григорием Нисским и др. Св. Амвросий в одной беседе говорит: «Господь рождением Своим на земле принес свет и людям, и дням». Самое явление Божества сопровождается чудесными знамениями, особенно в полночь накануне Рождества Христова и Богоявления. Тогда отверзаются небесные врата; пресветлый *рай*, в котором обитает солнце, открывает свои сокровища; воды в реках и источниках приходят в движение и при этом претворяются в вино; на деревьях являются цветы и зреют золотые яблоки. В эти таинственные часы Божество принимает

молитвы людей и рассыпает щедрые дары на весь мир: многие верят, что о чем кто помолится отверстому небу, то и сбудется. Очевидно, что в этих народных представлениях о святых вечерах выражаются мифические понятия о том, что земной поворот солнца служил к благодатному возбуждению творческих сил в природе. Но в христианскую эпоху верования эти приурочились к празднику Рождества Христова — времени рождения Солнца Правды — Христа Бога.

В народе праздник Крещения Господня назывался водокрестием, водокрещами (от совокупности двух освящений воды: одного накануне — внутри храмов, другого — в самый день Крещения — на ближайшей реке или озере).

Впрочем, нередко этим словом выражалось и более продолжительное время: «от оспожинок до водокрещей минуло», говорит присловица. В народе сохранялось убеждение в том, что в Богоявленную ночь, перед утреней, открывается небо и требует особенного подъема в молитвенном настроении. Для изгнания бесовского наваждения в часы крещенского сочельника на дверях и окнах хат и надворных строений было принято ставить кресты мелом.

В глухих местностях необъятной Руси в Богоявленную ночь совершали изгнание *нечистой силы*: толпа молодых парней верхом на лошадях носилась по всем дворам, била метлами и кнутами по всем темным углам и закоулкам с заклинанием, криком и визгом. Несмотря на стоящие обыкновенно в это время года лютые морозы «крещенские», благочестивые, но грешные и смелые люди считали своею святою, непременною обязанностью окунуться в прорубь возле «Иордани» и смыть с себя тяжкие грехи святочных игр, ряженья и маски. Ревнителю старины, бережно охранявшие суеверные славянские обычаи, малороссы и белорусы, принимали этот мороз за грозную, немилостивую силу природы и умилостивляли его особым жертвоприношением, заимствованным от седой старины. Накануне Крещения, в третью, т. н. «голодную», кутью одну ее ложку бросали за окно и звали «Мороз» прийти разделить трапезу. Если трещали углы в хате — значит, сам мороз зимой уйдет, если нет — стало быть, придет лето и познобит гречку. При этом в Белоруссии сохранялся обычай связать веревкой ножки стола, чтобы лошади не хворали и были в рабочую пору сытыми. Как велико всегда было значение этого праздника на Руси, сопровождаемого освящением воды, видно из слов одного чужеземца, который писал, что число народа, собиравшегося в день Богоявления на Москву-реку, простиралось до 400 тыс. чел.

В крещенский сочельник девушки пекли *пирогои* и выходили с ними в морозную ночь кликать суженого, стараясь узнать свою судьбу, кидали сапожки и пр., по сиянию звезд на небе, по погоде, при какой выступил крестный ход, по тому, как высоко поднялась вода на реке в устроенной «Иордани», старались угадать о будущем. Старухи убирали снег со стогов с полною уверенностью, что только он может выбелить всю холстину, бросали его в колодезь в том глубоком убеждении, что только от него может быть спорина и подспорье, хотя бы во все лето не было ни одной капли дождя. Этим же снегом исцеляли разные немощи. В Белоруссии, кроме

того, собирали еловые ветви, поставленные на «Иордани», которую было принято украшать сколь возможно благолепнее, и хранили их около образов, как *вербу*, чтобы окуривать, для изгнания нечистой силы, свои хаты, бросали по амбарам от крыс и мышей и, настояв ими воду, поили лошадей, чтобы они не надорвались в работе, и пр.

С ранних времен мы видим некоторое внешнее отличие обрядов, совершавшихся на севере, гл. обр. в Новгороде, от московских. Так, при освящении воды здесь употреблялись чаши с ручками по бокам и тисненными выпуклыми гранями. Новгородский митрополит после погружения креста в воду и освящения ее, зачерпнув воды этою чашею, приобщался сначала сам, а затем приобщал царского боярина, воеводу, дьяков, священника и весь народ. Накануне, при освящении воды, зажигались три витые «государские» свечи, а в отличие от московского устава праздничный тропарь «Во Иордане крещающуся» не пели, а читал протоиерей, держа перед владыкою-митрополитом названную чашу. Во время чтения Апостола сослужащие творили перед ним поклонения по двое в ряд, затем, по выносе из алтаря Евангелия, старший протоиерей читал его и подносил святителю, который отходил с горнего места, поддерживаемый двумя священниками, к престолу. В самый день Богоявления часы перед литургией читал не дьяк, а священник. На большом выходе выносили т. н. сионы, особенные церковные сосуды, составлявшие новгородскую принадлежность, потиры, крест, кроовы, судари, кратиры с иорданскою водою и пр. Нечего и говорить, что здесь не было той торжественности и благолепия, которыми всегда отличались празднования в первопрестольной столице русских государей, Москве. В XVI—XVII вв. цари являлись на этот праздник в полном блеске своего сана: в одеянии из дорогой материи, с богатыми украшениями из драгоценных камней и жемчуга, в царском венце, блиставшем алмазами, изумрудами, яхонтами, с богатою «диадемою» на плечах и с золотой цепью, на которой находился крест с частицами Животворящего Креста и Ризы Господней; в руках у них был золотой жезл, украшенный драгоценными камнями; башмаки царя были унизаны жемчугом. Со всех концов России съезжались в это время в Москву, чтобы видеть торжественный обряд освящения воды, совершавшийся патриархом на Москве-реке, где была устроена «Иордань», расписанная золотом, серебром, украшенная шелковыми цветами, зелеными листьями, с изображением птиц, вырезанным из медных листов. В 4-м часу дня, или, по-нашему, в 12 час. дня, патриарх начинал службу в Успенском соборе, и, когда звон колоколов на Иване Великом воззвал об этом народу, начиналось шествие, которое открывал отряд стрельцов, численностью в 600 чел. и больше, по 4 в ряд, одетых в цветное лучшее платье, с золочеными пищалями и винтовками, ложи которых были украшены перламутровыми раковинами, другие — с золочеными копиями и, наконец, третьи — с нарядными золочеными протазанами (род алебарды); древки их были обтянуты желтым или червчатым атласом, с золотым галуном, и украшены шелковыми кистями. За ними шло духовенство в крестном ходе, заключавшееся особой патриарха. Затем шествие государя открывалось нижними

чинами, по 3 в ряд: сначала те, которые одеты были в бархатные кафтаны, затем — в золотных кафтанах и богатых шубах. За царем, поддерживаемым под руки двумя стольниками из ближних людей, постельничий нес «царскую стряпню», т. е. *кафтан, зипун, шапку, шубу*, посох и т. д., все, во что царь одевался на «Иордани». Трое стряпчих несли царское полотенце, стул и подножье. «Для обережения государева шествия от утеснения нижних чинов людей» по обе стороны царя шли стрелецкие полковники в бархатных кафтанах. На «Иордани» приготовлены были уже места для патриарха и царское, отделенные от народа решеткою и балюстрадаю, покрытою красным сукном, и занавешенные сукном или тафтою. Самый обряд водосвятия совершался так: патриарх раздавал всем, начиная с Царя, свечи и совершал «действие по чину»; во время погружения креста в воду, при пении тропаря, подносили знамена для окропления. Патриарх черпал серебряным ведром воду из «Иордани» и отдавал ключарю, наполнив также водою «государеву стопу», которую относили во дворец для окропления комнат, осеняя царя крестом, кропил св. водою и поздравлял с праздником. Царь со своей стороны поздравлял патриарха и принимал поздравления от бояр, один из которых говорил речь. По окончании торжества на «Иордани» усталый царь уезжал в санях, а у патриарха, точно так же, как и у новгородского владыки, был стол. Если крестный ход бывал до обедни, то с «Иордани» государь иногда ездил к обедне на Троицкое подворье, где была церковь Богоявления; иногда возвращался в Успенский собор и, отслушав там молебен или отпускную молитву, шествовал во дворец.

В Богоявленский день 1700, когда на всю Россию объявлен был новый гражданский год, Петр I уже не являлся на крещенском параде во всем «царском великолепии». В 1699, в праздник Богоявления, Петр I участвовал в крестном ходе на водосвятие, совершавшееся на реке Неглинной, в Москве, и, в качестве капитана Преображенского полка, шел вместе с полком и хором музыки. Преображенцы были в зеленых, а семеновцы — в голубых мундирах. Около «Иордани» устроен был высокий стол, на котором стоял человек, державший царское знамя, белое с двуглавым орлом, вышитым золотом. Знаменосец несколько раз наклонял знамя, которое, по погружении креста в воду, окроплено было св. водою. Затем на шести белых конях везли во дворец огромный сосуд со св. водою. Описывая виденное при крещенском водосвятии, один из современников-иностранцев замечает: «Этот праздник в старину отправляли с гораздо большею торжественностью, потому что их царские величества и все знатные вельможи государства присутствовали на нем». Особенно торжественно праздновала день Крещения имп. Екатерина I в 1727. Около церкви св. Троицы, на Петербургской стороне, была устроена «Иордань», а с правой ее стороны «особливый высокий театр ее императорскому величеству», увенчанный императорскою короною и внутри обитый, с богатыми золотыми позументами, бархатом. Здесь находились особы императорской фамилии, когда в I-м часу дня, в великолепной коляске, запряженной осьмеркою лошадей, приехала императрица, одетая в амазонское тканное из серебра платье, белый парик, шляпу с драгоценным бриллиантом

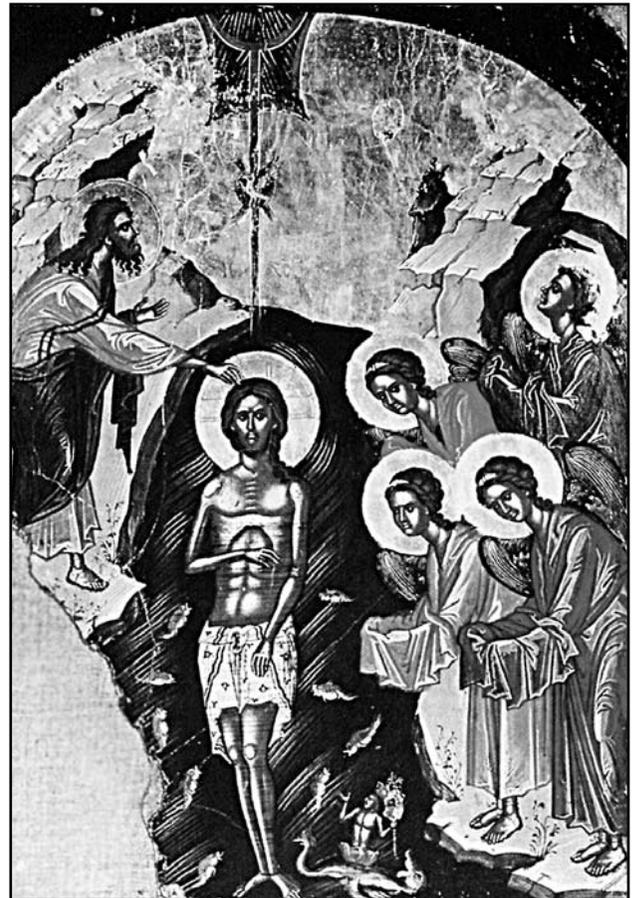
вместо пуговицы, с осыпанной бриллиантами шпагой. По окончании литургии совершено было пятью архиереями водосвятие с окроплением знамен, при грома пушечных выстрелов и ружейных залпов. При имп. Петре III «Иордань» была устроена на Мойке, у правой стороны нынешнего Полицейского моста. Таким образом, с н. XVIII ст. торжественное водосвятие в высочайшем присутствии установилось окончательно, за очень редким лишь исключением, когда царствующие особы не присутствовали. Вплоть до н. XX в. водосвятие в присутствии войск, имеющее главную целью освящение знамен, совершалось везде, где были расположены воинские части.

Ист.: Степанов Н. П. Народные праздники на Святой Руси. М., 1990; *Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1997.

КРЕЩЕНИЕ КУКУШКИ — см.: КУМЛЕНИЕ.

КРЕЩЕНСКАЯ КОЛЯДА — см.: КРЕЩЕНСКИЙ ВЕЧЕР.

КРЕЩЕНСКИЙ ВЕЧЕР (навечерие Богоявления). В этот вечер — 5/18 янв. — русские люди, как и на Рождество, постились до первой звезды. Следующая затем трапеза называлась *Сочельником*, Голодной кутьею или Голодным святым вечером. Воду, освящаемую в церкви накануне праздника *Богоявления*, приносили домой и

Богоявление Господне. Икона XVI в. Греция.

окропляли ею жилые здания, людей, хлева, домашних животных, разные принадлежности хозяйственные, погреба и др. При этом существовал обычай чертить мелом на дверях, окнах и других особенно видных местах зданий кресты. Некоторые верили, что накануне Богоявления, в самую полночь, волнуется вода в ознаменование того, что в это время крестился *Иисус Христос*. Многие ходили наблюдать это чудное явление с *кувшинами*, старались захватить в них воды в самую минуту этого чудесного колыхания и благоговейно хранили, считая ее совершенно неспособной к *порче* и особенно целебной для разных недугов.

В Крещенский вечер совершались также обряды, имевшие в своей основе пережитки древних языческих ритуалов *Авсеня* и носившие название крещенской коляды или шедрого вечера. «Мнози от неразумия, — замечается в Стоглаве, — простая чад православных христиан во градах и селех творят еллинское бесование, различные игры и плясание... в навечерии Богоявления Господня и тем Господа Бога прогневают». Нет никакого сомнения, что это были заключительные святочные игрища, которые начинались с праздника Рождества Христова и продолжались в течение 12 дней до самого Богоявления. Как видно из грамоты царя Алексея Михайловича (1649), в Москве в то же время «кликали плугу», т. е. славили плуг; в этих обычаях было некоторое сходство с указанными выше обрядами *Авсеня*, потому они и ставились в упомянутой грамоте рядом с ним. Остаток обряда славения плуга сохранился доселе, но в одних местностях этот обряд совершается накануне Рождества Христова, а в других — накануне *Нового года*. Малороссы накануне Рождества Христова кладут под стол чересло плуга, а накануне Нового года ходят по домам с плугом. В тот же день шедруют на Червонной Руси и при этом поют. «Ой чій же то плужок так рано выходит... Господарей плужок, Божья худоба».

В Крещенский вечер устраивали святочные гадания, когда загадывались самые заветные желания, и они, по народному поверью, — самые верные, самые правдивые.

В этот день гнали *черта* из деревни. Задумчивый он приходил в деревню, тихий, добрым прикидывался, старался влюбленным казаться — не отличить его среди молодежи. Но молодежь была стариками научена. Выворачивали парни полушубки да шапки наизнанку, выходили на улицу с палками и *кочергами* и звали черта к себе погулять. Он и выходил к ним празднично одетый, в невывернутом полушубке. Тут его и узнавали. Кидалась на него толпа людская и забивала насмерть. На том месте, где черта били, разводили костер, начиналось гулянье. Девушки и парни прыгали через очистительный огонь и радовались избавлению от *нечистой силы*. Чтобы избежать бесовского наваждения, в часы Крещенского сочельника чертили углем или мелом кресты — на дверях, притолоках, дверных косяках, на амбарах и мельницах. Креста дьявол больше всего боялся. Боялся он и заклинания: «С нами крестная сила».

Считалось, что крещенский снег — самый целебный. Полезен крещенский снег и для мытья в *бане*. Снег бросали в *колодцы*, чтобы летом в них вода не пересыхала. Воду от растаявшего крещенского снега хранили долго.

В этот день черпали воду из проруби и освящали ее на всенощной службе в церкви. Если нечисть не коснется такой воды, то в закрытом сосуде она будет храниться несколько лет; а открывая кувшин с крещенской водой, надо непременно перед тем окрестить его — наложить запрет для нечистой силы.

КРИНИЦА, в Малороссии и южных губерниях России *колодец* или родник с водой.

КРИНКА, глиняный сосуд шарообразной и грушевидной формы с зауженным горлышком для хранения молока и молочных продуктов. Известен в России с Х в. Молоко в кринке долго не прокисало, а прокисшее давало много сметаны, которая легко снималась *ложкой*.

КРОВАТЬ, на народном языке спальная кровать состояла из двух грядок, поперечных связей, изголовья и изножья с ножками.

Кровати в крестьянском быту появились в XIX в. До этого времени местом для сна были *полати*, пол, *печь*, *гольбец*, *лавки*. При царском дворе, среди бояр и богатых людей, кровати получили распространение в XVI—XVIII вв.

КРОВНОЕ РОДСТВО, отношения между родственниками, учитывающая степень их родства и свойство. Близость или отдаленность кровного родства определялась степенями, а степени считались по числу рождений. Между отцом и сыном одно рождение, следовательно, одна степень родства, между дедом и внуком 2 рождения, и потому 2 степени родства. Ряд степеней, последовательно идущих одна за другой в одном направлении, называется родственной линией. Прямой родственной линией называется порядок лиц, непосредственно происходящих одно от другого. Прямая родственная восходящая линия та, которая идет от данного лица к его предкам — отцу, деду, прадеду и т. д. А нисходящая — та, которая идет от данного лица к его потомкам — к сыну, внуку, правнуку и т. д. Сыновья одного отца находятся по отношению друг к другу по родству боковой линией.

Руководствуясь византийской традицией, Православная церковь приняла за основу правило, запрещающее *браки* в кровном родстве до седьмой степени. В XVIII—XIX вв. церковно-государственное законодательство неоднократно возвращалось к этому вопросу. Указами 1752 и 1767 было предписано руководствоваться в вопросах браков по кровному родству «словом Божиим», правилами учителей и Отцов Церкви, Духовным регламентом. Указом 1810 Церковь дополнила и конкретизировала перечисленные выше требования: впредь предлагалось руководствоваться «законами Моисеевыми» и 54-м правилом Трулльского собора. Согласно этому Указу, кровное родство должно было считаться препятствием к браку до четырех степеней включительно. Браки в более отдаленных степенях родства, в которых они запрещались в Кормчих, разрешалось производить, получив разрешение от епархиального архиерея. В к. XIX в. крестьяне Владимирской губ. признавали

кровное родство до третьего колена (Меленковский у.), другие почти не считали за родственников двоюродных и троюродных (Суздальский у.). Приемные дети, в отличие от кровнородственных, не имели прав на землю.

Свойство (близочество) являлось родственным отношением, происходящим от сближения двух родов посредством брака их членов. Отношения свойства приравнивались к кровнородственным на основании формулы о муже и жене как одной плоти. Различалось свойство между одним из супругов и кровными родственниками другого, между кровными родственниками одного и кровными родственниками другого супруга. Обе родственные фамилии, вступившие в свойство, рассматривались как 2 боковые линии в кровном родстве. Тем самым родственники жены становились родственниками мужа в тех же самых степенях, в которых они родственны жене, но не по кровному родству, а по свойству. Ограничение браков по свойству производилось в тех же степенях, что и браков по кровному родству.

Для обозначения родства и свойства использовали следующие категории: деверь, шурин, зять, золовка, невестка, теща, свекор, свекровь, свояк, свояченица, сват, сваха, отчим, мачеха, пасынок, падчерица (Владимирская губ.). В Вологодской губ. крестьяне признавали родней прямых родственников — родителей, братьев и сестер, а также племянников и двоюродных братьев. Всех других называли сватушками. Двоюродный дядя уже не признавался за родню. В крестьянской среде браки запрещались в третьей, четвертой и пятой степенях родства и свойства (Меленковский у. Владимирской губ.). В некоторых местностях брак допускался не ближе шестой степени родства, случался иногда и в пятой, но с разрешения духовенства (Шуйский у. Владимирской губ.).

В межсемейных отношениях учитывались степени родства и свойства. Во Владимирской губ. двоюродные родственники не знали — «не праздновались». Большим почетом пользовались родственники зятя. Им отводилось за *столом* переднее место и предлагался лучший кусок (Суздальский у.). На Вологодчине на *свадьбу* и праздники приглашалась родня не далее двоюродного брата.

Лит.: Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Казань, 1888; Лещенко В. Ю. Семья и русское Православие (XI—XIX вв.). СПб., 1999.

КРОМА, торба, *сума*, мешок нищего.

КРОТОСТЬ, качество, высоко ценимое на Руси. По определению святого Игнатия Брянчанинова кротость — смиренная преданность Богу, соединенная с верой и осененная Божественной благодатью, покорность сердца уму.

Св. Кирилл Туровский произнес слова, ставшие народной пословицей: «Не ищи мудрости, а ищи кротости».

«Кроткое слово гнев побеждает, — говорили русские люди. — Лютость бедит (приводит к беде), кротость побеждает. Аще обрящещи кротость, одолеши мудрость. Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его. Духом кротости, а не палкой по кости».

О. П. КРОШЕВО, в русской кухне (см.: Кухня русская) мелко нарезанные овощи, мясо и т. п. Часто употреблялось вместе с *квасом*.

КРУПЕНИК, блюдо русской кухни (см.: Кухня русская): *каша* из мелкой гречневой крупы с творогом, яйцами, маслом, запеченная в *русской печи*.

КРУПЧАТКА, пшеничная мука из твердых сортов пшеницы, отличалась от др. сортов муки самым высоким качеством.

КРУШЕВСКИЙ Николай Вячеславович (1851—1887), языковед, этнограф. Окончил филологический факультет Варшавского университета. Профессор Казанского университета.

Соч.: Заговоры как вид русской народной поэзии // Известия Варшавского Императорского университета. 1876. № 3, и отдельно.

КРЫЛЬЦО, наружный вход в дом, лестница с пристроением, навесом; деревянная или каменная площадка перед домом со ступенями. Различали красное крыльцо, приемное, нарядное и черное, заднее с выходом во двор.

В избе на низком подклете крыльцо, как правило, было очень простым. Около входной двери устраивали невысокую площадку из расколотых пополам бревен с одной — двумя ступеньками. Она могла быть открытой или под двускатной (односкатной) *крышей*, прикрепленной к стене дома или поддерживавшейся колонками, врытыми в землю. Пространство между колонками ограничивали перилами со сквозной резьбой или точеными балясинами (фигурными столбиками).

В северных губерниях Европейской России и в Сибири, где дома ставили на высоком подклете или даже строили двухэтажными, крыльца имели довольно сложную конструкцию. Так, в деревнях по течению рек Камы, Вычегды, Сухоны, в Восточной Сибири были известны крытые крыльца в виде прямоугольной срубной клетки под односкатной крышей, без *окон*, с широким открытым дверным проемом и внутренней лестницей. Лестничную площадку устраивали на высоте третьего и четвертого венца. Такая конструкция крыльца защищала вход от снега, ветра и дождя.

Во многих деревнях Северной и Центральной России крыльца делали на широкой площадке — рундуке, рубленном из бревен, к которому вела лестница. Рундук ставили или на отдельный сруб, или на выпущенные из стены в виде кронштейнов бревна. В некоторых деревнях рундук закрепляли на двух столбах или на одном очень толстом бревне, достигавшем в диаметре 60 см. В домах на высоком подклете крыльцо могло иметь два рундука. Нижний рундук в виде низкого сруба ставили на землю, верхний укрепляли на повалах (выпусках стенных бревен) или на одной — двух стойках, врытых в землю. Рундуки соединяли друг с другом лестницей. Некоторые крыльца были с двумя маршами: лестницы шли с двух сторон, как бы встречаясь на верхней площадке.

Крыльца на рундуках могли быть открытыми, т. е. без крыши и перил, или закрытыми — с крышей и перилами. Крышу при одном рундуке ставили двускатной или односкатной, при двух рундуках над нижним была односкатная крыша, над верхним — двускатная, полукруглая или четырехскатная. Крыша делалась с фронтоном и поддерживалась резными колонками, врытыми в землю. Крыльцо имело перила из точеных балясин или резных ажурных досок, которые укрепляли между колонками. Иногда всю внешнюю стену крыльца делали решетчатой или плотно зашивали досками. В последнем случае свет на крыльцо проникал

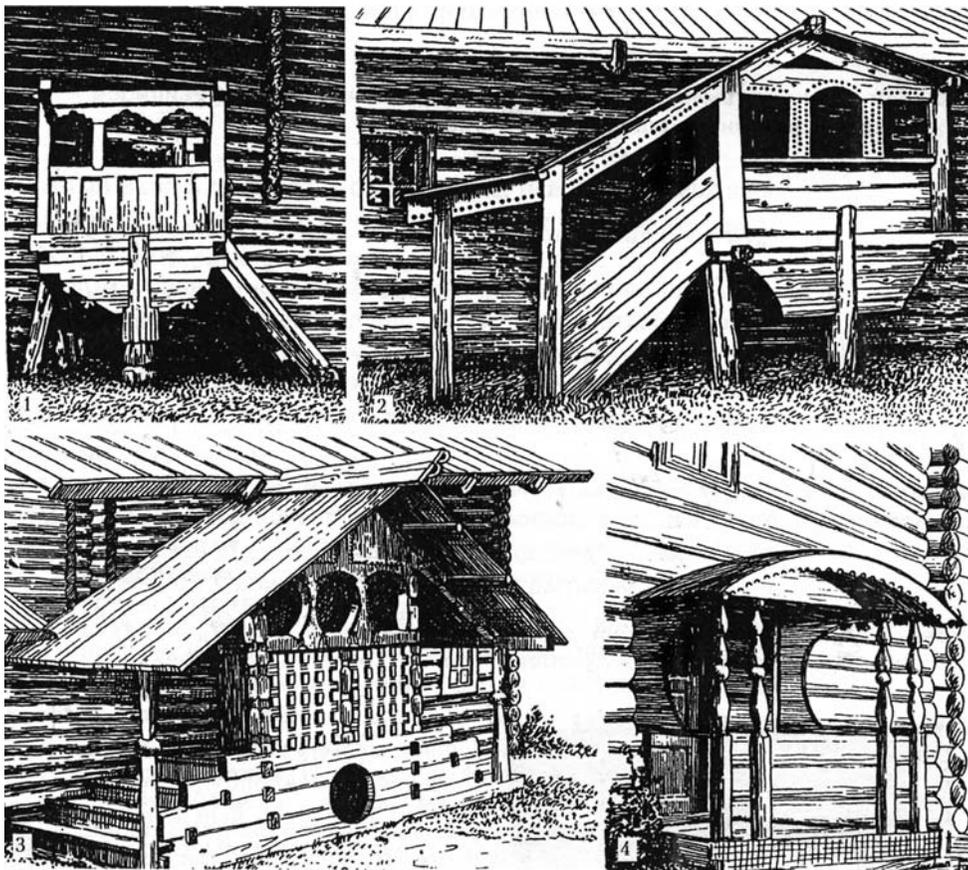
через не застекленные окна и через дверной проем, не имевший дверей.

Очень интересными были крыльца-балконы в двухэтажных избах Русского Севера, состоявшие их двухъярусной конструкции, которая объединяла в единое целое балкон и навес над входом в первый этаж. Такие крыльца встречались в богатых домах Заонежья и изредка в Вологодской губ. Крыльцо этого типа позволяло хозяину подниматься на второй этаж дома, не пользуясь внутренней лестницей. Верхний рундук этого крыльца устраивали на уровне входной двери на второй этаж и закрепляли на выпусках бревен из сруба и двух — четырех фигурно обработанных колонках, врытых в землю. Обычно он имел односкатную или двускатную крышу и резные перила. Нижний рундук ставили у входной двери в подклет или первый этаж, точно под верхним. В северных деревнях крыльцо всегда старались сделать красивым — «красным», добротным как свидетельство крепости, надежности жизненного уклада.

Крыльцо рассматривалось как граница между нашим миром и миром внешним. Оно связывало внутреннее, относительно небольшое пространство избы, маленький мир семьи с огромным, расстилавшимся вокруг дома миром природы. Выходя на высокое крыльцо дома, человек видел раскрывающуюся перед ним широкую панораму деревни, полей, лесов, ощущал свою связь с ними. Входя с крыльца в затемненное пространство *сеней*, он чувствовал себя защищенным в атмосфере добра, уюта, тепла родного дома.

В русском устном поэтическом творчестве крыльцо воспринималось как начало и конец пути. Все важные события в жизни человека начинались с крыльца: прием долгожданных гостей, отъезд невесты или рекрута из родительского дома. В старинной свадебной песне холостой парень «добрый молодец свет Семен Егорыч — сударь» спрашивает девушку:

*«Ты, душа красна девица,
Свет Авдотья Ивановна!
Ты скажи путь-дороженьку
Во Казань-город ехати
Со атласом, со бархатом!»*

Типы старинных крылец:
1 — открытое одноэтажное. Архангельская губ.; 2 — крытое крыльцо. Вологодская губ.; 3 — крытое двухмаршевое крыльцо. Костромская губ.; 4 — крытое крыльцо при внутренней лестнице в сенях. Олонецкая губ.

*«Удалой добрый молодец,
Свет Семен Егорыч — сударь!
От ума ли спрашиваешь?
От разума ли выведываешь?
Во полях все пути лежат,
Во полях все дороженьки,
Во реках — броды мелкие,
На красно крыльцо — лесенка,
В новые сенечки — дверечки,
В новой горенке — коврички
Ко мне в кут за занавесу,
Ко душе красной девице,
К Авдотье Ивановне.»*

В рекрутских причитаниях, сопровождавших отъезд крестьянского сына — «удалого добра молодца на грозну службу государеву», — говорится:

*И как у нашего хоромного строеньца,
И как у этого крыльца переного,
Как у этого столба да у точеного
Есть подогнаны ступистые лошадушки
И под меня, да под несчастна добра молодца...*

На крыльце нельзя было вести важные разговоры, договорившись о каких-либо серьезных делах: «На кры-

лечке вестей не выведывай, допусти хоть до хормонного строеньица, до своей ты брусовой лавочки». Крыльца издавна были принадлежностью богатого русского дома. Великокняжеские дворцы, боярские хоромы, избы посадских людей, каменные и деревянные церкви XII—XVII вв. всегда имели крыльца. Их конструкция была, как предполагают ученые, аналогична тем, которые строили у крестьянских северных изб XIX в.

Ист.: Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003; Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. **КРЫША (кровля, кров)**, верхняя завершающая часть дома, защищающая его от непогоды и солнца. В условиях России крыши делались с крутыми скатами. Они

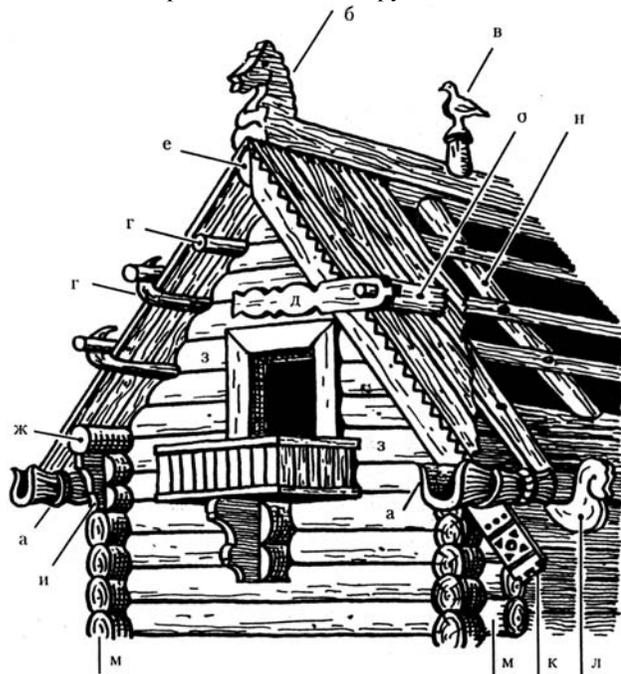

Схема устройства крыши на самцах (по М. В. Красовскому):

а — желоба; б — охлупень; в — стамик; г — слези; л — огниво; е — князевая слега («кнес»); ж — повальная слега; з — самец; и — повал; к — причелина; л — курица; м — пропуск; н — бык; о — гнёт.

были удобнее плоских. Вода стекала вниз по крыше, а выпадавший зимой снег сползал, не продавливая ее. Кроме того, чердак, располагавшийся между крышей и *потолком*, помогал сохранять тепло в жилых помещениях.

Двускатная форма крыши была распространена в северных, восточных и западных губерниях Европейской России, в Поволжье и в Сибири. Четырехскатная встречалась гл. обр. в южнорусских губерниях, на Кубани и Терекке, а также в Сибири. В центральных районах Европейской России в одной деревне могли встретиться *избы* как с двускатными крышами, так и с четырехскатными.

Крыши возводились обычно на стропилах, но еще в XIX в. можно было встретить плотников, которые умели поставить крышу по-старинному на самцах или на

столбах. Кровельным материалом служили тес (длинные, вытесанные из бревна доски) или дранка (обычно сосновые или осиновые дощечки), а также солома.

На мифологическом уровне крыша воспринималась как очень важная часть дома. Это нашло свое отражение в бытующих до сих пор выражениях: «крыша над головой», «отчий кров», «жить под одной крышей». В произведениях устного поэтического творчества дом без крыши осмыслялся как брошенный, нежилой дом:

*Да по лесу по дремучему,
Там по полочку чистому
Я увидела, молода,
Непокрытую хатину,
Пустую хормину.*

Крыша завершала собой строительство дома, поэтому с этой стадией работ было связано последнее, самое обильное угощение плотников, которое называлось «замочка крыши». На Русском Севере хозяева устраивали в этот день торжественный обед для членов семьи, родственников и плотников. Основными блюдами его были саламат, приготовленный из толокна или муки, растертой со сметаной и топленным маслом, а также каша из поджаренной на масле крупы. В русской северной деревне эти блюда были ритуальными во время торжественных трапез, устраивавшихся по поводу *крестин* младенцев, *свадеб* или похорон. Это угощение, по мнению ученых, осмыслялось как передача дому богатства, изобилия, благополучия.

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991; Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб., 2003. **КУБАН**, большая глиняная *кринка* с высокой расширяющейся горловиной.

КУБАРЬ, волчок, распространенная в XIX в. детская игрушка в виде шара с ножкой, быстро двигавшегося с помощью намотанного на ножку кнутика.

КУБКИ, деревянные или металлические сосуды для вина и легких спиртных напитков.

Кубки в крестьянском быту появились довольно поздно, вероятно в к. XVII—XVIII вв. Однако они были хорошо известны русским вельможам с очень древних времен. Первое упоминание о кубке в письменных источниках относится к XII в. В завещании вел. кн. Василия I говорится: «...кубок хрустальной, што ми король прислал». До XVII в. кубки привозили в Россию из Западной Европы. В России же производство кубков было налажено в сер. XVII в.

Кубки были распространены у крестьян Архангельской и Вологодской губ. В др. местах Европейской России и в Сибири они не встречались. Крестьяне не пользовались кубками при приеме гостей, во время праздничного или свадебного застолья.

КУБЫШКА, маленький глиняный, иногда деревянный или кожаный сосуд с округлым, слегка приплюснутым туловом и узким высоким горлом, заткнутым пробкой. Деревянные кубышки были из клепок на обручах или долбленые. Кубышка использовалась в дороге для ношения воды, а также для хранения в укромном месте, в земле, денег в монете.

КУВШИН, глиняный или металлический сосуд грушевидной или круглой формы с высоким горлышком и ручкой.

Кувшины из простой гончарной глины, томленные, т. е. принимавшие после специального обжига черной

цвет, или покрытые поливой, имелись в каждой крестьянской *семье* в большом количестве. Они были известны еще в X — XIII вв. и часто встречаются при археологических раскопках городов и селищ.

Поверхность медных, оловянных кувшинов была гладкой или ложчатой, украшенной чеканкой или гравировкой. Орнамент состоял из растительных мотивов, изображений львов, барсов, сиринов, единорогов, сказочных птиц. Такие кувшины в большом количестве производились в к. XVII — н. XVIII в. для довольно обеспеченных горожан, но бытовали и в среде богатых крестьян северных губерний Европейской России.

КУДЕЛИЦА — см.: **ФИЛИППОВКИ**.

КУДЕСЫ, народные представления, исполняющиеся ряжеными на *Святках*. Сами ряженные носили древнее название *кудесников*. Кудесы упоминаются еще в «Стоглаве». Они носили преимущественно сатирический характер и часто являлись даже кошунственными.

КУЗНЕЦ, одна из наиболее почитаемых профессий на Руси. Кузнечное ремесло считалось высшим умением, искусством, во многом связанным с помощью чудодейственных средств и *нечистой силы*. Согласно старинным поверьям, кузнецу в его работе помогает *черт*, он замешан в колдовстве и чародействе. Связанное с колдовством слово «козний» происходит от понятия «кузнец».

В древнерусской языческой мифологии покровителем кузнецов был бог *Сварог*, который, в частности, в «Повести временных лет» отождествлялся с греческим богом-кузнецом Гефестом. Христианскими покровителями кузнецов были свв. *Косма и Дамиан*.

Праздник кузнецов отмечали в день празднования этих святых 1/14 нояб. Крестьяне говорили: «Кузьма — Демьян кузнец кует лед на земле и на водах».

КУЗОВ, дорожный заплечный *короб*, плетенный из *бересты*, *луба*, прямоугольный в основании, сужающийся кверху, с надевавшейся сверху лубяной крышечкой, с двумя ляжками. Использовался для переноса ягод, грибов, орехов, продовольствия, мелкой клади. Кузовом также называлась большая ручная *корзина* из бересты или драни; небольшая корзина называлась *кузовком* и более известна как емкость для сбора ягод или грибов.

КУЗОВОК, небольшая *корзина* с ручкой, *лукошко* для сбора ягод, грибов. Плеталась из *луба*, *бересты*, драни либо шивалась из широкого луба, бересты.

КУЗЬМИН ДЕНЬ (*Козьма Огородник*), народное название дня памяти св. Космы, Халкидонского епископа, 18 апр./1 мая.

По народному поверью, св. Кузьма покровительствует огородничеству, охраняет всходы от сухих *ветров* и спасает их от проливных *дождей*.

В Подмоскowie на Кузьму сеяли морковь и свеклу. По обычаю перед посевом моркови и свеклы крестьяне выходили к священным ключам-родникам, смачивали семена в воде. В др. местах, в надежде на хороший урожай, на дно родников бросали медные деньги. По др. обычаю семена смачивали речной водой в течение трех утренних зорь. В том и др. случае все это проделывалось тайно — крестьяне боялись дурного глаза, который может навредить урожаю. На северо-западе на Кузьму де-

лали соломенное чучело и, подняв его на шест, шли на горку, где устраивали праздничную трапезу с песнями и плясками. Заканчивалось празднество сжиганием чучела.

КУЗЬМИНКИ ЛЕТНИЕ (*Кузьма и Демьян, Бабий, Девичий, Куриный праздник*), народное название дня мучеников, бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана, 1/14 июля.

Святые Косма и Дамиан.
Икона XVIII в. Псков.

В этот день, по народному поверью, приходят на сенокосные луга на помощь мужику Кузьма и Демьян. Они чинят косы и грабли. Кузьма и Демьян — «мастера великие и знатные пособники крестьянскому хозяйству». Помощь они оказывают безвозмездно, поэтому их зовут бессребрениками.

Бабы в этот день вскладчину варили кашу — ссыпчину: кто крупу принесет, кто соль, кто мас-

ла, кто молока. Сообща из общих продуктов варили общую кашу — всей деревней вместе и обедали. Кузьму-Демьяна приглашали за общий стол, угощали кашей нищих и странников.

В огородах в этот день продолжали прополку, снимали первые овощи. Поскольку Кузьминки считались бабьим праздником, то устанавливались бабьи братчины с обязательной зеленью. Ходили друг к другу в гости со своими угощениями и потчевали друг друга.

КУЗЬМИНКИ ОСЕННИЕ (*Кузьма и Демьян, Курячий праздник*), день памяти свв. бесср. Космы и Дамиана. Первый зимний деревенский праздник (1/14 нояб.).

Косма и Дамиан (в просторечии Кузьма и Демьян), св. бессребреники. Русский народ с именем этих угодников соединял немало особенных верований. Что касается распространенного верования в их лечебную помощь от разных недугов, оно имеет действительное основание в сказании о их жизни. В Четьях-Минеях повествуется о свв. Косме и Дамиане, что они «приняли от Бога дар исцелений и подаваху здравие душам же и телесем, врачующе всякие болезни и исцеляюще всяка недуг и всяку язю в людех».

Далее в Четьях-Минеях отмечается, что «они не точию человеком помогаху, но и скотом, и ни от кого же что за сие приимаху, творяху бо сия вся не имений ради, дабы златом или серебром обогатитися, но Бога ради. Того ради и безмездные врачеве, и бессребреницы от верных наречены быша». Затем из «Сказания о святых, коим и каковыя благодати даются от Бога» вид-

но также, что русские молились свв. Косме и Дамиану о прозрении разума к учению грамоте. В азбуковнике XVII в. находим прямое замечание: «Есть обычай многим учащимся совершати молебная святым бессребренникам Косме и Дамиану».

Свв. Косма и Дамиан в воображении русского крестьянина представлялись в облике «Божьего кузнеца — Кузьмы-Демьяна». На этот близкий народному сердцу облик были перенесены некоторые черты, присваивавшиеся в старину всемогущему богу-громовнику Перуну, злагоусому Белбожичу. В одном из старинных русских сказаний Кузьма-Демьян, кующий сохи, бороны и плуги народу православному, вступал в борьбу с «великим змеем». Трудился кузнец Божий в своей кузнице и слышал он, гласит это сказание, летит змей (диавол). Заперся он, да не спасут от змея великого никакие затворы: полдетел змей, опустился-упал наземь, возговорил зычным голосом человеческим, — просит, лукавый, отворить двери. Не отомкнул Божий кузнец затворов, и начал он лизать языком своим дверь железную. Но как только пролизал змей дверь, ухватил его Кузьма-Демьян за язык железными клещами. Взмолился «великой змей» Божьему кузнецу — отпустить просит, да не тут-то было! Запряг его тот в только что выкованный плуг и поехал по степям, по пустошам, пропахал на нем, змее, всю землю от моря и до моря. Умаялся лукавый, взмолился он к святому — просит испить воды из Днепра-реки; не внемлет змею кузнец-пахарь, знай, гонит-погоняет его цепью железною. И только у Черного моря подпустил Кузьма-Демьян великого змея к воде: припало к ней чудовище, пило-пило, полморья выпило, напившись, лопнуло. А борозды, проведенные плугом Божьего кузнеца, пахавшего на нечистой силе, и до сих пор виднеются, слышат они в окрестном народе «Валами Змеиными».

Есть сказания, утверждающие, что Кузьма-Демьян, кузнец Божий, не только кует сохи, бороны и плуги, но даже научил людей земледельческому труду, за что и окружен особым почетом в памяти народной. В малороссийских сказаниях этот подвиг приписывается то самому Творцу мира, то Его Божественному Сыну. По одним — «в поли, поли плужок ходить, за тим плужком Господь; Матерь Божа иисти носить»; по другим — Христа-пахаря сопровождают апостол Петр и Кузьма-Демьян.

По наблюдениям крестьян, со дня свв. Космы и Дамиана заковывает зима и земли, и воды: «Кузьма-Демьян — с гвоздем, мосты гвоздит». На подмогу Кузьме-Демьяну прилетают с железных гор морозы.

«В кузнице Кузьмы-Демьяна кузница, а на всю Святую Русь в ней ледяные цепи куются!» — говорили крестьяне. «Закует Кузьма-Демьян, до весны красной не расковать!», «Из кузьмодемьяновой кузницы мороз с горна идет!», «Не заковать реку зиме без Кузьмы-Демьяна!» и т. п. Существовали поговорки и о простых кузнецах. Они часто слыли пьяницами. «Портной — вор, сапожник — буйн, кузнец — пьяница горькая!» — гласит молва, прибавляя к этому: «Умудряет Бог слепца, а черт кузнеца!», «Для того кузнец и клещи кует, чтобы рук не ожечь!», «Не кует железа молот, кует кузнецов голод!», «Кузнецу что козлу везде огород!», «У кузнеца что стукнул, то гривна!», «У кузнеца рука легка, была

бы шея крепка!», «Кому Бог ума не дал, тому и кузнец не прикует!», «Захотел от кузнеца угольев: либо пропил, либо самому надо!», «Не ищи у калашника дрожжей, у кузнеца — лишних угольев, у сапожника — сапог на ногах!», «Кузнец Кузьма — бесталанная голова!», «Есть кузнецы, что по чужим сундукам куют (воры)!»

Считалось, что святой кузнец Божий не только плуги да «землю-воды» кует, а и свадьбы, не доигранные в октябре. В старинном народном свадебном стихе об этом говорилось так:

*Там шел Кузьма-Демьян
На честной пир, на свадебку:
Ты, святой ли, Кузьма Демьянович!
Да ты скуй ли-ка нам свадебку,
Ту ли свадебку — неразрывную,
Не на день ты скуй, не на неделюшку,
Не на май-месяц, не на три года,
А на веки вековечные,
На все жизнь нерасстанную!*

Кузьминки назывались еще «курячий праздник», «кури именины», «девичий праздник». Собирались к этому дню девицы на веселую беседу. Зорко следили перед Кузьминками за своим птичьим хозяйством крестьяне. С давних пор во многих местах существовал веселый обычай: ходили девки и парни ночью воровать по дворам кур, гусей, уток, чтобы добыть себе на Кузьминки курятинки и гусятинки. В этот день крестьянки занимались различными хозяйственными работами в курятниках: утепляли их на зиму, убирали скопившуюся за лето грязь, чистили гнезда, отбирали на убой слабую птицу. После выполнения всех этих работ в курятнике вывешивали «куриного бога» (он также назывался «курячий поп»), камешек с одним или несколькими сквозными отверстиями, рыльце от глиняного умывальника, горлышко от бутылки, красные лоскутки и т. п. Его прикрепляли к веревке около насеста, чтобы куры были здоровы и плодovitы. Кроме того, по поверью, «куриный бог» охранял кур от мифического хозяина двора — дворовика (см.: Дворовой), который любил их обижать, а также от кикиморы, ошпиывавшей у кур перья.

В некоторых местностях на Кузьмодемьянов день к обедне бабы приносили к церкви кур. «Курица — именинница, и ей Кузьме-Демьяну помолиться надо!» — говорили крестьяне. «Батюшка Кузьма-Демьян — куриный Бог!» Курячьи именины праздновались примерно одинаково по всей России. В церквях в этот день проходили заказные молебны, жертвовались в храм куры, приглашались в дома священники для молебна и окропления курятника святой водой. Обязательными для этого дня были трапезы, на которых главными блюдами были жареные или вареные куры. Перед трапезой крестьяне молились: «Козьма-Демьян — сребреница! Зароди, Господи, чтоб писклятки водились!» При приготовлении блюд из куры и во время трапезы существовал запрет на ломанье куриных костей. Считалось, что если это произойдет, то цыплята будут уродливыми. Кости зарывали в курятнике, чтобы птицы были более плодovitыми. При крепостном праве было в обычае приносить 1 нояб. кур на боярский двор. С челобитьем приносили их крестьянки своей барыне — «на красное житье». Боярыня отдаривала за подарок лентами — «на

убрусник». Этих челобитных кур считалось за грех резать: отдавались они под особое покровительство чествовавшихся в этот день святых. Даже яйца, которые они несли, слыли более здоровыми для пищи, чем другие, — от простых, не «челобитных», кур.

Основанием народного представления о покровительстве свв. Космы и Дамиана курам послужило то обстоятельство, что эти домашние птицы как эмблема счастья и плодородия составляли неприменную принадлежность свадебных церемоний и необходимое свадебное кушанье. По этим птицам деревенские девушки любили гадать о «суженых и ряженных». Русскому человеку всего естественнее казалось отдать кур под покровительство свв. Космы и Дамиана, покровителей свадеб. Народное представление о свв. Косме и Дамиане, Божиих кузнецах, в связи с покровительствуемой ими домашней птицей, *петухом*, имело довольно близкое отношение к древнерусскому языческому культу *Перуна*: божество это как производитель молний и *огня* представлялось в виде *кузнеца*, а петух считался атрибутом его как птица, посвященная в честь его. Древнеязыческое представление о Перуне могло впоследствии перейти на свв. Косму и Дамиана.

Ко дню Кузьмы-Демьяна выполнялись т. н. «обетные» работы. В старину многие боярыни продавали на Кузьминки сработанное их руками рукоделие, а деньги, вырученные от продажи, раздавали нищим, как бы следуя подвигу святых бессребреников.

В н. XX в. этот обычай уже не наблюдался. В день Кузьмы-Демьяна в селениях Мышкинского у. Ярославской губ. поселяне убивали кочета в овине. Старший в доме выбирал кочета и сам отрубал ему голову топором. Ноги кочетинные бросали на избу — для того, чтобы водились куры, а самого кочета варили и за обедом съедали всей семьей. До н. XX в. дошел обычай варить «козьмодемьянское пиво».

И. Калининский, А. Коринфский
КУКИШ, в древнерусской языческой мифологии оскорбительный жест, оберег от злых духов и *нечистой силы*. После Крещения Руси приобрел значение отрицания чего-либо или отказа вообще.

КУКЛИН Михаил Петрович (? — 1896), этнограф. Занимался собиранием народных песен и обычаяв Вологодского края.

КУКУШКА, в древнерусской языческой мифологии вещающая птица, связанная с весенними и летними праздничными ритуалами, предсказаниями жизни и смерти. В русской деревне на кукушку гадали девушки, пытаясь определить, сколько им лет осталось до замужества. Кукование часто рассматривалось как зловещее предсказание: «Кукушка кукует, горе вешает». Услышав кукушку, говорили: «Хорошо кукуешь, да

на свою б голову!» Прилет кукушки в деревню, к дому, кукование на крыше *дома* считалось знаком смерти, *болезни* или пожара.

Образ кукушки присутствовал во многих народных обрядах (*Троицкие гуляния, Семик, Кумление*).

О. П. КУКША РЯБИННИК, народное название дня памяти св. мч. проповедника Кукши (27 авг./9 сент.), известного своими подвигами в обращении к христианству вятичей-язычников и многими чудесами в Брянске, Козельске и Мценске.

Кукша считался народным героем, о нем были сложены легенды, как он с рябиновой ветвью ходил крестить язычников. Поэтому Кукшу и прозвали рябинником. *Рябина* к этому времени становится зрелой. Из нее делали сок и пили его от разных *болезней*. Существовал ритуал лечения рябиной. Для этого надо на заре встать перед рябиной на колени, обнять ее, поцеловать и произнести *заговор*: «Рябина, рябина, возьми мою болезнь, отныне и до веку тебя не буду есть». Возвращаться домой надо было также тайно, чтобы никто по пути не встретился.

Рябина считалась *оберегом*. Запрещалось ее рубить и ломать кусты рябины, использовать на дрова. В Воронежской губ. сваха жениху за голенища сыпала рябиновые коренья, чтобы на него во время *свадьбы порчу* не навели. В Новгородской губ., когда возвращались с кладбища, рябиновые прутья под дверь вешали, чтобы покойник не возвратился. На Русском Севере существовал обычай, по которому пастух, прежде чем выгнать скот первый раз на пастбище, расщеплял ветки рябины, ели и сосны и клал их под *ворота*.

На Кукшу Рябинника русские также молились прп. Пимену Великому и мц. Анфисе, за веру в Христа с камнем на шее утопленной. Поэтому день Кукши Рябинника еще называли «Анфиса».

КУЛАГА, блюдо русской народной кухни (см.: Кухня русская), ржаная мука с солодом, смешанная с калиной, запаренная на кипятке в *русской печи* и затем охлажденная.

КУЛАЧНЫЕ БОИ, древнее развлечение русских мужчин. Они были распространены повсеместно и не связаны с каким-либо определенным временем года, но, как правило, происходили зимой, между *Рождеством* и *Масленицей*. В Орловской губ. ожесточенные кулачные бои между двумя соседними селами Пальна и Аргамач происходили на Троицу. В Мологе уже с осени начинали сражаться друг с другом мальчики с двух разных концов города. Нередко за несколько дней перед боем предводители враждующих сторон определяли срок, место и условия боя. Бою обычно предшествовала подготовка в

Весенняя обрядовая игра «Похороны кукушки»:

а) кукушка в рубахе и платке,

б) кукушка—трава «кукушкины слезы».

На кулачках.

мужики. Каждая сторона имела своих наиболее сильных бойцов, вокруг которых и собирались остальные: иногда эти бойцы вступали в бой только в решающий момент. Бойцы выходили на бой легко одетыми, туго подпоясанными, в кожаных рукавицах. Существовали определенные правила: не бить «под дых» лежачих и вышедших из боя из-за тяжелых повреждений, не пользоваться свинчаткой, стопкой медных пятакон и т. п., а тем более *ножами*; однако последнее правило соблюдалось не всегда, тем более что в сумятице и в сумерках (бой обычно происходил вечером) поймать нарушителя было трудно, а пострадавший уже не мог этого сделать; но если такого нарушителя застигали на месте преступления, его били все, даже свои.

Драка на кулаках и палками продолжалась до тех пор, пока одна из сторон не обращалась в бегство. В старом Черкасске в кулачных боях участвовали «не только все молодые чиновники, но даже многие генералы». В станице Кавказская на Кубани на Рождество и в др. праздничные дни девушки устраивали на улицах общий *хоровод*, а парни — кулачные бои, причем все население станицы делилось на две враждебные партии. Бой «идет во все время пения хоровода; как только прекращаются песни в нем, парни один по одному убывают с той и другой стороны к хороводу, и бой слабеет». В Харьковской губ. бои начинались за 3 недели до Мас-

виде насмешек над противником, которому традиционно приписывались недостатки, смешной или позорный поступок и т. п. Затем в драку вступали мальчишки, нередко «страшиваемые» взрослыми, за ними подростки, парни и, наконец, взрослые

леницы; кульминации они достигали перед *Великим постом*.

Д. К. Зеленин считал кулачные бои отголоском древней тризны, которая принимала форму состязаний у могилы умершего («дратися по мертвецы»). В н. XX в. еще сохранялась некоторая связь кулачных боев с днями поминовения умерших, как, напр., с Масленицей или Троицей. Там, где кулачные бои были запрещены властями, вместо них, а нередко и одновременно с ними, устраивали гусиные, *петушиные* и собачьи бои (Курск, Горбатов, Москва и др.).

Лит.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

КУЛЕБЯКА, большой прямоугольный *пирог* из кислого теста с разнообразной начинкой; в каждом из четырех углов могли лежать разные виды начинки (мясо, рыба, грибы, лук, каша и др.).

КУЛЕШ, жидкая пшенная каша с салом, луком, иногда с картофелем; кулеш обычно готовили в дороге или где-нибудь вне дома: на покосе, в поле и т. д.

КУЛИГА, участок в отдаленной от деревни части леса, чаще всего покос или поле под *хлеб*. Иногда кулигами, кулижками назывались болотистые места, поросшие кустарником, где, считалось, любят водиться бесы.

КУЛИЧ (*греч.* — хлеб круглой формы), в русском православном пасхальном (см.: Пасха) обряде разговенья пшеничный, квасный, сладкий хлеб, иногда с корицей, изюмом, украшенный сверху глазурью с первыми буквами имени *Иисуса Христа*. Кулич вместе с пасхой (сладким жирным творогом) и крашеными яйцами освещали в церкви святой водой и являлись традиционной едой на праздник Пасхи. На пасхальный стол кулич часто подавали, воткнув сверху красную бумажную розу. После пасхальной службы всем сидящим за столом раздавали по куску кулича.

КУМЛЕНИЕ («Крещение кукушки»), старинный обычай молодых русских девушек и женщин обмениваться крестами и называть друг друга кумами. Совершался обычно либо во время *Троицких гуляний*, либо на второе воскресенье после *Пасхи* (Неделя *жен-мироносиц*). Как описывали очевидцы, на Троицкие гуляния молодые «бабы и девки, собравшись и запасшись яичницами в черепнях (т. е. глиняных сосудах. — М. Г.), уходили в рощу». Там на поляне располагались вокруг *березы*, а в иных местах — вокруг растения кукушкины слезы (вид столетника крестообразной формы; отсюда и название обычая — «крестить кукушку»), и желающие «покумиться» вешали свои кресты на березу или на два крестообразно воткнутых над кукушкиными слезами прута. Все участницы гуляния пели песни, а решившие кумиться подруги целовали друг друга сквозь кольцо шнура креста и обменивались крестами. После этого они называли друг друга «кумами»; дружба их становилась особенно тесной — по типу *побратимства* и поестрия; какие-либо ссоры исключались. Эти отношения продолжались в течение недели, а местами и длительный срок (в течение года, иногда на всю жизнь). После кумления молодежь угощалась и с песнями возвращалась в деревню; там пение и пляска продолжались. На следующее воскресенье молодежь в том же составе продолжала гулянье в роще. Наступала вторая часть обряда: те же пары подруг возвращали друг другу

Х.-Г. Гейслер. Кулачный бой. 1805. Гравюра.

кресты — «раскумливались»; остаток этого же дня тоже проводили в селении — «в пении и пляске».

В Ростовском у. Ярославской губ. во второе воскресенье после Пасхи девушки ходили в лес кумиться. Каждая брала с собой яйцо, «куличку» (хлеб в форме калача) и маленький моток ниток, выпряденный обязательно в *Великий четверг*. В лесу делились на пары. Желающие покумиться девушки вдвоем заплетали одну косу из трех веток молодой березки, вплетая в нее разноцветную ленточку; косу перевязывали нитками из четвергового моточка. Такое переплетение из веток березы называлось мотушкой. Девушки приговаривали: «Кукушка, кукушка, сбереги мою мотушку». Сначала заплетали мотушку для одной из девушек, потом — для другой; затем — для близких родственников каждой из них. Мотушка, задуманная для мужчины, заплеталась не как коса, а в виде венка. Девушки, заплетавшие вдвоем мотушки, обменивались яйчками, куличками и целовались. Гулянье имело продолжение на Троицын день: все девушки шли в лес за мотушками, отламывали их и несли к водоему. Там происходило обычное *гаданье* — по движению мотушек в воде. Однако объясняли гаданье необычно: если мотушка потонет, значит, девушка выйдет в этом году замуж.

В Нерехтском у. Костромской губ. девичий выход в лес для кумления приурочивался к *Семику*. К этому дню хозяйки пекли для девиц козули — «род лепешек с яйцами в виде венков». В лесу ветви на березе «завивали ленточками, бумажками и нитками», а также «завязывали венками». Потом девушки целовались через березовый венок, приговаривая: «Здравствуй, кум и кума, березку завивши!» Березу обвивали поясом или лентою; завивая венки, пели: береза моя, березонька, береза моя белая, береза моя кудреватая и т. д. После завиванья садились под березою есть козули и яичницу. Затем следовали «сценические игры» (*хоровод* со сценами?), «особенно замечательные на правом берегу Волги в с. Барщеве». Близкий к рассмотренным вариант описан по материалам Дорогобужского у. Смоленской губ.: девушки целовались через венок, завитый из ветвей одной березы или двух, склоненных друг к другу, приговаривая: «Покумимся, кума, покумимся, чтобы нам с тобой не браниться, вечно дружиться». Этот текст наиболее точно передавал смысл, который вкладывали участницы в обряд.

В Щигровском у. Курской губ. обряд «крещения кукушки» имел характер трехчастного цикла. На «вешнего Николу» (9 мая) «опалывали кукушку»: девушки и женщины собирались на улице, с песнями шли в лес. Там искали растение кукушку и под специально для этого случая предназначенную песню пололи траву вокруг нее. Ополон, вырывали растение с корнем и «наряжали как куклу». Затем все отправлялись в дом одной из участниц, намеченный заранее для сборища.

Вторая часть цикла разворачивалась на *Духов день* (понедельник Троицкой недели). Одетую кукушку несли с песней в лес, где слетали венком верхушки двух березок. В середину венка вешали нателный крестик одной из девушек и покрывали его большим платком, при этом участницы пели. Вокруг венка составлялся хоровод, заводили новую песню: «Я в луг пойду, я венок завью; покумимся, кума, не бранися, душа». Наступал

момент самого кумления: «Избравши по сердцу подружку, подходят одна с одной стороны, а другая с противоположной к венку и целуют три раза крест и друг друга сквозь венок, поверх венка и с правой и левой стороны венка (крестообразно)».

Покумившиеся обменивались крестами, дарили друг другу ожерелья, серьги. Подаренные украшения полагалось носить всю следующую неделю, до наступления третьей части цикла. Часть предметов дарили навсегда или до первой ссоры. После того как все «перекумятся», участницы праздника угощались лакомствами, принесенными в складчину. Березовый венок в этом случае, как и в других вариантах, оставался нетронутым в течение недели. В следующее воскресенье исполнялась третья часть цикла: девушки и женщины собирались в том же составе, с песнями шли в лес к венку; венок развивали и возвращали друг другу подарки. Пели: «Я в лес пойду, я венок разовью; раскумися, кума, разбранися душа».

Все это могло происходить и в пределах селения: ходили не в лес, а в сад, угощались в избе. Перед избой «играли песни» и плясали. Русская народная традиция знала также кумление вчетвером вместо пары. В с. Овстуг Брянского у. в Троицын день крестьянские девушки собирались в роще, где вырывали молоденькую березку и украшали ее лентами и косниками. На самой вершине березки привязывалось растение кукушка. Четыре девушки садились вокруг березки и «кумились»; остальные в это время пели. Первую четверку сменяла следующая и т. д.

После того как все четверки покумятся, выбирали двух из самых старших участниц праздника. Избранные девушки несли молодое деревце (с кукушкой на его вершине) в укромное место и, стараясь оставаться никем не замеченными, сажали березку, загадав на одну из них: если дерево примется, то девушка выйдет замуж до следующей Троицы. Через некоторое время ходили смотреть, принялась ли березка. На Троицу все девушки и молодые женщины здесь шли вместе на кладбище, и именно там каждая из них завивала венок. С этими венками гурьбой шли к речке и бросали их в воду, загадывая желания: если поплывет — исполнится; если утонет — не исполнится.

На Орловщине кумление происходило в *Вознесеньев день* (за 10 дней до Троицы). Девушки после обеда собирались на улице в хоровод и шли в лес, распевая песни. В лесу им предстояло «кумиться», или «крестить кукушку» (здесь, как и во многих других местах, это было одно и то же). Макушки двух берез связывали «оборочкой» и вешали на них снятые с себя кресты, траву подорожник, называемую здесь кукушкой, и ленты. Затем девушки, двигаясь навстречу друг другу, сходились у березок и вновь расходились — так делали трижды, с песней: «Вы, кумушки, вы, голубушки! Кумитесь, любите! Не ругайтесь, не бранитесь! Сойдитесь, полюбите, полюбите, подружитесь! Подружитесь, поцелуйтесь!» Трижды обходили вокруг связанных берез, целовали висящие кресты, а потом — друг друга. Сняв кресты и ленты, покумившиеся попарно обменивались ими. Кумами называли друг друга до Духова дня. После кумления начиналась совместная часть молодежного гулянья. У костра, зажженного, чтобы готовить непре-

менное блюдо из яиц, появлялись парни, приносившие сласти: мед, «груздики», орехи, конфеты. Девушки, в свою очередь, угощали их яичницей. После угощения расходились по лесу парами, причем инициатива выбора принадлежала девушке: она подходила к избранному парню и целовала его. Некоторые пары гуляли по лесу, обнявшись. «На Вознесенье это не запрещается, — сообщает корреспондент, — в остальные дни за это засмеют, а отец с матерью тогда убьют». Как только солнце начинало садиться, все опять собирались вместе и шли в селение с песнями.

Взгляд крестьян на отношения, возникавшие в результате обмена крестами во время завивания венков, существенно различался в разных местах — и по срокам действия, и по степени серьезности этих отношений. В описаниях 1-й пол. XIX в. встречается восприятие его как настоящего посестримства (см.: Побратимство) — на всю жизнь. В Зарайском у., напр., «бабы и девки» в Семик шли с песнями и с наряженной березкой в ближайшую рощу, обильную березняком, надевали там на головы венки, свитые из березовых веток, и завивали подобие венков на самих березах. Повешенный в такое кольцо из веток крест целовали с двух сторон кумившиеся девушки или женщины и затем обменивались крестами. Этот обряд означал утверждение между покумившимися дружбы «навек», «так что уже ссориться и браниться между собою считается у них величайшим грехом». Тех, кто покумившись ссорился, осуждала пословица: «Кукушку кстили (крестили), да языка не прикусили».

М. Громыко

КУМОВСТВО, духовное родство (свойство), возникающее в результате Таинства крещения между крестным отцом, восприемником (кум для родителей крестника и крестной матери), восприемницей (кума для крестного отца и родителей крещеного) и родителями крещеного.

КУМОХА — ВЕШНЯЯ ДРЕМА — см.: ТАРАСИЙ КУМОШНИК.

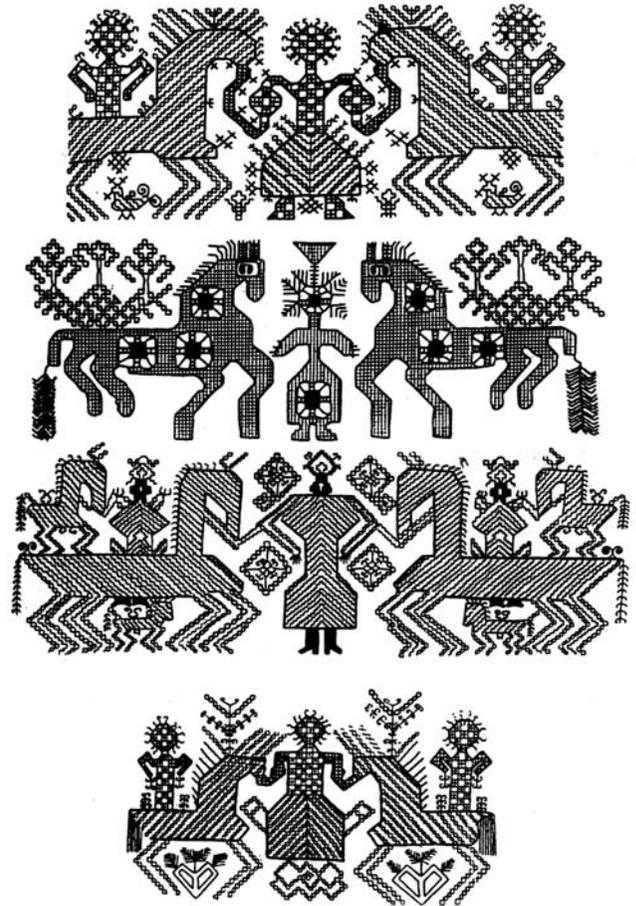
КУМОХА
ОСЕННЯЯ (Захарий), народное название дня прор. Захарии и прав. Елисаветы, (5/18 сент.).

По старинному поверью, в этот день в деревни приходит нечистая сила — кумоха. Она калечит женщин, отнимает руки-ноги, искривляет лицо. Ходит кумоха из дома в дом в облике старушки-странницы. Добросер-

Пророк Захария.
Фрагмент
иконы XV в.

дечные женщины впускают ее в дом себе на беду. Как попала кумоха в дом, тут и начинает она творить свое зло, на женщин всякие болезни напускает. Чтобы кумохи не допустить в этот день, в доме надо было прибраться, баню истопить, самой березовым веником попариться и детей по спинкам веничком похлестать. Духа березового кумоха боится. Обращались в этот день за помощью к «Неопалимой Kupине». Если же в деревне был человек, который в этот день родился, то считалось, что он знал, как от кумохи избавиться. Она и сама его боялась. Поэтому как заведется в каком доме кумоха — следовало звать именинника, он точно кумохи изгонит.

КУПАЛА, языческое божество лета, полевых плодов и летних цветов, почиталось третьим после Перуна и Велеса, истукан его стоял в Киеве до Крещения Руси.

Праздник летнего солнцестояния (Купало).
В середине богиня Макошь и символы размножения.

Обилие солнечных знаков указывает на «макушку лета» — праздник Купалы.
(Русская вышивка; комм. Б. А. Рыбакова.)

Ритуальный праздник ему был установлен в день летнего солнцестояния в начале жатвы, в Иванов день и в ночь, ему предшествующую (см. Аграфена Купальница). Возжигались большие костры, приносили жертвы. Участвовавшие плясали и пели возле огня в одеждах,

украшенных цветами. Затем через огонь прогоняли скот, чтобы обезопасить стадо от злых духов.

Языческие ритуалы, посвященные Купале, в христианские времена были вытеснены великим праздником Рождества св. Иоанна Крестителя и предшествовали ему днем празднования св. мц. Агриппины (*Аграфены*). Тем не менее отголоски древних языческих ритуалов сохранялись 23 и 24 июня вплоть до н. XX в. В народе эти дни прозывались соответственно Агриппина (*Аграфена*) *Купальница* и Иван Купала. На Троицыну неделю молодежь делала и одевала большую куклу, которую называли Купалой, а затем «с плясками, песнями и присвистом» бросала ее в ближайшую речку или пруд.

О. Платонов
КУПРИЯН (Куприянов день, Журавлиное вече), народное название для сщмч. Киприана, 31 авг./13 сент. На Куприяна начинали копать картофель и собирать корнеплоды. По народному поверью, в этот день на болотах журавли собирались на «вече». Крестьянские погодоведы в этот день по поведению журавлей определяли погоду на зиму. На Куприяна запрещалось ходить за клюквой на болото, чтобы не тревожить журавлей.

КУПРИЯН и УСТИНЬЯ (Куприянов день), народное название дня сщмч. Киприана, мц. Иустины и мч. Фектиста, 2/15 окт.

По народному поверью, после праздника *Покрова* снова поднимали голову *нечистые силы*. Чтобы уберечься от них, укрепиться в Православной вере, в этот день полагалось молиться св. Киприану и Иустине, спасающим народ от злых чар и наваждений.

КУРЕНЬ, 1) казачий дом с надворными постройками; 2) временная постройка на поле или пастбище.

КУРИЛКА, народная игра, во время которой из рук в руки передавалась горящая *лучина*. Играющие пели: «Ножка тоненька, душа коротенька», «Жив, жив, курилка!» Тот, у которого лучина гасла в руках, считался проигравшим.

КУРИНЫЙ БОГ, в русской деревне вплоть до н. XX в. ритуальный предмет, обычно камень со сквозным отверстием, напоминающий птичью голову, который вешали в курятник в качестве оберега от *нечистой силы* — *домового* и *кикимора*, а также для того, чтобы куры хорошо неслись и были целы.

КУРИНЫЙ ПРАЗДНИК (Сильвестр), народное название дня св. Сильвестра, папы римского, 2/15 янв.

В этот день полагалось чистить курятники, ладить насесты, окуривать стены, чтобы охранить кур от проказ *домового*. Работу эту выполняли женщины втайне от мужчин. В курятниках, как и на Куриный праздник в осенние *Кузьминки*, подвешивали *куриного бога* — черный камень с отверстием, чтобы он охранял кур от нечисти и для лучшей их яйценоскости.

В этот день молились св. Сильвестру, заговаривали *лихоманку*. Опытные старушки смывали с дверей и притолок *лихоманок* (лихорадок) с приговором и непременно тряпичей, смоченной раствором *четверговой соли*, золы из семи печей и земляного угля. Четверговую соль хранили с четверга седьмой недели *Великого поста*, когда ее прожигали в *русской печи*.

КУРНАЯ ИЗБА, рубленый дом с *печью*, не имевшей дымохода. Дым из топки выходил через окно и дверь, открытую для тяги. Курная изба называлась еще чер-

ной из-за толстого слоя сажи, покрывавшего стены и потолок.

КУРНИК, круглый сдобный *пирог* с яйцами и куриным мясом, нарезанным крупными кусками.

КУРЯЧЬИ ИМЕНИНЫ — см.: **КУЗЬМИНКИ ОСЕННИЕ**.

КУТНИК, *лавки*, расположенные вдоль стен, образующие *красный угол*, кут.

КУТЬЯ, кушанье из риса и другой крупы с *медом*, изюмом и т. д. Освящается в церкви и вкушается на поминках и в *Сочельник* (*сочиво*).

КУХЛЯ, небольшой дубовый бочонок с носиком для слива, с четырьмя деревянными ножками и ручкой сбоку. Использовался для подачи на стол *кваса*, *пива*, *браги*.

КУХНЯ РУССКАЯ, особенности приготовления пищи в домашнем быту русского народа связаны с ритуальным характером, который русские придавали приему пищи (см.: Еда (трапеза).

Металлическая утварь: а — ступа с пестиком; б — ковш; в — кружка с крышкой; з — горшок; е — з — сковородки; д — пельменница.

Из разных способов приготовления пищи варка, печенье и сушка были распространены у русских значительно шире, чем жаренье и копчение. Последнее почти совсем не было принято. Напротив, широко использовались такие способы приготовления пищи, как соленье, квашение и вяление на воздухе и на солнце. Существовал особый способ жаренья, который назывался *пряжить* (малорос. *пряжёний*). Он заключался в том, что пищу полностью погружали в масло или сало и так варили. Этим способом делали т. н. русский хворост. Печенье *пряжёники* и *пряжмо* были названы так именно по этому способу приготовления. Преобладало жаренье в закрытой посуде (*жарбвня*, *плóшка*, *ринка*), и это восходило к *пряжению*. Различие заключалось лишь в том, что если жарилось не мучное блюдо, а мясо или овощи, то они сами давали сок и т. о. кипели не в чистом масле или жиру, а в сильно разбавленном, так что скорее тушились и даже варились.

Парили овощи без жира или масла; их ставили в герметически закрытой посуде в горячую *печь*, и они варились в собственном соку. Севернорусские готовили этим же способом *паренки* из репы; они отличались по вкусу от *печениц*, т. е. от репы, печенной в *печке*. Выпечка некоторых *пирогов*, особенно *пирогов* с кали-

Из разных способов приготовления пищи варка, печенье и сушка были распространены у русских значительно шире, чем жаренье и копчение. Последнее почти совсем не было принято. Напротив, широко использовались такие способы приготовления пищи, как соленье, квашение и вяление на воздухе и на солнце. Существовал

ной и отчасти с рыбой, основана на этом же принципе. Круглые пироги с калиной тщательно закрывали сверху тряпкой, и они всю ночь *прели* в печи, как и паренки из репы, так что калина с солодом становилась уже не горькой, а сладкой. Ягодный сок, так же как сок от рыбы в рыбном пироге, оставались внутри пирога.

Существовал особый способ калить, томить продукты, напр. яйца, в печи. Их ставили в пустой закрытой посуде в горячую печь. Такие каленые яйца отличались вкусом от печеных. Орехи калили др. способом: завязывали в мешки и ставили в горячую печь. При этом мешки поворачивали с боку на бок, чтобы они не сгорели. Когда орехи сильно нагревались, их прямо в мешках погружали в холодную воду, затем снова калили, и повторяли это раза три — четыре. Ореховая скорлупа служила герметическим сосудом.

Широко была распространена сушка продуктов в горячей печи. Так сушили, напр., малину, чернику, вишню, рыбу и т. п.

Вяление рыбы отличалось от сушки тем, что она сохла медленно и постепенно не в печи, а на ветру и под лучами северного солнца. Севернорусские вялили рыбу следующим способом: не снимая со свежей рыбы чешуи, ее резали в длину, натирали солью и развешивали на солнце, обычно по краю крыши. От птиц ее предохраняли сетью. Так она висела все лето. Точно таким же образом, хотя и реже, вялили соленое мясо.

Рыба, вяленная этим способом, пахла гораздо приятнее, чем кислая рыба, которую нередко путали с соленой. Кислую, точнее квашеную рыбу сперва солили в бочках, но лишь слегка. Некоторое время бочки с рыбой держали в теплом месте, на солнце, в избе, даже около печи, пока у рыбы не появится сильный кислый запах. Кислая рыба становилась совершенно мягкой, так что мясо легко отделяли от костей. Северяне ели такую рыбу, сырую или печеную, не обращая внимания на ее запах. Они утверждали, что кислая рыба действует возбуждающе. В Олонецкой губ. кислую рыбу называли межунная рыба (собственно, рыба теплого времени года), а замеженилась рыба означает, что рыба закисло.

Из приправ на первом месте стояло соленое свиное сало, излюбленная приправа малороссов и белорусов; напротив, великороссы его не употребляли. Малороссы снимали с убитого кабана сало полосками шириной в 13 см, во всю длину туши и разрезали эти «ремни» на куски длиной 13—18 см. Эти куски натирали солью, набивали ими свиные кишки (здор), посыпали солью (3 кг соли на 20 кг сала) и вешали в сухом месте на ветру или в сарае. Кроме того, соленые куски сала без потрохов клали в *кадку* (будня). Через месяц сало было готово. Его употребляли как приправу к разным блюдам, иногда в толченом виде. Его также жарили на сковороде кубиками по 2 см, без кожи (смáжене сало). Великороссам все это было чуждо; они употребляли смалец (растопленное сало) только для жарки.

Приправой к постным блюдам служил сок, т. е. маслянистая жидкость, получающаяся, если растолочь жареное конопляное семя. Малороссы Овручского у. Волынской губ. готовили еще т. н. урдú: растирали в миске сырое конопляное семя, смешивали его с водой, процеживали и варили в горшке. Поднимавшуюся при

этом наверх белую массу пережаривали с луком и употребляли как приправу. Конопляный сок, с незначительными вариантами в способе приготовления, употребляли во всех областях России.

Белорусы приправляли некоторые блюда, напр. мясной суп (юшнік), свиной и гусиной кровью. Они, как и малороссы, запекали, напр., кровь с мукой; это блюдо называлось кровянка. Кроме того, и белорусы, и малороссы делали колбасы из крови животных. В отличие от них великороссы избегали какого бы то ни было употребления крови и считали ее добавление в пищу *грехом*.

Помимо запрета на кровь существовал запрет на употребление в пищу мяса различных животных, птицы и рыбы, обусловленный библейскими заповедями или объясняющийся др. причинами. Нельзя было есть конину, кошачье и собачье мясо и мясо хищных животных; кое-где, правда, разрешалось есть медвежатину. Не везде допускалось употребление в пищу зячьего мяса. В основном этого избегали великороссы, утверждая, что у зайца кошачья морда и собачьи лапы (Рязанский у., Вологодская губ., Шенкурский у. Архангельской губ. и др.). Русские не ели также мяса белки, между прочим потому, что старались не уподобляться своим соседям — финнам, употреблявшим в пищу и зайчатину, и беличье мясо. Редко и неохотно русские ели телятину. Вероятно, старый обычай не есть телятину был вызван хозяйственными соображениями. Теленка следует откармливать, пока он не станет побольше. Староверы и жители Крайнего Севера (Пудожский у. Олонецкой губ.) не ели свинину; они считали свинью нечистой, поскольку она питается падалью.

Не употребляли в пищу также мясо хищных птиц. Мясо лебедей тоже не ели, хотя еще в старой Москве оно было обычным блюдом. Этому запрету давали разные объяснения. В Сибири говорили, что у лебедей бывают менструации, что они рождаются слепыми и совокупляются по-собачьи. В Самарском у. лебедь считался священным символом супружеской любви. В Олонцком у., так же как в Вятской губ., это объясняли так: если из пары лебедей один умирает, второй бросается с высоты вниз и разбивается о землю. Во многих местах не ели мясо голубей, особенно белых. Причины были разные: говорили, что голуби рождаются слепыми (Псковский у.), что они «Божьи птицы» (Владимирская губ.), что святой дух явился в образе голубя (Шенкурский у. Архангельской губ.), что голубь — божественный символ (Обоянский у. Курской губ.). Кое-где, например в Псковском у., не ели и журавлиное мясо; раньше, однако, это была излюбленная еда, и журавлей откармливали как домашнюю птицу. В Самарском у. приводили такое объяснение: журавли — уроды, так как у них чрезмерно длинные ноги и носы. На этом же основании, как уродов, там не ели раньше и глухарей, потому что они глухие. В некоторых местах не ели перепелов (Сергачский у. Нижегородской губ.), петухов (Пудожский у. Олонецкой губ. и Вологодский у.), чаек (Шенкурский у. Архангельской губ.) и т. д. В Подолии не ели аистов, дятлов, цапель, поскольку это люди, превращенные в птиц.

Во многих местах не ели раков (Владимирская губ., Сергачский у. Нижегородской губ., Курская губ. и др.); их называли чертовы вши, потому что они питаются

падалью. Из рыб не ели угря, похожего на змею и не имеющего чешуи (Вятская губ., Шенкурский у. Архангельской губ.). Голову вьюна считали нечистой и поэтому ее отрывали (Могилевская губ.). Кое-где не ели также налимов, потому что у них нет чешуи, и сивов (Могилевская губ.). В некоторых местах старoverы не ели даже картофель, который они называли чертовы яйца и употребление которого в пищу еще в н. XIX в. они считали грехом. Требование бывшего департамента уделов Пермской губ. сажать картофель вызвало крестьянские бунты. Многие старoverы до н. XX в. считали грехом употребление чая, кофе, сахара и особенно табака. Самовар они называли «антихристово брюхо» (Семеновский у. Нижегородской губ.) и даже «самоварную воду» без чая и то не пили. Почти везде сахар считался в постные дни запретным.

Первым и основным горячим блюдом великороссы считали *щи*, а белорусы и малороссы — *борщи*. Некоторые малороссы даже отказывались есть борщ, считая его грехом. Хотя они и красивые, да борщ варить не умеют». Тем не менее это довольно поздний видоизмененный вариант старого кушанья, супа из диких трав, преимущественно из борщевника. У белорусов и великороссов это растение до н. XX в. сохраняло свое старое название — борщовник. Белороссы, особенно Виленской и Минской губ., варили из этой травы кислую похлебку и называли ее борщ. Добавление разных трав, например крапивы, лебеды, характерно и для малороссийского борща, но его главной составной частью являлась свекла (буракъ) и свекольный квас. Главной же составной частью шей служила *капуста*. Свекла родилась на севере плохо и очень мало была там распространена. В некоторых районах Белоруссии *щи* называли капустой.

Очень редко встречалась у малороссов сушеная овсяная мука — *толокно*, общепотребительное у белорусов и обогатившее целым рядом блюд русскую кухню. Эти блюда отличались друг от друга различными добавлениями к толокну, способом замешивания и особенно густотой. Это русские *дежень*, *сухомес*, *тепня*, *тепёнка* и др.

Толокно (белорус. также *мілта*) делали следующим способом: овес обливали горячей водой, кипятили с помощью горячих камней или иным способом, сушили в печи, толкли в ступе, просеивали и мололи в муку. Для еды его разбавляли до разной густоты холодной водой с солью, квасом, молоком и т. п.

Кулѣга была характерна для великороссов, однако ее знали и белорусы, называвшие ее *кулѣга* или *саладѣга*. Великороссы называли ее также *тесто*. Это кислое тесто из ржаной муки и солода, которое не пекли, а парили.

Для великороссов было характерно употребление в пищу *тюри*, *тюрьки*; это кусочки черствого черного хлеба, размоченные в квасе или в воде, иногда с добавлением чеснока или конопляного масла. Белороссы называли эту еду *цюпки*, *чекуляда*. Ее делали также с молоком и березовым соком (весной).

Широкое распространение в русской кухне имели лапша и пельмени. Лапша готовилась из крупных кусков теста. Пельмени — разновидность пирожков с рубленым сырым мясом, которые варили в кипятке; ели их часто с уксусом и перцем. Делали также пельмени с

начинкой из рубленой капусты, грибов или рыбы. Это блюдо было знакомо не всем севернорусским, а только жителям Урала и Нижней Волги. На севернорусские пельмени были похожи украинские *вареники*. Это пирожки, немного крупнее пельменей; их начиняли творогом, толченым маком, ягодами, бобами, мясом (т. н. *гилуни*), капустой. Их варили и ели со сметаной, маслом или медом. Вареники были известны также белорусам, которые начиняли их толченым конопляным семенем или грибами, варили в воде и затем сушили на горячей печи.

Другое малороссийское национальное кушанье — *галушки*; это кусочки густого пресного теста из гречишной или пшеничной муки, сваренные в воде. Их ели с маслом или со свиным салом с чесноком, а иногда со свекольным квасом. *Узвар* — специальное рождественское малороссийское блюдо: сушеные фрукты заливали водой и ставили на ночь в печь; его ели холодным, добавив немного меда.

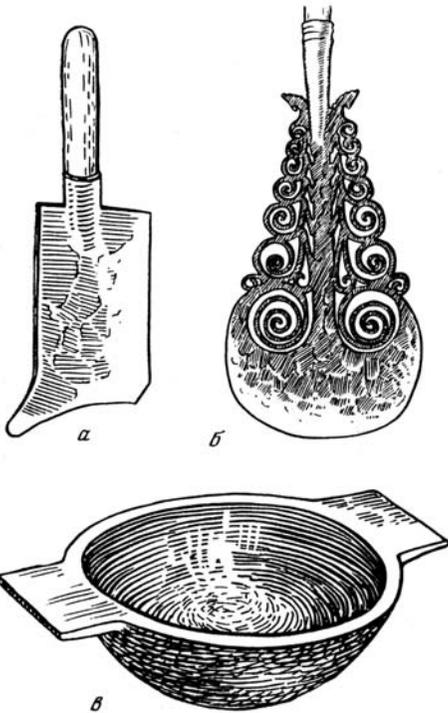
Белорусские национальные блюда, кроме упомянутых, включали еще следующие: жидкий мучной суп из ржаной, ячменной, овсяной, гречишной, гороховой, бобовой муки или из смеси всех этих сортов, с солью. Он назывался *калатѣха* и *баўтѣха*. Ели его горячим, с маслом или салом. Т. н. *камы* — шарики величиной с куриное яйцо, приготовленные из вареных или толченых бобов или гороха, а иногда также из овсяной или гороховой муки. В последнем случае эти шарики варили или жарили. Их ели с молоком или салом. Такие шарики, начиненные кусочками свиного сала, назывались *камы з варабѣямі*.

Каша и кисель были распространены одинаково по всей России. Существовало множество видов этих блюд в зависимости от составных частей и способа приготовления.

Следует также упомянуть целый ряд диких трав, которые ели сырыми, причем не только дети, но и взрослые. Иногда сбор некоторых из этих трав превращался в общий праздник, как, напр., сбор дикого лука — *резанца* и др. вида лука на прибрежных лугах Севера (Вятская и Вологодская губ.). Его ели сырым, реже вареным, как приправу к разным постным кушаньям. Сбор лука в начале *Петрова поста* сопровождался веселыми прогулками молодежи. Белороссы ели оба вида лука сырым.

По всей России ели в сыром виде кислые листья щавеля, стебли и цветы т. н. заячьей капусты. Хвощ или дикая спаржа (*пѣстики*) иногда всю весну кормили целые семьи бедняков, не имеющих хлеба. Это растение ели и сырым, и вареным. Его подземные клубни (земляные орехи) на Севере считали лакомством. Ели также клубни хохлатки и ренного кервеля. Дети ели и лопушки, т. е. молодые побеги этого растения, а также молодые побеги липы. Молодые листья сняты обыкновенной (снѣтка) и борщевника давали зелень для овощных супов. Дети ели сырыми стебли этих растений, а также и некоторых др. зонтичных, напр. дудника. Съедобны также молодые побеги свербиги, стебли козлотородника, гроздовника, молодые побеги рогоза, плоды полевой мальвы (*калѣчики*, *просвирки*) и др.

Из деревьев *береза* и *сосна* давали весной сок. Его нацеживали из-под коры. Он был сладок как мармелад.

Утварь для рубки овощей: а — нож-секач; б — сечка; в — корытце для рубки.

се́вериха, ми́чка, плётка, марёшка).

Ист.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Русская кухня в XVI—XVII вв., основывалась на обычаях. Лучшим поваром считался тот, который следовал сложившимся национальным традициям. Изменения в кушаньях вводились незаметно. Кушанья были просты и не разнообразны, хотя столы русские и отличались большим количеством блюд; значительная часть этих блюд была похожа одна на другую, с небольшими различиями. Богатые составляли себе росписи кушаний на целый год; счет шел по церковным праздникам, по *мясоедам* и *постам*; для каждого дня, соответственно со значением его в церковном круге, назначался заранее стол; впрочем, это не стесняло возможности выбора кушаний и по желанию, потому что в росписи писалось множество кушаний, из которых можно было выбирать.

Обычай свято сохранять посты, соблюдаемый как крестьянами, так и царями и боярами, разделял русский стол на 2 отдела: скоромный и постный, а по припасам, из которых готовились кушанья, они могли быть разделены на 5 отделов: мучнистые, молочные, мясные, рыбные и растительные.

Русские ели хлеб преимущественно ржаной; он был принадлежностью не только бедного, но и богатого стола. Русские даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Название «хлеб» значило собственно ржаной. Иногда, впрочем, к ржаной муке примешивали ячневую, но это не могло быть постоянным правилом, потому что ячменя было мало.

Сосновый сок являлся также целебным средством при легких заболеваниях. Для получения соснового или березового сока выбирали молодые деревья 15—30 лет. Иногда их валили, но чаще очищали ствол от коры, не срубая дерева, и резали ножом или рвали струной мягкий сочный слой.

В пищу шли также молодые побеги ели во время цветения (севрус.

Пшеничная мука употреблялась на просфоры, а в домашнем быту на *калачи*, которые вообще для простого народа были лакомством в праздничные дни — от этого и поговорка: калачом не заманишь. Лучший сорт калачей пекся их крупитчатой муки в виде колец небольшого размера, другой сорт делался из толченой муки, круглыми булками: эти калачи назывались братскими; был третий род, называемый смесными калачами: их пекли из пшеничной муки пополам с ржаной. Это делалось не только от недостатка, но находили в такой смеси особый вкус: к царскому столу подавались такие калачи. Вообще хлеба, как ржаные, так и пшеничные, готовились без соли.

В XVI и XVII вв. в большом употреблении в народе было толокно, приготовленное из овсяной муки с водой; в сухом виде оно отпускалось служилым людям для продовольствия наряду с ржаной мукой.

Из кушаний, приготовляемых из теста, первое место занимали *пирогои*. По способу выпечки они были пряженые и подовые. Подовые были всегда из квасного теста, пряженые иногда из квасного, иногда из пресного. Мука для них употреблялась пшеничная крупитчатая или толченая, смотря по важности дня, когда они готовились; пеклись также и ржаные пироги. Все русские пироги в старину имели продолговатую форму и различную величину; большие назывались пирогами, малые пирожками. В скоромные дни они начинались бараньим, говяжьим и заячьим мясом, несколькими видами мяса разом, напр. бараниной и говяжьим салом, также мясом и рыбой вместе с добавлением каши или лапши. На *Масленицу* пекли пряженые пироги с творогом и с яйцами на молоке, на коровьем масле, с рыбой вместе с искрошенными яйцами или с тельным, как называлось рыбное блюдо, приготовляемое вроде котлет. В постные рыбные дни пеклись пироги со всевозможнейшими родами рыб, особенно с сига́ми, снетками, лодогой, с рыбными молоками или с визигой, на масле конопляном, маковом или ореховом; крошенная рыба перемешивалась с кашей или с рисом. В постные нерыбные дни пеклись они с рыжиками, с маком, горохом, соком, репой, грибами, капустой, на каком-нибудь растительном масле или сладкие с изюмом и другими разными ягодами. Сладкие пироги пеклись и не в пост вместо пирожных. Пироги, за исключением сладких, подавались к горячему: меж ух.

Другой вид печенья из теста был *каравай* — слобный хлеб, приготовленный различными способами. Был каравай битый, который взбивался с маслом в сосуде, ставленный — вроде кулича на молоке; яицкий — на большом количестве яиц, каравай с сыром, каравай братский и прочее. Яйца, масло или говяжье сало, сыр и молоко служили добавкой в каравае, а различные виды его зависели от того, сколько класть муки и с чем ее клали и в каком количестве.

К печеням из теста принадлежали: *курник*, т. е. паштет, начиненный курицей, яйцами, бараниной с маслом или говяжьим салом; оладьи, котлома, сырники, блины, хворосты, кисели. Оладьи делались из крупитчатой муки, яиц, коровьего масла, а в постные дни — без яиц с ореховым маслом и подавались с патокой, сахаром или медом. Оладьи огромного размера назывались приказными оладьями, потому что их приносили приказным

людям на поминки. Подобное кушанье составляла котлома, отличавшаяся от оладий тем, что количество яиц в ней было меньше; она подавалась с патокой. Сырники готовились из творога, яиц, молока с небольшим количеством крупитчатой муки. Блины делались красные и молочные: первые из гречневой, вторые — из пшеничной муки; молоко и яйца входили в последний сорт. В XVI—XVII вв. блины не составляли принадлежности Масленицы, как в XIX в., — символом Масленицы были пироги с сыром и хворосты — вытянутое тесто с маслом. Пекли также тестяные шишки, левашники, перепечи, орешки: все эти виды подавались в масле; такие же кушанья готовились в пост с растительным маслом. Кисели делались из овсяной и пшеничной муки и подавались в скоромные дни с молоком, в постные — с постным маслом. Каша готовилась из круп, овсяных или гречневых, пшенная каша была редко. Из молочных кушаний в употреблении была вареная лапша с подливом в нее свежего топленого молока, варенца, молочная каша разных видов, губчатый сыр из творога со сметаной, кислый сыр.

Мясные кушанья были вареные или жареные. Вареные подавались в щах, ухе, рассоле и под взварами; щи забеливались сметаной во время варения, а не при столе. Обыкновенный приварок к щам была кочанная и крошенная, свежая и кислая капуста. К щам подавалась гречневая каша. Ухой назывался суп или похлебка. Огромное количество разных приностей составляло принадлежность русской ухи в разных видах: уха с гвоздикой называлась черной ухой, с перцем — белой, а без приностей — голой. Рассол был вид солянки: варились мясо в огуречном рассоле с примесью приностей. Взваром назывался всякого рода соус. Жареные мясные кушанья были верченые, шестные, печеные, сковородные. Баранина составляла самый обычный вид мясных кушаний в скоромные дни с весны до поздней осени. «Домострой» учит, как поступать с бараньим мясом: купив целого барана, следовало разделить его мясо и распределить на несколько дней части; грудинка подавалась на уху или щи; лопатки и почки на жареное; крюки подавались под взваром; ножки начинались яйцами; рубец кашей; печенку иссекали с луком и, обернув перепонкой, жарили на сковороде: легкое готовили со взболтанным молоком, мукой и яйцами; из головы вынимали мозги и делали из них особую похлебку или соус с приностями, а из густосваренной с бараньим мясом ухи, ставя ее на лед, готовили холодный студень. Для говядины служили яловые коровы, поэтому говядина носила в старину название яловичины. Яловиц покупали осенью и убивали; мясо солили впрок, а потроха, к которым причисляли губы, уши, сердце, ноги, печень, языки, служили для обычной пищи и подавались под студнем, под взварами, с кашей, на жареное. Свежей говядины русские ели мало, а употребляли гл. обр. соленую. Многие содержали во дворах свиней и откармливали их в течение года, а перед праздником *Рождества* кололи. Свиное мясо солилось или коптилось, и ветчина употреблялась на зимние щи, а голова, ноги, кишки, желудок подавались свежими в разных видах: голова под студнем с чесноком и хреном; из кишок делали колбасы, начиная их смесью мяса, гречневой каши, муки и яиц. Зайцы подавались

душеные (духовые), рассольные (в рассоле вареные) и под взварами, особенно сладкими. Были люди, которые считали зайцев нечистыми животными. Стоглав запрещал продавать на торгах зайцев без «испущения крови». Такое же предостережение было от Московского патриарха в 1636; но нигде не видно, чтобы Церковь была против употребления зайцев в пищу. Наравне с зайцами некоторые остерегались оленины и лосины; но мясо этих зверей составляло роскошь царских и боярских торжеств.

Куры подавались в щах, ухе, рассоле, жареные на рожнах, вертелех, называемые по способу их приготовления жареными и верченными. Щи с курицей назывались богатыми щами и всегда забеливались. К жареной курице обычно подавали что-нибудь кислое: уксус или лимон. «Кура рафленая» употреблялась в XVII в. в соусе из курицы с рисом, изюмом и разными приностями, кура бескостная — в соусе из курицы без костей, с начинкой из баранины или яиц с шафранной похлебкой. За роскошными обедами особыми блюдами подавались куриные пупки, шейки, печенки и сердца. Другие птицы, употребляемые в пищу, были утки, гуси, лебеди, журавли, цапли, тетерева, рябчики, куропатки, перепела, жаворонки; утки — в щах и жареные, гуси — вяленые, начинались гречневой крупой и приправлялись говяжьим салом; из гусей готовили *полотки*, которые ели зимой с хреном и уксусом; гусиные потроха шли в уху или в особые кушанья под взварами. Рябчики, тетерева и куропатки — кушанья зимние — обыкновенно подавались: первый приправленный с молоком, прочие жареные со сливами и другими плодами. Лебеди во всякое время считались изысканным блюдом: их подавали под взваром с топешками, т. е. нарезанными ломтиками калача, опущенными в коровье масло; потроха лебязьи, как и гусиные, подавались под медвяным взваром, иногда же с говядиной или в пирогах и перепечах. Дичи в России было много и она была дешева, но русские не очень любили ее и употребляли мало. Каждое мясо имело свои огородные и пряные приправы; так, репа шла к зайцу, чеснок к говядине и баранине, лук к свинине.

Московское государство изобиловало рыбой, составлявшей половину года обычную пищу. Самые распространенные виды рыб были: лососина, привозимая с Москву с севера из Корелы, осетрина шехонская и волжская, волжская белорыбца, ладожская ладога и сырть, белозерские снетки и рыбы всех небольших рек: судаки, караси, щуки, окуни, леши, гольцы, пескари, ерши, вандыши, хохолки, вьюны. По способу приготовления рыба была свежая, вяленая, сухая, соленая, провесная, ветряная, паровая, подваренная, впрок щипанная, копченая. По принятому обыкновенно закупать для дома съестные припасы в оптовом количестве везде продавалось множество соленой рыбы, хороший хозяин покупал для домашнего обихода большой запас и складывал в погреб, а чтобы она не испортилась, вывешивал на воздух, и это называлось выветривать: тогда уже рыба получала название провесной, а если хорошо выветривать, то ветряной. С тех пор рыба складывалась уже не в погреб, а в сушиле пластами и прутами; пластовая рыба клалась на приделанных к стенам сушила полицах, а прутовая — кучей под рогожами.

Мучные блюда: а — блины, б — вареники, в — пельмени.

Из-за трудностей доставки свежей рыбой могли пользоваться только жившие около рыбных мест; в Москву свежая красная рыба доставлялась только для царского стола и для знатных князей и бояр; она привозилась живая и содержалась в прудах, специально сделанных в их

садах; большинство жителей довольствовалось соленой осетриной, готовившейся на астраханских учугах.

Горячие рыбные кушанья были щи, уха и рассольное. Рыбная уха делалась из разных рыб, преимущественно чешуйчатых, а также из рыбих потрохов, смешанных вместе с пшеном или с крупами и с большим добавлением перца, шафрана и корицы. По способам приготовления в русском столе различалась уха рядовая, красная, черная, опеканная, вялая, сладкая, пластовая; в уху бросали мешочки или толченики, приготовленные из теста с искрошенной рыбой. Щи делались кислые со свежей и с соленой рыбой, иногда с несколькими сортами рыб вместе, часто с рыбой сухой вроде истертой в порошок муки; при этих горячих кушаньях подавали пироги с рыбными начинками или кашей. Рассольное готовилось обычно из красных рыб: осетрины, белужины и лосося. К горячим кушаньям подавали пирожки с разными рыбными начинками и с кашей. В постные дни летом подавалась ботвинья с луком и разными кореньями. Из тертой рыбы разных родов, смешанных вместе с примесью крупы или пшена, готовилось кушанье, называемое рыбная каша; а в скоромные дни смешивали туда и мяса; такую же кашу клали и в пироги. Готовили из рыб тельное вроде котлет, смешивали с мукой, обливали ореховым маслом, добавляли туда пряностей и пеки; это называлось рыбным караваем. Жареную рыбу подавали облитую каким-нибудь взваром. *Икра* была в числе обычных кушаний: свежая зернистая из осетра и белорыбицы составляла роскошь; но во всеобщем употреблении была паюсная, мешочная, армянская, которую употребляли даже бедные. Икру употребляли с уксусом, перцем и искрошенным луком. Кроме сырой икры употребляли еще икру, варенную в уксусе или маковом молоке и жареную в масле: в посты делали икрянки, или икряные блины: это была взбитая, после продолжительного битья, икра с примесью крупитчатой муки и потом запаренная.

В те постные дни, когда считалось грехом употреблять рыбу, пища русских была растительная: ели кислую и ставленную капусту, свеклу с постным маслом и уксусом, пироги с горохом, с растительной начинкой, гречневую и овсяную кашу с постным маслом, луковники, овсяный кисель, левашники, оладьи с медом, каравай с грибами и с пшеном, разного рода грибы варенные и жареные (масленики, грузди, сморчки, рыжики), разные приготовления из гороха: горох битый, горох тертый, горох чезеный, сыр гороховый, т. е. твердосби-

тый мятый горох с постным маслом, лапшу из гороховой муки, творог из макового молока, хрен, редьку и разные овощные блюда: взвар из овощей и коливо.

Ко всяким кушаньям русские любили добавлять пряные приправы, а в особенности лук, чеснок и шафран. Лук и чеснок являлись продуктами первой необходимости: они давались в числе кормов, которые обязаны были жители давать писцам, посылаемым для составления писцовых книг. Перец, горчица и уксус ставились всегда на столе как необходимость обеда; и каждый гость брал сколько хотел. При приготовлении кушаний обыкновенно не употребляли соли. Это делалось для того, чтобы каждый мог брать соли сколько хотел, и в те времена русские не находили разницы во вкусе того, что посолено во время приготовления кушанья, от того, что солили уже на столе. Зато все любили соленое впрок и не только употребляли мясо и рыбу больше в соленом виде, но и заправляли солью и уксусом разные овощи и плоды: огурцы, сливы, яблоки, груши, вишни. У хороших хозяев всегда стояло несколько посуды с такими соленьями, «придавленных камнями» и «засеченных в лед». Они подавались к жареному мясному и рыбному, а белая соленая капуста была обычным запасом на зиму как у богатых, так и у бедных.

Русские лакомства состояли их плодов свежих или же приготовленных в патоке, с медом и сахаром. Плоды эти были отчасти отечественного происхождения, отчасти привозные. Хозяева употребляли яблоки и груши в патоке и в квасе, т. е. клали в бочонки и заливали патокой, потом закрывали, но не плотно, чтобы «кислый дух выходил», или же, отобравши свежих яблок, делали в них отверстия и наливали туда патоки; из малины готовили морс, употребляемый с водой, из брусники брусничную воду. Было в обыкновении лакомство, называемое *левашами*: его делали из малины, черники, смородины и земляники. Ягоды сначала уваривали, потом протирали сквозь сито и вслед за тем варили снова, уже с патокой, обильно добавляемой во время варки, потом выкладывали эту густую смесь на доску, прежде смазанную патокой, и ставили на солнце или напротив огня; когда она высохла, то сворачивали ее в трубочки. Другим лакомством была *пастила*, готовившаяся из яблок. Яблоки клали в *сыту* (медовый взвар) и парили, потом протирали сквозь сито, клали патоку и снова запаривали, мешали, били, мяли, потом выкладывали на доску и давали подняться вверх, наконец складывали в медные, луженые творила, давая закиснуть, и опрокидывали вниз. Пастилу делали также и из других плодов, например из калины.

Редьку в патоке готовили таким образом: сначала крошили редечный корень в мелкие ломтики, вздевали на спицы так, чтобы ломтик не сталкивался с другим ломтиком, и вывешивали на солнце или в печах после выпечки хлебов; когда в растении не оставалось сырости, толкли его, просеивали сквозь сито, между тем варили в горшочке белую патоку и, уварив, выливали в редечную муку, добавляя туда разных пряностей: перца, муската, гвоздики и, запечатав горшочек, ставили в печь на 2 дня и 2 ночи. Смесь эта должна быть густой, как паюсная икра, и называлась мазюней, такую же мазюню готовили подобным способом из сухих вишен. Из арбузов, которые привозились с низовьев Волги, го-

товилось такое лакомство: нарезав арбуз пальца на 2 от коры кусками не толще бумаги, клали на сутки в шелок, между тем варили патоку с перцем, имбирем, корицей и мускатом и потом клали туда арбузы. Подобным образом готовили лакомства и из дынь. Русские варили в сахаре и в патоке привозные плоды, изюм, смоквы, имбирь и разные пряности. Обыкновенным русским лакомством был *взвар*, готовившийся из винных ягод, изюма, фиников, вишен и других плодов с медом, сахаром или патокой, с большим количеством гвоздики, кардамона, корицы, шафрана, имбиря и прочего; один род взвара назывался медвяным; другой квасным. К лакомствам следует отнести также *пряники* или *коврижки*, старинное национальное печенье. Сахар и леденец, привозимые русским из-за границы, служили предметом лакомств для богатых. На царских и боярских пирах ставили на стол приготовленные из сахара изображения орлов, голубей, уток, городов, башен, теремов, людей и также целые сахарные головы. По способу приготовления и по цвету различалось несколько видов сахара: сахар свороборинный, сахар зеренчатый, узорчатый, леденец белый и красный. Все это привозилось через Архангельск и с боярских столов переходило в народное потребление.

Напитки, употребляемые русскими в старину, были *квас*, *морс*, *пиво*, *мед*, *водка* и виноградные вина. Квас пили все — от царя до последнего крестьянина. Повсеместно в посадах можно было встретить и квасоварные заведения, и квасники, продающих квас в лавках и квасных кабаках. В монастырях квас был обычным питьем братии в будни. Квасы были разных сортов: кроме простого, т. н. житного, готовившегося из ячменного или ржаного солода, были квасы медвяные и ягодные. Медвяный готовился из рассыченного в воде меда, процеженного, с примесью калача вместо дрожжей. Этот раствор стоял некоторое время с калачом, потом его сливали в бочки. Его качество зависело от сорта и количества меда: для царей, напр., собирали лучший мед во всем государстве на квас; такого же рода медвяные квасы делались в некоторых монастырях, имевших свои пчельники; и оттого медвяный квас в народе носил эпитет монастырского. Ягодные квасы делались таким же образом из меда и воды с добавкой ягод, вишен, черемухи, малины и прочего; этого рода квас также можно было встретить чаще всего в монастырях, а у зажиточных людей он служил для угощения людей низшего звания. Пиво делалось из ячменя, овса, ржи и пшеницы; для народа оно варилось в казенных пивоварнях при кабаках, а люди зажиточные, имевшие дозволение готовить у себя напитки, делали его для домашнего обихода в своих дворах и хранили в ледниках под снегом и льдом. Русское пиво было вкусно, но мутно. Некоторые хозяева подпаривали его патокой, т. е. готовое пиво сцеживали с дрожжей и сливали в другую бочку, потом, взявши этого пива ведро, примешав туда патоки, варили до кипятка, потом простуживали и сливали назад в бочку, а иногда подбавляли туда ягодных смесей. Последнего рода пиво называлось *поддельным пивом*.

Лучшим русским питьем был мед. Меды были варенные и ставленные; первые варились, вторые только наливались. Кроме того, по способу приготовления и по

разным приправам меды имели названия: простой мед, мед пресный, белый, красный, мед обарный, мед боярский, мед ягодный. Мед, называемый обарным, готовили следующим образом: рассычали медовый сот теплой водой, процеживали сквозь частое сито так, чтобы мед отделился от вошины, потом клали туда хмеля, полагая на пуд меда полведра хмеля, и варили в котле, беспрепятственно снимая пену ситом; когда же жидкость уваривалась до того, что в котле оставалась ее только половина, тогда выливали из котла в мерник и остужали не на сильном холоде, бросали туда кусочек ржаного хлеба, натертого патокой и дрожжами, давали жидкости вскипеть, не допуская до того, чтобы она скисла совершенно, наконец сливали ее в бочки. Боярский мед отличался от обарного тем, что при рассычении меда бралось медового сота в 6 раз больше, чем воды; он кис в мерниках неделю, потом его сливали в бочку, где он стоял другую неделю с дрожжами; потом уже его сливали с дрожжей, подпаривали патокой и наконец сливали в другую бочку. Ягодный вареный мед готовился таким образом: ягоды варились с медом до тех пор, пока совершенно распались; тогда эта смесь снималась с огня; ей давали отстояться, потом ее процеживали, сливали в мед, уже сваренный прежде с дрожжами, хмелем, и запечатывали.

Ставленные меды готовились, как квасы, но с дрожжами или хмелем и потому отличались от квасов своим охмеляющим свойством. Ставленный ягодный мед был прохладительный и приятный напиток. Его делали обычно летом из малины, смородины, вишен, яблоч и прочего. В посудину клали свежих спелых ягод, заливали водой (вероятно, отварной) и давали стоять до тех пор, пока вода не принимала вкуса и цвета ягод (дня 2 или 3), потом сливали воду с ягод и клали в нее отделенный от воска чистый мед, наблюдая, чтобы выходило по кружке меда на 2 или 3 воды сообразно желанию придать напитку более или менее сладости, потом бросали туда несколько кусков печеной корки, дрожжей и хмеля и, когда смесь эта начинала вскисать, хлеб вынимали, чтобы она не приняла хлебного вкуса, мед на дрожжах оставляли от 5-и до 8-и дней в теплом месте, а потом снимали и ставили в холодное. Некоторые бросали туда пряности: гвоздику, кардамон, имбирь. Мед ставленный держался в засмоленных бочонках и был иногда до того крепок, что сшибал с ног.

Ист.: Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

КУЦАВЕЙКА (*кацавейка*), распашная зимняя женская одежда с большим воротником из белки, с длинными узкими рукавами. Для шитья ее использовались фабричные ткани, утепленные ватой или мехом.

КУЧМА, шапка с меховым верхом и исподом, распространенная в России до XVII в., позднее ее продолжали носить в некоторых российских провинциях, в частности в Малороссии.

КУШАК, *пояс*, складывающийся при одевании несколько раз; шился из шерсти, разноцветных шелков, иногда с использованием золотых и серебряных нитей. Крестьяне использовали узкий тканый кушак-покрюк либо широкий цветной кушак, скрученный жгутом, с концами, заткнутыми по бокам.

